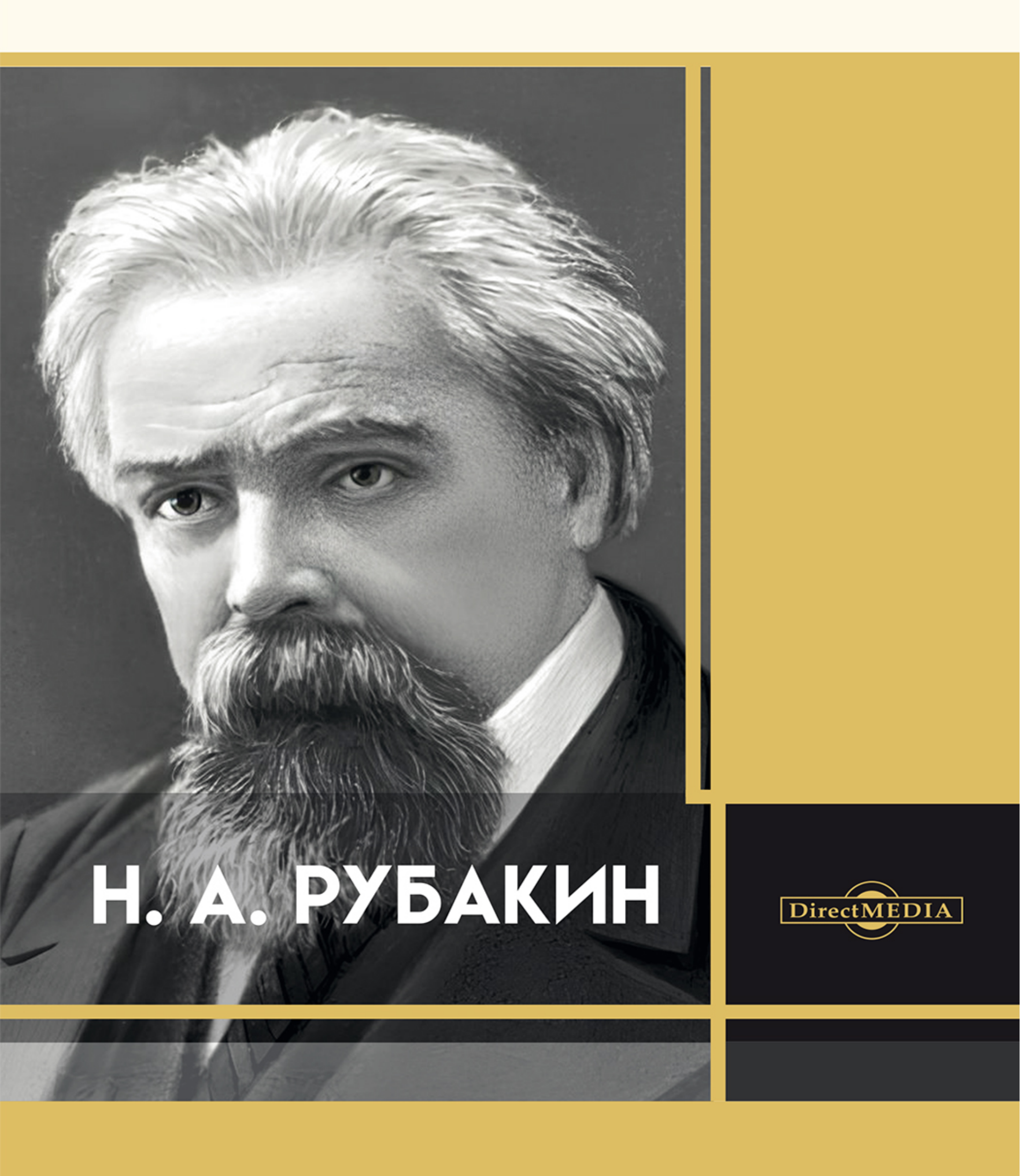
МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

А. Н. РУБАКИН

Н. А. РУБАКИН

DirectMEDIA

А. Н. Рубакин

Н. А. Рубакин

Москва
2024

УДК 929:015Рубакин
ББК 78.53(2)д
Р82

Рубакин, А. Н.

Р82 Н. А. Рубакин / А. Н. Рубакин. — Москва : Директ-Медиа, 2024. — 240 с.

ISBN 978-5-4499-4387-3

Книга рассказывает о жизни и творческой деятельности известного популяризатора науки, библиографа и писателя Николая Александровича Рубакина, сделавшего много для просвещения трудового населения России. Его называли «энциклопедистом вне времени и пространства», чьи произведения были переведены на двадцать восемь языков. Им было опубликовано 350 журнальных статей, не считая газетных, написано и издано 280 книг и брошюр, среди них — 15 руководств для самообразования. Изложение научных вопросов давалось автором настолько в оригинальной и привлекательной форме, что интерес к Рубакину и его работам не ослабевает и поныне.

Воспоминания написаны сыном Н. А. Рубакина — Александром Николаевичем Рубакиным.

УДК 929:015Рубакин
ББК 78.53(2)д

ISBN 978-5-4499-4387-3

Мне уже 65 лет, но я никогда не считал и не считаю себя стариком, а работаю без воскресений и каникул вот уже 50 лет и со времени моей юности находился и нахожусь в теснейших сношениях с молодежью, которую я люблю и знаю и которой по мере своих сил и как умею помогаю в ее светлых стремлениях к свету, воздуху и теплу и в трудной работе выяснения и усвоения великих принципов трудового строя и социальной и личной жизни. И 40 лет переписки и общения с такой молодежью ни разу не дали мне возможности киснуть, унывать, опускать руки и считать себя стариком. Нет, стремления молодости — это и мои стремления, настроение борьбы — это и мое настроение, вера в полную возможность осуществления социального строя на принципах действительно новых, справедливых, трудовых — это и моя вера до сих пор и до конца дней.

Н. А. Рубакин.
Письмо к И. И. Лебедеву от 5/IV 1928 г.

Глава 1. Рубакин в цифрах

«Имя Рубакина в данное время мало кому-нибудь что-нибудь говорит, но тогда (1890–1900) этот крупный талант, часто воевавший с цензурой, был лозунгом для писателей, работавших для народа. К нему совершались в буквальном смысле паломничества молодых начинающих литераторов и студенчества» — так писала в своих воспоминаниях писательница М. В. Ямщикова, известная под псевдонимом А. Алтаев.

В 1962 году в СССР отмечалось столетие со дня его рождения, и все крупные газеты и журналы в Москве, Ленинграде и в ряде городов СССР так или иначе отметили эту дату. Рубакин не был забыт, и даже ничего не знавшая о нем молодежь заинтересовалась человеком, который больше всего работал для молодежи и книгами которого зачитывалась молодежь в течение многих десятилетий до революции, книги которого уничтожала царская цензура.

Как-то в сентябре 1965 года я проходил по Кузнецкому мосту в Москве и увидел толпу и длинную очередь у книжного ларька на улице. Оказывается, тут продавалась только что выпущенная третьим изданием — массовым — книга моего отца против религии «Среди тайн и чудес». Именно за нею и стояла очередь. За книгой, написанной Рубакиным в 1912 году. Значит, было что-то притягательное в этой книжке, написанной более полувека назад!

В 1946 году, когда скончался Николай Александрович Рубакин, его старый друг, Николай Васильевич Чехов, известный педагог и деятель просвещения, сообщил об этой смерти сотруднику одной из больших столичных газет. Тот долго припоминал что-то, а потом вдруг сказал: «Да, Рубакин, я что-то слышал о нем. Он, кажется, был когда-то народным комиссаром».

Нет, Рубакин никогда не был народным комиссаром и никогда не занимал никакой официальной правительственной должности. Он всю жизнь был писателем, просветителем, библиографом, и его деятельность в области просвещения громадна.

В наше время особенно любят выражать все цифрами. Любил цифры и Николай Александрович Рубакин. Недаром в его научно-популярных книжках всякие факты подкрепляются цифрами, недаром им была написана замечательная книжка «Россия в цифрах», которую так ценил Владимир Ильич Ленин. Обратимся же к цифрам, и мы для того, чтобы, так сказать, математически точно показать, что сделано Рубакиным за его долгую жизнь. Он сам приводит такие цифры в ненапечатанных автобиографических заметках. Список (еще неполный) своих печатных трудов он составил в 1934 году, но и после этого, до 1946 года — года смерти — им было написано немало.

Рубакин, по его воспоминаниям, печататься начал очень рано — в 1875 году, в возрасте 13 лет (писать начал еще раньше). Это были сатирические стихи.

Им было опубликовано 350 журнальных статей, не считая газетных, написано и издано 280 книг и брошюр, в том числе 233 для читателей крестьян и рабочих, среди его брошюр насчитывалось 15 руководств для самообразования.

За это же время Рубакин составил около 15 тысяч индивидуальных программ для чтения и самообразования.

47 написанных Рубакиным книг было запрещено и уничтожено царской цензурой тотчас же по их выходе в свет, семь книг искалечено цензурой. Научно-популярные книжки Рубакина были изданы на 28 языках (иностранных и народов нашей страны).

Уже одно это показывает, насколько оригинальна и привлекательна была форма, в которую Рубакин облекал свое изложение научных вопросов.

Редкий писатель может похвастаться тем, что его книги переведены на столько языков.

Насколько книги Рубакина по вопросам науки были любимы читателями и доходчивы, можно судить еще и по следующему факту: в первые годы после Октябрьской революции, когда в стране усилилась страшная разруха, когда бушевала гражданская война, когда бумаги не хватало даже для газет, советские органы власти переиздавали книги Рубакина огромными тиражами. Так, в 1919–1920 годах Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов издал 22 книжки и брошюры в количестве 1420 тысяч экземпляров. Отпечатаны они были на очень плохой бумаге, выглядели очень неважно, но раскупались моментально. Советская власть сочла нужным издать эти книжки. «Среди тайн и чудес» переиздало издательство Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (Москва, 1919 г.). Оно же — «Самые дикие люди на земле», «Рассказы о делах в царстве животных», в том же году издательство Союза коммун Северной области переиздало «На плавающих льдинах по Ледовитому океану» (Петроград, 1919 г.).

С 1923 по 1928 год советскими издательствами было переиздано еще 23 книжки Рубакина (тираж их 166 тысяч экземпляров), а, кроме того, ввезено в СССР пять книжек Рубакина по естествознанию, изданных за границей тиражом 49 тысяч экземпляров.

О том, как читали Рубакина в первые послереволюционные годы, можно судить по статье, напечатанной в журнале «Красный Библиотекарь» (1923, № 4) «Какие авторы научной литературы пользуются успехом у читателя-рабочего». Вот что писал этот журнал: «По пяти рассматриваемым нами передвижкам на первом месте, оставляя далеко позади себя других авторов, стоит Рубакин (его книги по естествознанию и географии). Надо заметить, что его читае-

мость превышает значительно читаемость даже беллетристов... Рубакина читают и пожилые и молодые, и мужчины и женщины. Особенное впечатление он производит на малоразвитых, начинающих читателей, они прочитывают некоторые его книги по нескольку раз».

С 1889 по 1928 год разошлось свыше 20 миллионов экземпляров книг Н. А. Рубакина. Если считать, что каждую книжку читал не один человек, а несколько, иной раз десятки читателей, то можно сказать, что в дореволюционной России почти не было грамотного человека, который бы не читал книжек Рубакина. А ведь надо помнить, что до революции свыше 75 процентов населения России было неграмотно и даже грамотные люди могли с трудом читать книги, написанные часто недоступным для них, непонятным языком.

После революции, когда в народе с новой силой вспыхнула жажда знания, страсть к книге, к учению, спрос на научно-популярные книги Рубакина возрос во много раз, а возможности удовлетворить его из-за недостатка бумаги, типографий, авторов и т. д. резко снизились. Тем более надо ценить то, что в эти трудные для нашей страны времена Советская власть нашла возможным в первую очередь печатать эти работы.

Надо особо выделить целый ряд научно-популярных книжек Рубакина, написанных им уже в эмиграции в Швейцарии и изданных Европейской организацией американского «христианского общества молодых людей» (УМКА). Книжки эти официально ввозились и распространялись в Советской России, так как советские организации за границей закупали их для России. Этими организациями в первые годы после Октябрьской революции было закуплено около 55 тысяч экземпляров этих книжек и перевезено в Россию, где они моментально распродавались.

В США, в Нью-Йорке, с 1921 по 1926 год под общим названием «Научно-популярные лекции дня самообразования и публичных чтений» был издан целый ряд книжек Рубакина, специально для этого написанных: «Как устроена Вселенная», «Начало всех начал» (2 издания), «Что есть на небе» (2 издания), «Вещество и его тайны» (2 издания), «Вечное движение», «Как живут камни», «Великие слова жизни», «Новые меры длины и весов, введенные в России в 1918 году», еще много других. Ряд других книг в той же серии вышел под редакцией Рубакина. Книжка «Вещество и его тайны» была издана одновременно и в Москве издательством «Земля и Фабрика».

Книга «Среди тайн и чудес» была переиздана в Москве Издательством политической литературы в 1965–1967 годах тремя тиражами каждый от 95 тысяч экземпляров до 150 тысяч.

В 1975 году в Москве в издательстве «Книга» вышел под моей редакцией и с моей вступительной статьей двухтомник «Избранного» Н. А. Рубакина. Издание разошлось в несколько дней. В 1977 году в том же издательстве вышла его книга «Психология читателя и книги», опубликованная первый раз в Москве в 1929 году.

Еще при жизни Н. А. Рубакина в Германии, Франции, Италии и других странах вышел ряд работ о созданной Рубакиным новой теории — библиопсихологии.

Интерес к Рубакину и его работам не ослабевает, а, наоборот, растет и в настоящее время. Так, в Англии, в Лондоне, издательство «Клайв Бингли» стало выпускать серию книг классиков книговедения и библиографии. Первой в 1968 году в этой серии была выпущена книга о Н. А. Рубакине. В ней напечатаны на английском языке три его работы по библиопсихологии и его биография, написанная его сыном, профессором А. Н. Рубакиным, автором этих строк, и библиография работ Н. А. Рубакина.

В доступности и понятности языка книг Рубакина и лежит один из секретов их огромного распространения в народе.

Но Рубакин не ограничивался только писанием и изданием книг, он поддерживал и расширял тесную связь со своими читателями путем личной переписки и личных знакомств. С 1889 по 1907 год он переписывался с 5189 читателями главным образом из трудящихся классов, а с 1911 по 1915 год — с 5507. Даже после своего отъезда за границу он продолжал переписываться со многими тысячами старых и новых читателей, несмотря на все трудности этой переписки. К ним еще прибавились друзья, которых он приобрел за рубежом. Переписка Рубакина со своими читателями была, если можно так выразиться, перепиской деловой, в которой он не просто разговаривал с читателями, а руководил их самообразованием.

Добавим, что за свою жизнь Рубакин собрал две огромные библиотеки. Первую, в 130 тысяч томов, он подарил в 1907 году Петербургской лиге образования. Вторую, почти в 100 тысяч томов, еще более ценную по подбору книг, он завещал Государственной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве, где она и находится в настоящее время.

Таковы цифры, отражающие жизнь и научную деятельность Н. А. Рубакина.

* * *

Мы не будем здесь рассматривать подробно все этапы жизни Рубакина — о главнейших мы расскажем в соответствующих разделах. В его биографии самое важное — это то, что им было сделано в области служения народу, служения науке, служения революции. И тут приходится удивляться, как мог успеть человек, в жизнь которого все время вторгались и внешние события, и внутренние переживания, и горести, сделать так много, как он сделал. Ка-

кую волю к жизни, какую работоспособность, целеустремленность нужно было иметь, чтобы сделать все то, что он сделал!

С самого раннего возраста и до последних дней жизни Рубакин работал в одном направлении — изучении книги, читателя, автора, и все прочие его работы группируются вокруг этой основной темы. И написание им научно-популярных книжек и художественных произведений, и создание библиотек, и составление каталогов, и переписка с читателями — все это было тесно связано, «Последний энциклопедист» (как его назвал писатель Лев Разгон), писавший на самые разнообразные темы, обладавший широкими, глубокими и разнообразными знаниями, все их поставил для достижения одной цели — просвещения народа, борьбы за книгу и во славу книги, за читателя и ради читателя. Выражение «великие цели рождают великую энергию» особенно приложимо к нему.

Он ни разу не свернул с избранного им пути, ни разу ему не изменил. Его жизнь показывает, чего можно достичь, если сделать ее целеустремленной. Поэтому и его биография представляет немалый интерес. Мы с полным правом можем говорить о замечательной жизни замечательного русского человека, писателя, борца, революционера, девизом которого было «Да здравствует книга — могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость». Но эта фраза становится еще яснее, когда к ней добавляют другую фразу, сказанную им же: «Культурная работа — это средство, революция — цель».

Глава 2. Начало пути

Николай Александрович Рубакин родился в купеческой семье 1 июля 1862 года по старому стилю, 13 июля по новому. В паспорте же Рубакина значилось — родился 3 июля. Дело в том, что метрика его сгорела при пожаре в 1864 году и восстановлена была по памяти настоятелем Ораниенбаумской церкви, который крестил мальчика. Жили Рубакины в маленьком городке Ораниенбауме, расположенном рядом с Петербургом и тем не менее сохранившем все черты глухого русского провинциального городишка.

Отец Николая Рубакина, Александр Иосифович, происходил из старинной купеческой семьи. Род Рубакиных был из Псковской губернии, они, по выражению местных жителей, были «скопские». Николай Александрович очень любил говорить, что он родом из «самой демократической русской республики — Пскова», что Псков чисто русское место, до него даже татары не доходили в XIII веке, и поэтому в жилах у него только русская кровь.

Мой дед был довольно состоятельным по тому времени человеком, но к старости растратил все свое состояние. В Ораниенбауме (или Рамбове, как его называли в народе) ему принадлежали торговые бани и несколько домов на главной улице — Дворцовом проспекте. Кроме того, он торговал лесом, у него была «лесная биржа», то есть склад леса, который он продавал. Жил он при этой бирже в деревянном двухэтажном домике с резными ставнями, окнами и крыльцом. Но «биржа» постепенно таяла, леса в ней становилось все меньше и меньше, из рабочих в конце концов остался только один. Дед, вероятно, был плохим торговцем. Как пишет отец, «человек он был добрый и честный, верующий, сначала молился на Александра II и ругал террористов 1881 года, убивших его, но потом стал бранить Александра III за его

пособничество дворянам-помещикам и чиновникам». Дед очень их не любил, да и отца моего приучил их не любить. Действительно, всю жизнь отец органически ненавидел чиновников и помещиков и недолюбливал дворян. Правда, это не помешало ему жениться на дворянке.

Довольно долгое время — 18 лет — дед был выборным городским головой города Ораниенбаума. Был даже награжден за службу какой-то медалью. По-видимому, в городе его очень любили — Ораниенбаум был, по существу, мелким заштатным городком, населенным главным образом мелкими ремесленниками, купцами второй и третьей гильдий и дворцовыми служащими.

С родней моей матери дед контакта не имел и не искал: ее он побаивался, считая слишком высокой для себя, а родня моей матери, по существу, презирала купеческих родственников моего отца — родственники матери были хотя и небогаты, но... дворяне, и ее замужество рассматривали как «мезальянс».

Дед мой был потомком старообрядцев, хотя сам никогда не был активным старообрядцем, но был человеком религиозным, верующим. Он никогда не пил и не курил.

Деда я помню как типичного «дедушку» — доброго, внимательного, величавого, очень любезного с моей матерью.

Нас, детей, дедушка очень любил, добродушно ласкал, дарил конфеты, деньги. К матери моей он чувствовал какое-то особое уважение — в его глазах она принадлежала к более высоким общественным кругам, чем он сам.

На вид дедушка был типичным мужиком с Севера, носил длинную седую бороду, был белый как лунь, хотя умер не очень старым.

Я очень любил поездки к деду — ездили мы с матерью редко, а отец еще реже и всегда отдельно от нас.

Мать моего отца, Лидия Терентьевна Рубакина, была из старообрядческой семьи Тихоновых. Семья ее была довольно

состоятельной и тоже купеческой, даже типично купеческой, в стиле героев пьес А. Н. Островского. У Тихоновых был дом на Гороховой улице в Петербурге и меховой магазин в Александровской линии по Садовой улице. Отец вспоминал, что отец Лидии Терентьевны колотил при нем своих сыновей за то, что они, молясь, плохо клали земные поклоны, — он стукал их лбом об пол. Был он ревнив, подозрителен. Жену свою избивал и «вогнал ее в гроб» преследованиями за воображаемую измену. Не любил он и дочь Лидию, считая, что она не его дочь. Образования он дочери не хотел давать — она училась только в пансионе какой-то мадам Труба в Петербурге. Но Лидия Терентьевна много читала, выучилась сама французскому языку и завязала знакомства с передовыми и даже революционными кругами. Так, еще до замужества она познакомилась с семьей Алексеевых. Глава этой семьи, Александр Николаевич Алексеев, привлекался в свое время по делу Каракозова, учинившего покушение на Александра II. Отец мой знал его и вспоминал о нем очень хорошо: «Александр Николаевич Алексеев был из породы новых людей 60-х годов и имел хорошее влияние на мою мать, да и мне дарил книги... Он, моя мать и другие бывали в каком-то кружке, где бывал и Д. И. Писарев. Мать моя уже была «заражена» нигилизмом 60-х годов. Она даже отдала свое обручальное кольцо студенту (а впоследствии профессору) «Сашке Полотебнову» на спасение кого-то из замешанных в каракозовском деле».

Этот Полотебнов, впоследствии крупный ученый, профессор-дерматолог, «отец русской дерматологии», был одним из замечательных ученых 70-х годов. Он, между прочим, одновременно с профессором Манасеиным открыл свойства зеленой плесени и даже применял ее для лечения инфицированных ран. Как известно, 60 лет спустя английский ученый Флеминг выделил из этой зеленой плесени особое вещество — пенициллин, легшее в основу

современного изучения одних из самых могущественнейших средств против инфекций — антибиотиков. Но открытие Манасеина и Полотебнова в ту эпоху прошло малозамеченным, да и истолковывалось ими неправильно.

Лидия Терентьевна не чуждалась и писательского дела: ею была переведена на русский язык книга Бюхнера «Сила и материя» и другие книги. Лидия Терентьевна, по-видимому, увлекалась и естественными науками. Так, она вела ожесточенные споры с учителем моего отца, Егором Ивановичем Ивановым, который не признавал учения Дарвина. Сама она брала уроки химии у одного инспектора Ораниенбаумского городского училища, Евграфа Стрельцова. Стрельцов написал в 1875 году известную тогда книгу «Из 25 лет практики сельского учителя».

Бабушку Лидию Терентьевну я хорошо помню. Она очень любила меня и моего брата Мишу, который был еще совсем маленьким, когда она умерла. Она жила в Петербурге на Покровской площади вместе со своей старой прислугой Катей, работавшей у нее много лет и ставшей членом семьи. Катя после смерти бабушки уехала в деревню где-то под Боровичами, а отец ей выплачивал небольшую пенсию.

Бабушка была очень нервной, но вместе с тем энергичной и властной женщиной, хотя и любила советоваться с моим отцом и с его друзьями. Вокруг нее всегда были друзья ее сыновей, всех их она близко знала, говорила им «ты», называя их теми прозвищами, которые они давали друг другу в студенческой среде. Все они очень любили и уважали ее.

Я вижу бабушку с вечной папиросой во рту, с прокуренными губами, в ее квартире все пропахло табаком, пахло от нее самой, даже от ее болонки Крошки. Она покупала табак и гильзы и сама набивала их. Это тоже было остатком привычек 60-х годов, когда курение для женщины было одним из видов протеста против неравноправия.

Лидия Терентьевна умерла весной 1905 года, когда мой отец жил в Алуште. Лидия Терентьевна была единственным человеком в его семье, всегда болевшим за него, радовавшимся его литературным и общественным успехам, гордым за его деятельность. Она первая направила его ум и волю в сторону писательства, первая вложила в него страсть к науке и к книге. А эта страсть стала не только страстью, требующей удовлетворения, но и самой основой его жизни. Благодаря своей матери отец мой не стал ни купцом, ни чиновником, не потонул в гуще беспросветного мещанства.

После смерти деда биржу продали вместе с домом на ней, за моим отцом остались только бани и дом на Дворцовой улице, которые он сдал в аренду и получал за них всего около 200 рублей в год. Бани Николай Рубакин терпеть не мог, очевидно, потому, что в детстве отец заставлял его продавать посетителям веники и следить за приказчиками.

Как и дед, отец не умел торговать, хотя и делал вид, что разбирается в коммерческих делах. Теперь, вспоминая его фантастические планы в области издания его же собственных книг и договоров с издателями, я поражаюсь наивности отца: по существу, он не умел устраивать свои дела с издателями, которые наживали огромные деньги на его книгах, а ему платили очень мало. Тем не менее сам он очень уважал и даже ценил своих издателей за их коммерческую смекалку, умение вести дела. Издатели же подсовывали ему кабальные договоры. Отцу просто не приходило в голову, что можно работать в области просвещения только по необходимости, из-за заработка, а не из интереса. Он считал, что для книжного дела можно отдавать бесплатно все свое время и силы, и требовал того же от своих сотрудников. Поэтому и платил он им очень мало, находя это вполне естественным. Но главное было в том, что он и не мог платить им много — было не из чего

платить. Приглашая сотрудников, он всегда полагал, что они идут к нему работать из интереса, а не из-за денег.

Брат отца, Миша, своей мягкостью, податливостью, умением ладить с людьми, мирить их был очень похож на деда. Если моего отца бабушка вывела на путь, по которому он и сам желал пойти, то Мишу она буквально вытолкнула на этот путь, так как у него на это не хватило бы энергии.

Дед был против того, чтобы его дети, то есть мой отец и дядя, учились, шли в университет — «пусть, мол, идут они по торговому делу». Отговаривался он и тем, что не хватит средств жить на два дома, если они уедут в Петербург учиться. Боялся он также и того, что скажут «другие», — в его среде учение не считалось приличным занятием. Он не хотел даже, чтобы моего отца отдали в гимназию, но бабушка добилась этого и добилась того, чтобы он разрешил ей в 1873 году переехать в Петербург для воспитания детей.

Миша прекрасно окончил реальное училище, поступил в Технологический институт и стал инженером-технологом, знающим, умным, опытным, которого все окружающие очень любили и уважали. Но это не мешало ему, будучи студентом, вести совершенно другой образ жизни, чем мой отец: он любил и погулять, и выпить, и покутить, — и все эти привычки остались у него позже, когда он стал чиновником — фабричным инспектором.

Дядя Миша всюду и всегда был всеобщим любимцем. В своей работе он был исключительно честным человеком. А работа у него была нелегкая. Большую часть жизни он служил фабричным инспектором — ему приходилось следить за техникой безопасности на заводах, за соблюдением тех немногих правил по охране труда, которые существовали в то время и которые фабриканты не хотели соблюдать. Он при всей своей мягкости умел заставить выполнять положения закона, но не больше: больше ему

самому по закону не полагалось. Политических убеждений у него не было — он возмущался несправедливостью, которую видел вокруг себя, однако не боролся с нею и даже отца уговаривал не бороться. К отцу он относился с большой любовью и уважением.

Совсем иного характера была семья моей матери, в которой отцу тоже, по существу, было нечего делать и которая рассматривала его как человека, недостойного ее круга, — писателя и революционера.

Моя мать, Надежда Ивановна Игнатьева, первая жена моего отца, родилась в Вологде и очень любила вспоминать об этом городе, в котором, впрочем, она жила мало. Я не знал ни ее матери, ни ее отца, а между тем у них была большая семья. Мать моя была последней дочерью, а всего в семье было 16 детей. Семья жила очень небогато, как обычно жили семьи мелких чиновников, но дети почти все сделали крупную карьеру.

Редкие из родных моей матери поддерживали хорошие отношения с Николаем Александровичем Рубакиным. Среди этих немногих в первую очередь следует назвать ее двоюродную сестру Августу Владимировну Мезьер. Это была довольно красивая женщина со светлыми кудрявыми волосами, властная, имевшая всегда твердое мнение обо всем. Августа Владимировна, или, как называли ее в семье, Гуля, придерживалась определенно левых взглядов. Она стала фельдшерицей, в свое время работала «на голоде». 9 января 1905 года после расстрела мирной демонстрации рабочих она провела целый день на Дворцовой площади, перевязывая раненых. Вечером она приехала к нам и рассказала об этом кошмарном расстреле.

Августа Владимировна вместе с Н. К. Крупской, сестрами Менжинскими, моей матерью преподавала в воскресной школе на Шлиссельбургском тракте. Она работала и в библиотеке Рубакина. Под его руководством она сделала ряд

научных работ, составила библиографию российской словесности, признанную классической. А. В. Мезьер стала впоследствии широко известна среди библиографов.

Вторым человеком из семьи Игнатьевых, признавшим Рубакина, была племянница матери Маруся Гирс. Дочь крупного царского чиновника из старой дворянской семьи, она сочувствовала революционному движению, оказывала моим родителям услуги в конспиративной работе — прятала литературу, переносила ее. Когда в конце 1907 года я бежал из Сибири, именно Маруся устраивала мне нелегальный отъезд за границу, доставала явки.

Николай Александрович Рубакин прожил почти 85 лет. Он жил в самую бурную, самую великую эпоху истории нашей страны. Он еще застал в своей жизни и борьбу «Народной воли» против царского самодержавия, и разгром этой организации, нарождение нового, марксистского течения русской революционной мысли, и темную реакцию конца 60-х и начала 90-х годов прошлого века, и мощный подъем революционного движения в начале века, и первые грандиозные выступления пролетариата в 1905 году, и новый разгул кровавой реакции в последующие годы, и снова подъем революционного движения, и, наконец, Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Он пережил русско-турецкую войну 1876–1877 годов, и русско-японскую войну 1904–1905 годов, и первую империалистическую мировую войну, и великую войну Советского Союза с германским фашизмом. И почти во всех этих событиях он, так или иначе, участвовал, все они отражались на его общественной и личной жизни. Он прожил почти 40 лет в Швейцарии, далеко от Родины и в то же время работал только для Родины.

Эпоха, в которую жил Рубакин, была и эпохой величайших технических завоеваний. Он видел рождение века электричества, появление первых автомобилей, первых

самолетов, беспроволочного телеграфа, радио, телевидения и многих сотен других изобретений, выражавших человеческий гений и разум, которые прославлял Рубакин.

Николай Александрович, по существу, мало что помнил об ораниенбаумском периоде своей жизни, так как его семья переехала в Петербург в 1873 году, когда ему было всего 11 лет. Он помнил только то, что в Ораниенбауме отец заставлял его и Мишу продавать веники при входе в бани и следить за тем, чтобы приказчики не разворовывали кассу.

Мальчики проводили много времени с рабочими деда в банях, на лесной бирже, слушали рассказы и сказки рабочих. То, что Николая Рубакина заставлял делать отец, по его словам, «влило ему в душу много мелочности и копеечности».

В 1874 году Николай и Михаил Рубакины выдержали вступительные экзамены во 2-е петербургское реальное училище. Мой отец решил поступить в университет, для чего требовалось сдать экзамен по латинскому и греческому языкам и некоторым другим предметам. Поэтому отец упросил родителей взять его из шестого класса реального училища и стал готовиться к экзаменам дома. За 13 месяцев он изучил все требуемые премудрости, блестяще сдал экзамен и в 1880 году поступил в университет.

Реальное училище, где он учился, он не любил, особенно не любил педанта немца, директора. Со второго класса Рубакин старался не ходить в училище, а в третьем классе ухитрился за год пропустить 565 уроков, но все-таки перешел в следующий класс. В пятом классе он остался на второй год. После этого стал учиться хорошо и был первым учеником. Особенно хорошо он писал сочинения, и один из его учителей предсказал ему, что он будет писателем. «Вам предстоит в жизни много писать», — сказал он ему.

Очень рано проявилась у Рубакина любовь к книгам, а понимание значения книг пришло только со временем. В автобиографии Рубакин рассказывает: «Будучи еще в реальном училище, в 1875 г., я подбил мою мать открыть библиотеку. Она продала два выигрышных билета, купила на 60 рублей книг, остальное взяла в кредит. Всего было куплено около 600 книг. Это было 22 октября 1875 г. — открыта библиотека Л. Т. Рубакиной на Могилевской улице. Я был мальчиком в этой библиотеке и рылся в книгах... во время учения во 2-м реальном училище. Мать и я в книгах ровно ничего не понимали». Через двадцать лет библиотека Л. Т. Рубакиной благодаря Николаю Рубакину стала крупнейшей частной библиотекой в России.

Писать Рубакин начал очень рано и с детства мечтал о том, чтобы стать писателем. В девять лет он составил список своих будущих сочинений, списав их названия из журнала «Эпоха» за 1864 год, отвез список в типографию, приложил к нему две копейки... за напечатание и убежал. В 1871 году, то есть в том же возрасте, он составил географический словарь, писал что-то, делал выписки из книг и журналов.

Писать научные статьи, и притом ярко популярного характера, Николай Рубакин начал тоже очень рано. В 1878 году, то есть когда ему было всего 16 лет, он напечатал свою первую научную статью «О боготворении животных» в журнале «Детское чтение» я даже получил за нее гонорар в 16 рублей — большая сумма по тому времени, сразу возвысившая его в глазах отца, который вообще не придавал серьезного значения писательским наклонностям сына.

В 1879 году Рубакин напечатал вторую научную статью в «Семейных вечерах» Софьи Каптиревой «Всегда ли люди умели писать», а затем и ряд других. Уже одно заглавие этой статьи характерно для будущей деятельности Рубакина: он всегда давал такие названия своим статьям и

книжкам, которые возбуждали интерес у читателя еще до их прочтения. Так, впоследствии им были написаны работы «Как люди научились говорить каждый на своем языке», «Самые дикие люди на земле», «Хватит ли на всех земли, если ее разверстать правильно».

Каптирева считала Рубакина «талантливым сотрудником», как она пишет в своих воспоминаниях. Но вместе с тем она считала его очень «благонамеренным» с точки зрения отношения к правительству, разумеется. Но уже в это время отец таковым не был.

В 1879–1880 годах Рубакин стал писать стихи преимущественно сатирического содержания и печатал их в «Стрекозе», «Будильнике» и других юмористических журналах того времени обычно под псевдонимами («Р.», «Р-н», «Ораниенбаумский» и др.).

В последних классах училища Рубакин сблизился с неким Василием Бонч-Осмоловским, от которого впервые узнал о существовании нелегальной революционной литературы. Бонч-Осмоловский передал ему нелегальные революционные брошюры «На смерть Мезенцева» (шефа жандармов, убитого Степняком-Кравчинским) и «Заживо погребенные» (об узниках самодержавия), а затем письма Миртова (П. Лаврова), имевшие тогда громадное влияние на молодежь и изданные нелегально.

В 1880 году Рубакин познакомился с философией Огюста Конта и его «религией человечества» и сразу им увлекся. Увлечение Контом он сохранил до конца своих дней и был, вероятно, последним «континианцем» на свете. Его особенно прельстила классификация наук по Конту и принцип энциклопедичности образования. Поэтому, поступив в 1880 году в Петербургский университет, он решил учиться сразу на всех трех факультетах. Он поступил на естественный факультет, так как там изучали «точные науки», основу всех наук, по Конту, но одновременно посещал лекции двух дру-

гих факультетов и проходил их курсы. Кроме того, Рубакин стал доставать лекции крупных ученых — профессоров других университетов (Чупрова, Буслаева, Веселовского и т. д.). Как он сам пишет, «за 5 лет я одолел все три факультета систематически». Вместе с ним, по его словам, тоже по три факультета окончили и его товарищи по университету, впоследствии известные ученые, — химик В. И. Вернадский, ботаник и географ А. Н. Краснов, физик И. П. Лебедев, историк И. М. Гревс.

Но такого рода усиленные занятия отозвались на его здоровье. В 1881 году он страдал переутомлением и, как сам пишет, стал неврастеником. Вдобавок в том же 1881 году он перенес тиф, из-за чего ему пришлось отложить экзамены с весны до осени. Но эти же занятия выработали в нем необыкновенную работоспособность, которую он сохранял всю свою жизнь.

Уже в начале 80-х годов Рубакин примкнул, как он сам говорил, к «социалистическому течению русской общественной мысли» и стал усиленно изучать социализм по легальной и еще больше по нелегальной литературе того времени. Он сразу же отдался всей душой делу социализма, стал распространять социалистическую литературу, а с 1882 года начал писать в различных подпольных изданиях. Настоящий склад такой литературы хранился на квартире, где он жил со своей матерью; «...нередко, — как пишет он сам, — произведения такой литературы писались и гектографировались там же, а затем оттуда распределялись по петербургским кружкам, а оттуда в провинцию».

В 1884 году, будучи студентом, Рубакин стал писать работу на тему «О развитии крови в сердце у зародыша цыпленка». Для этой работы мой дед купил ему микроскоп Зейберта, который он хранил всю свою жизнь[1]. Над

---

[1] В 1964 году этот микроскоп был передан мною Политехническому музею в Москве.

темой Рубакин работал всего полтора месяца и за работу эту получил золотую медаль. А вскоре его арестовали по делу о «Санкт-Петербургской студенческой корпорации», членом которой он состоял.

Несомненно, все члены этой «корпорации» были под тайным полицейским надзором. Неудивительно, что департамент полиции заинтересовался и талантливым новым молодым членом этой корпорации. В бумагах департамента полиции, отысканных в Государственном архиве СССР В. М. Романовым и В. Н. Прокопенко, имеется следующая секретная характеристика «корпорации» и Рубакина: «Согласно первоначальному уставу корпорация эта не преследовала никаких преступных целей, но уже через три месяца по ее учреждении установлены были сношения корпоративного совета с многими революционными группами, причем некоторые из членов под влиянием сближения с противоправительственными лицами (слог! — А. Р.) и чтения изданий подпольной прессы настолько прониклись сочувствием к преступному движению, что заявили требование об изменении первоначального устава в видах более тесного общения с революционной партией и оказали содействие последней. Обыски, произведенные у обвиняемых по этому делу, послужили к обнаружению целого склада революционных изданий, составивших собственность библиотеки корпорации. В числе лиц, подвергнутых обыску, находился и Рубакин, у него были найдены преступного содержания заметки и стихотворения и листок для сбора пожертвований политическим ссыльным. Рубакин, как это установлено дознанием, состоял членом корпорации и занимался распространением революционных изданий. По высочайшему повелению 10 мая 1886 года, последовавшему в разрешение дознания, Рубакину вменен был в наказание предварительный арест с подчинением его затем гласному надзору полиции на один год...»

Не надо забывать, что деятельность этой «корпорации» была раскрыта всего через пять лет после убийства императора Александра II исполнительным комитетом «Народной воли». Правительство боялось революция и всячески охотилось за всеми проявлениями свободной мысли, в особенности среди студентов и рабочих.

Будучи студентом университета, Рубакин познакомился с Александром Ульяновым, братом Владимира Ильича Ленина, и, по-видимому, это знакомство, как и личность самого Ульянова, оказало огромное влияние на моего отца. Именно под этим влиянием Рубакин и вступил в нелегальную студенческую корпорацию. Вошел он и в один из научных кружков, которым руководил А. Ульянов.

Как известно, организация А. Ульянова готовила покушение на Александра III, но была раскрыта полицией, и пять наиболее активных участников ее, в том числе А. Ульянов, были казнены. Эта казнь произвела сильнейшее впечатление на Рубакина и, как он сам потом писал и говорил, сделала из него революционера.

В одном из русских нелегальных журналов, издававшихся в то время за границей, были помещены стихи неизвестного автора, и лишь недавно удалось выяснить, что эти стихи были написаны Рубакиным под впечатлением казни Александра Ульянова. Приведем наиболее характерные строки из этих стихов:

Тяжко мне,
Но не могу я с злой судьбой моей мириться.
Я один, но не могу я с силой темною не биться.
Я погибну, ну так что же,
Коль мое погибнет тело?!
Будет дух мой так же биться
Все за то ж святое дело.
Я желал бы
Сон — нарушить.

Жизнь пресыщенных — разрушить.
Мрак — развеять, разогнать.
Всем униженным, скорбящим,
Всем о счастии молящим
Я желал бы счастье дать.
Я хотел бы это счастье
С бою взять — народной властью!
Слабых духом — поддержать.
Унижающих — унизить.
Обижающих — обидеть.
В мертвых — снова жизнь вдохнуть.
Старый мир — возненавидеть,
Старый строй — перевернуть.
...Я погибну, ну так что же,
Коль мое погибнет тело?!
Будет дух мой так же биться
Все за то ж святое дело.

Под арестом Рубакин пробыл меньше суток, его освободили под залог, внесенный его отцом. Но в результате этого ареста всякая научная университетская карьера для него была закрыта. Ему запретили заниматься педагогической деятельностью. Сам он был поставлен под гласный надзор полиции, замененный вскоре надзором «университетским». Но он уже не смог остаться работать при университете у профессора Ф. П. Овчинникова. И «это обстоятельство, — как пишет сам Рубакин, — сделало меня писателем».

Когда Рубакин окончил университет, отец уговаривал его пойти на государственную службу, стать чиновником, убеждая: «Ты и тогда сможешь писать». То же самое советовала ему и мать. Но Рубакин всегда чувствовал отвращение к службе. Он подбил отца взять в аренду бумажную фабрику в Стрельне. Отец его взял на себя торговую сторону дела, брат Миша как инженер-технолог — техническую, а Николай Александрович, как он пишет, «стал

ведать делами с фабричными рабочими». Именно там он впервые по-настоящему познакомился с рабочими, их бытом, их запросами и пытался вести среди них пропаганду «реальностями и без всяких страшных слов». Эта фабрика уже через три года прогорела, и деду моему пришлось даже продать два дома для покрытия расходов по ее ликвидации.

Тогда Рубакин усвоил для себя принципы, за которые его потом нередко упрекали в эклектизме: он «поставил себе за правило смотреть прежде всего на то, что соединяет борцов, а не на то, что их разъединяет, — кто не против нас, тот с нами». Он ставил себе целью вести пропаганду не среди тех, кто «уже охвачен революционными идеями», а среди тех, кто еще не захвачен ими, — «завоевать незавоеванных», как говорил он.

По существу, Рубакин не был активным профессиональным революционером. Он только помогал словом и иногда материальными средствами активным революционерам, фактически не участвуя ни в какой революционной организации. Его молодость прошла в эпоху народнического движения, из которого потом выросла партия социалистов-революционеров, в нее Рубакин вошел, так сказать, в силу кажущейся ему преемственности.

В конце 80-х и начале 90-х годов началась активная просветительская деятельность Рубакина.

Осенью 1887 года через Ольгу Константиновну Скоробогатову, работавшую потом почти до самой смерти в его библиотеке, отец познакомился с семьей вологодского чиновника Игнатьева, дочь которого, Надежда Ивановна, стала вскоре его женой и моей матерью (23 апреля 1889 г.).

Вторая жена моего отца описывала мою мать, с которой познакомилась в 1900 году: «Его (Рубакина) жена очень красивая, но немного гордая, произвела впечатление типичной передовой интеллигентки».

Моя мать, учительница воскресной школы, была тесно связана с революционными и литературными кругами того времени. Надежда Игнатьева была знакома с М. В. Новорусским, входившим в кружок Александра Ульянова, и даже считалась его невестой. Новорусский был арестован по делу Ульянова, также приговорен к смертной казни, которую ему заменили пожизненным заключением. Наказание он отбывал в Шлиссельбургской крепости — там он просидел около 20 лет.

Известный педагог и деятель просвещения Н. В. Чехов, близкий друг Рубакина, вспоминает, что познакомился с ним «через учительницу Надежду Ивановну Игнатьеву». Она познакомила Рубакина с Иваном Ивановичем Горбуновым-Посадовым, издателем «Посредника», издававшего книги Л. Толстого и литературу «для народа». Тогда же отец познакомился с видным толстовцем Павлом Ивановичем Бирюковым, ставшим его другом на всю жизнь.

В своем письме И. И. Горбунов-Посадов писал В. Г. Черткову (от 15.XII.1888 г.): «...В прошлом письме своем я писал Вам о молодом химике (?), которому передана рукопись Николая Лукича. Его зовут Николай Александрович Рубакин. Это живой человек, стремящийся основательно поработать в народной литературе. Вы несколько ближе познакомитесь с ним по его статье о «Читальне народной школы», которая будет помещена в декабрьском «Русском богатстве».

Через этих же новых знакомых Рубакин вошел в контакт и с действовавшими тогда революционными группами, в частности, с членами военной организации народовольцев.

Горбунов стал направлять Рубакина на писание народных книжек. Через него Рубакин познакомился с издателем «Русского богатства» Л. Е. Оболенским. В этом журнале и были напечатаны первые статьи Н. А. Рубакина

о народной литературе (1888 г.). В 1888 году вышли и первые популярные книжки Н. Рубакина.

В 1888 году Рубакин создал кружок по изучению народной литературы. С помощью членов этого кружка он составил «Опыт программы чтения для народа», напечатанный в «Русском богатстве» (1889 г.). Тогда же началась и переписка Рубакина с читателями, давшая ему огромный материал для дальнейшей разработки и составления народных научно-популярных книжек. В том же, 1889 году Рубакин установил связи с рядом лиц, занимавшихся народным образованием, — Бернардом Эрнестовичем Кетрицем, Александрой Михайловной Калмыковой, Сергеем и Федором Ольденбургами, с которыми он учился в университете.

В этот период Рубакин находился под неусыпным наблюдением департамента полиции, о чем говорит следующий документ[2]: «Обширная переписка с лицами, проживающими во всех концах империи, притом в большинстве политически неблагонадежными, рисует его как личность крайне деятельную, принимающую на себя поддержку нарождающихся в разных местах кружков для чтения и библиотек, в которые им посылаются книги тенденциозного содержания, преимущественно популярного изложения. Вместе с тем, как видно из содержания адресуемых ему писем (переписка Рубакина тщательно вскрывалась полицией. — А. Р.), Рубакин, пользуясь своими связями и знакомствами, устраивает на учительские места рекомендованных ему лиц либерального и даже противоправительственного образа мыслей, преподает советы и указания по вопросам систематического чтения, рекомендуя при этом приобретать такого характера сочинения, как произведения

[2] Документ найден В. М. Романовым и В. Н. Прокопенко в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР.

Маркса, Минье «История французской революции», Лавеле «Социализм» и т. д. Независимо от сего Рубакин лично и при участии других лиц (О. Поповой и др.) занимается издательской деятельностью, содействует появлению в свет переводов сочинений в высшей степени тенденциозного направления...» (Это относится к 1892–1898 годам.)

Вероятно, в то время мой отец еще был достаточно наивен и не предполагал, что вся его переписка вскрывается полицией. Но зато теперь это дало возможность восстановить некоторые его письма той эпохи, которые отражают его взгляды и его отношение к политическим событиям. Приведем его письмо к одной знакомой, найденное в копии в архивах департамента полиции: «(Петербург, 29 ноября 1892 г.) Теперь в Питере наблюдается оживление народа. Смею думать, что оживление выразится чем-либо более существенным, чем самоудовлетворением на почве «маленького дела». В умах как будто совершается какой-то переворот. Люди как будто начинают понимать, что не в культурной миссии теперь все дело, а в чем-то другом. Среди молодежи идет оживленное движение. Много помогают оживлению те, кто ездил в голодные губернии устраивать столовые (в 1891 году Россию постиг страшный голод, от которого умерли миллионы людей. — А. Р.), кто многое там видел и многое пережил. Но люди еще о многом не столковались, чувствуется недостаточное единение. Но в этом направлении идет кое-какая работа».

По материалу, собранному для составления «Опыта чтения для народа», Рубакин сделал доклад в Петербургском комитете грамотности.

Рубакин был одним из инициаторов и учредителей этого комитета, сыгравшего важную роль в распространении просвещения в народе в 90-х годах прошлого века.

Правительство со скрытой злобой следило за деятельностью этого комитета. И тут в полицейских отчетах опять

всплывает имя Рубакина. Так, министр внутренних дел Дурново писал о комитете министру народного просвещения Делянову: «...Если принять во внимание, что во главе одного из наиболее деятельных по распространению книг учреждений, С.-Петербургского комитета грамотности, стоят несколько лиц, политическая благонадежность которых более чем сомнительна, и что в издании и распространении народной литературы принимают горячее участие лица, известные своим либеральным направлением, как Михайловский, Гольцев, Засодимский, Успенский, Рубакин и многие другие, то представляется весьма вероятным, что указанное выше движение будет развиваться систематически в духе несогласности с видами правительства и в недалеком будущем может повести к весьма нежелательным результатам...»

Это письмо уже намечало репрессии по отношению к членам Комитета грамотности. В донесении охранного отделения в 1893 году говорится: «События последнего времени последовательно наталкивают на необходимость обратить серьезное внимание на Комитет грамотности и устранить из его состава всех лиц, пользующихся комитетом как орудием для достижения своих противуправительственных целей. Вот программа, которой надо следовать в нашей подготовительной работе: ...3) обыск у Рубакина, в распоряжении которого имеются, кроме легальной, и нелегальные библиотеки, надо поставить на очередь. В справку о нем необходимо внести все его сношения с самыми разнообразными лицами из разных мест империи. Он является, несомненно, весьма важным центром и, кроме распространения легальных изданий Комитета грамотности, видимо, занимается и делами не вполне легальными».

За докладом в Комитете грамотности, который произвел на общественность большое впечатление, последовали

рассказы Рубакина на новые для того времени темы: «Бомба профессора Штурмвельта» — рассказ о бомбе, начиненной микробами, вроде как предвидение будущей бактериологической войны, и рассказ «Два колеса» — об изнурительной и бессмысленной работе в тюрьмах. Оба эти рассказа были напечатаны в газете «Новое время» в 1890 и 1891 годах. Эти рассказы обратили внимание крупных писателей на Рубакина. Реакционный журналист В. Буренин стал тянуть его на работу в «Новое время», от чего Рубакин отказался. Л. Толстой, прочитав рассказы, написал Рубакину письмо с приветом и благословением. На одном вечере к нему подошел Н. К. Михайловский, первый с ним поздоровался и сказал: «Рубакин, я вас не знаю, но я вас очень люблю».

Началось его быстрое выдвижение в первые ряды писателей того времени, притом писателя оригинального, работавшего над еще не изученными тогда вопросами разработки литературы для народа на принципах, совершенно отличных от прежних.

В 1889 году в «Северном Вестнике» появилась статья Рубакина «К характеристике читателя и писателя из народа», которую приветствовал П. Б. Струве в «Русской школе» (1890 г.) и Г. В. Плеханов. Пришел к нему знакомиться писатель Глеб Успенский. А. М. Калмыкова предложила ему писать народные книжки для ее издательства.

В 1891 году после того, как доклад Рубакина в Комитете грамотности был напечатан в «Северном Вестнике», к нему пришла знакомиться Надежда Константиновна Крупская, ставшая с тех пор читательницей его библиотеки. Л. К. Давыдова пригласила его заведовать редакцией «Мира божьего», которой отец и заведовал, причем, по его же словам, очень плохо.

Стали завязываться обширные знакомства Рубакина во всех писательских кругах, главным образом народнических.

Так, он тогда же познакомился с С. Н. Кривенко, В. П. Воронцовым, Ф. Ф. Павленковым и другими, с ними он близко сошелся и оставался их другом до самого их конца.

В 1893 году через Кривенко Рубакина пригласила заведовать ее издательством О. Н. Попова, и с 1894 по 1897 год он им заведовал. Издательство под редакцией Рубакина выпустило целый ряд крупнейших произведений известных прогрессивных писателей и ученых Запада. Но в 1897 году разразился скандал: Попова передала издаваемый ее издательством журнал «Новое слово», бывший до того времени народническим, «легальным марксистам», даже не предупредив народников. В результате все народники ушли из ее издательства.

У Рубакина началась многолетняя работа в различных прогрессивных издательствах того времени. В 1897–1899 годах он вел особый отдел И. Д. Сытина, который был также под «особым» наблюдением полиции. В 1901 году он заведовал издательством Алексеева и входил в число компаньонов, руководивших этим издательством.

Рубакин, уйдя из «Нового слова», продолжал там печататься. Известный литературовед той эпохи В. А. Поссе писал даже, что «Н. А. Рубакин был самым талантливым из сотрудников «Нового слова». В этом журнале в своих рассказах Рубакин одним из первых вывел новые типы рабочих («Взыскующие града», «Лицом к лицу», «Искорки»). Это уже не безличные существа, забитые жизнью, каковыми они являлись в писаниях писателей-народников, а первые бойцы рабочего класса в борьбе с социальной несправедливостью. Один из героев этих рассказов, рабочий, требует, чтобы «общество России для своих граждан стало бы обществом, на точном основании справедливых законов управляемое». «Рабочие, — писал Рубакин, — в силу своего социального положения гораздо лучше, чем другие слои и классы, понимают необходимость в

изменении существующих порядков» и «уже начинают идти впереди наших стремлений... их критическая и творческая мысль ушла вперед так далеко, как, быть может, и не снилось нам».

Писания Рубакина в этом журнале сразу бросились в глаза царской цензуре. Цензор Елагин о рассказе «Искорки» писал в Петербургский цензурный комитет: «Статья эта, ярко и талантливо написанная, не нуждается в комментариях для признания ее крайне тенденциозной и не нуждающейся даже в бесцензурном издании».

Глава 3. «Культурная работа — средство, революция — цель»

К 900-м годам у Рубакина уже окончательно сложились взгляды на так называемую народную литературу, и он энергично осуществлял их на практике.

Чтоб понять роль Н. А. Рубакина в создании народной литературы, нужно знать, как относились раньше к этой литературе видные русские писатели и общественные деятели. Передовые русские общественные круги с начала XIX века были очень далеки от народа. Разрыв между интеллигенцией и народом был очень велик. Пропорция неграмотных среди рабочих, крестьян, ремесленников даже в конце XIX — начале XX века, как мы уже говорили, превышала 75 процентов, а среди женщин была еще выше. И все-таки постепенно расширялся круг читателей из народа.

Но даже грамотным людям из народа было нечего читать, так как выходившие в издательствах книги были непонятны для необразованного читателя, да и книг-то выходило очень мало. За весь XVIII век в России печаталось в среднем только 125 книг (названий) в год, с 1887 по 1892 год число названий книг, выпускаемых ежегодно, поднялось с 7 тысяч до 9 тысяч, в 1893 году перевалило за 10 тысяч, в 1908 году достигло 23 852 и в 1912-м — 34 630. При этом в 1887 году было напечатано всего 24 миллиона экземпляров книг на всю Россию, в 1895-м — 42 миллиона и в 1912-м — 134 миллиона, то есть около одной книги в год на каждого жителя.

Образование и чтение были достоянием сравнительно небольшого круга людей. Такое положение обусловило довольно странную реакцию со стороны многих русских писателей в их отношении к тому, что надо читать народу.

В 1916 году известный деятель русского просвещения В. И. Сыромятников писал: «Тяга к книге всегда была в народе и никогда не замирала, но, к сожалению, та книга, которая доходила до народа, в подавляющем числе случаев была не подлинным «хлебом насущным», а книжной «лебедой», жалким суррогатом настоящей книги и представляла из себя или обыкновенный, или интеллигентский лубок, т. е. книгу, специально изготовленную для народа, все равно, малограмотным ли поставщиком ходового товара на рынок, первоклассным ли писателем, сочиняющим «книжки для народа» по особливу рецепту, применительно ко вкусам и «устоям» исконного быта этого народа».

«Так народная литература как особое понятие стала синонимом литературы лубочной».

Во второй половине XIX века даже самые передовые умы, как, например, Добролюбов и Писарев, выражали такое же отношение к литературе для народа. Добролюбов писал: «Народу, к сожалению, вовсе нет дела до художественности Пушкина, до пленительной сладости стихов Жуковского, до высоких парений Державина и т. д. Скажем больше, даже юмор Гоголя и лукавая простота Крылова вовсе не дошли до народа. Ему не до того, чтобы наши книжки разбирать, если даже он и грамоте выучится... Даже в том случае, если интеллигентная литература дойдет до народа, она все равно «ни мало не займет его и не принесет ему пользы». Даже говоря об интересах и нуждах народа, мы трактуем их «не с народной точки зрения, а непременно в видах частных интересов той или другой партии, того или другого класса».

Писарев в статье «Народные книжки» также писал: «Нашей поэтической пропаганды народ не поймет, потому что мы говорим на двух разных языках, живем в двух разных сферах и в умственных наших интересах не имеем ни одной... точки соприкосновения».

Л. Толстой сам попытался создать особую литературу для народа: он, как известно, написал ряд рассказов «для народа». Но что такое эти рассказы? Это прежде всего поучительные, «духовно-нравственные» повествования на евангельские темы, написанные либо в форме притчи, либо в форме сказки, и даже названия говорят об их характере: «Где любовь, там и бог», «Бог правду видит», «Ходите в свете, пока есть свет». Вряд ли такая литература дошла до народа, во всяком случае она-то действительно была ему совершенно не нужна.

Известный публицист и литературный критик Н. К. Михайловский, «властитель дум» поколения 90-х годов прошлого века, писал: «У нас, например, часто называют Пушкина общечеловеческим поэтом. Это замечательно неверно. Пушкин есть поэт по преимуществу дворянский, и потому его способен принять близко к сердцу и образованный француз, и образованный немец, и средней руки русский дворянин. Но ни русский купец, ни русский мужик ему большой цены не дадут... Теперешняя литература, вообще говоря, не прививается и не привьется народу».

В 1894 году писатель-народник С. Д. Ан-ский указывал на необходимость создания «народной литературы», утверждая, что общая литература для народа непригодна. Ан-ский, как и другие народники, имел в виду прежде всего крестьянина, идеализированного народниками.

Мысль Л. Толстого об издании книг для народа была подхвачена группой интеллигентов в начале 80-х годов прошлого века. В Петербурге возник кружок молодежи, в который входили такие последователи Толстого, как В. Г. Чертков, П. И. Бирюков, а также и будущие ученые Ф. Ф. Ольденбург, С. Ф. Ольденбург и ряд других лиц.

К этому кружку стояла близко и известная впоследствии издательница А. М. Калмыкова. Она переехала в Петербург из Харькова, где принимала участие в составлении сборника

«Что читать народу», вышедшего в издательстве деятельницы народного просвещения Х.Д. Алчевской. В этом труде был сделан вывод о том, что «произведения первоклассных авторов не только отечественных, но даже и иностранных, производят глубокое впечатление на народ» — вывод, прямо противоположный заключениям Добролюбова, Писарева и Л. Толстого.

Калмыкова была одной из самых ранних участников толстовского издательства «Посредник». Позже она примкнула к первым кружкам социал-демократов в России, стояла близко к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», созданному Владимиром Ильичем Лениным. Близко к этому союзу стоял и Рубакин, как показывают полицейские донесения.

В делах департамента полиции (7 д-во, 1897 г., дело 319, т. III, с. 187) в одном из документов указывается, что с «Союзом борьбы» были связаны «женщина-врач Елена Ашуркова, коллежский секретарь Рубакин, дворянка Н. К. Крупская, Лидия и Зинаида Книпович, вдова тайного советника Александра Михайловна Калмыкова». Полиция выяснила сношения Крупской с вышеозначенными лицами.

* * *

В 80-х годах и начале 90-х стала издаваться в России специальная «литература для народа». Издатели отбирали классические произведения русской и мировой литературы, переделывали их, сокращали, издавали также книжки на нравственные и религиозные темы.

При этом речь шла почти исключительно о литературе художественной, а не научной. Научную литературу вообще тогда считали чем-то недосягаемым для народа. А между тем уже с 80-х годов все больше и больше стала намечаться тяга читателей из народа к знаниям, к обладанию наукой, к получению разъяснения о явлениях жизни с

научной точки зрения. Рубакин был одним из первых, если не первым, кто заметил эту тягу и кто попытался ответить на нее. По мере развития в народе революционного движения — с 80-х годов это было уже не народническое движение, начавшееся с «хождения в народ» и, по существу, очень далекое от народа, что и привело его к краху, а движение рабочее, в котором стало замечаться и постепенное слияние его с движением передовой марксистской интеллигенции.

Становилось все более ясным: народ надо приучить к книге, к чтению, опираясь прежде всего на его интересы. Как это можно было сделать?

* * *

В двух своих работах «Опыт программы для исследования литературы для народа» и «Этюды о русской читающей публике», основываясь на изучении читателя, Рубакин дал принципы подхода писателя к созданию литературы для народа, и притом не лубочной, не «народнической», а подлинной — общение с классиками и знакомство со всеми достижениями человеческого гения. Рубакин стремился не поучать народ — народ и сам мог разобраться в том, что ему нужно. Он стремился изучить потребности народа в чтении и в знании и способы удовлетворения этих потребностей.

Он поставил себе целью создать научно-популярную литературу для народа собственными силами, не дожидаясь, пока явятся другие популяризаторы. Принципом Рубакина стало следующее положение: «Нет самой сложной научной истины, которую нельзя было бы объяснить, сделать понятной для самого малограмотного, самого неподготовленного читателя». Это было новым принципом, непохожим на прежние подходы к читателям из народа, к читателю-народу. Рубакин отрицал надобность особых

книг для народа с особым содержанием. Он заявлял: «Нет, народу нужны не народные книги, а дешевые, потому что он бедняк, а не дурак».

В этой формулировке чувствуется настоящее уважение к народу, отсутствие всякой кичливости, желания поставить себя выше народа.

В области создания научно-популярной книги, книги для народа, Рубакин явился новатором не только в смысле создания простого и ясного для всех языка при изложении научных понятий. Он явился новатором и в самом вопросе о том, как и что писать для народа. Не надо забывать, что спор об этом шел в ту эпоху, когда царское правительство вообще не хотело ни давать народу грамотность, ни подпускать народ к книге, в особенности к книге научной. В какой бы форме ни излагались знания, они сами по себе всегда и неизбежно вели к критике существующего строя.

Какой же вопрос встал в первую очередь в этот момент, настолько в первую очередь, что об этом вынуждены были заговорить все, кто имел какое-либо отношение к народному образованию? В массах накануне первой русской революции наблюдался огромный рост интереса к знаниям — и не только научным, но и политическим. О нем можно было судить по требованиям на книги, по увеличению тиражей, по числу запросов читателей. Спрос был не на учебники, вернее, не только на учебники. Учебники были для школ, но для самообразования они обычно не годились. Тут нужны были книги, рассчитанные на читателя, не получившего школьной подготовки. А таких в царской России было большинство.

Правильно указывает один из биографов Рубакина, Л. Разгон, что, когда Рубакин в 1907 году уехал навсегда в Швейцарию, он поставил перед собой гигантскую задачу — возместить русскому трудящемуся народу посредством самообразования то, чего народ был лишен из-за

отсутствия или недостаточности образования. Это для него было не новой задачей — с самого начала своей литературной деятельности он, по существу, работал для помощи самообразованию в нашей стране. Как говорит Л. Разгон, «им владела абсолютная и непоколебимая вера в могущество самообразования».

Для этой веры нужна была прежде всего вера в книгу, в ее влияние, в ее силу. Этой задаче вполне соответствует выдвинутый Рубакиным еще в ранней молодости лозунг: «Да здравствует книга, могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость». Надо тут отметить характерную черту этого лозунга — в нем говорится не о книге как орудии истины и справедливости, а о книге как об орудии борьбы за истину и справедливость. Таким образом, книге здесь придается не просто психологическое и учебное значение, а значение революционное. В этом-то и вся сила рубакинского влияния, влияния его книг и его теорий и практики самообразования. Это была не просто культурническая деятельность, не проповедь ухода от борьбы и политики, а, наоборот, проповедь участия в этой борьбе. Книга как средство, а не книга как самоцель. Образование и самообразование как дело, нужное для борьбы, а не для простого повышения умственного уровня. Недаром Рубакин писал о том, что необразованный революционер вреден и опасен. Революция — это борьба, основанная на знании, на понимании. Чистые «культурники» той эпохи о такой борьбе не говорили. За проповедью малых дел они скрывали уход от борьбы, от политики.

Книга для жизни, а не жизнь для книги — вот был девиз Рубакина.

Рубакин не пренебрегал никаким способом донести знания до народных масс. Сытин по инициативе Рубакина затеял издание специальной «Библиотеки для самообразования». Он же стал первым издавать «Народный

календарь», в котором печатались статьи по различным отраслям знания, из них многие были написаны Рубакиным. Календарь достиг колоссального по тем временам тиража — свыше 2 миллионов экземпляров в год. Он имелся почти в каждой крестьянской семье.

Отец очень ценил таких издателей, как О. Н. Попова, П. Гершунин, И. Д. Сытин. Он привык иметь дело со старой когортой издателей — настоящих фанатиков и пропагандистов книги, таких, как Ф. Ф. Павленков, и представлял себе издателя как человека, заинтересованного в распространении книги. На деле же таких издателей насчитывались единицы, большинство издателей были такие же торговцы, как и все прочие, и книга интересовала их главным образом как объект продажи и прибыли.

Иван Дмитриевич Сытин представлял собой особую фигуру издателя. Полуграмотный человек, так до конца жизни не научившийся писать правильно по-русски, он, несомненно, был дельцом крупного масштаба. Хотя книга для него была источником дохода, но его интересовала и польза, приносимая книгой. У него было острое умение различать нужные и ненужные народу книги и вместе с тем чутье на те книги и издания, на которых можно много заработать. Он создал огромное издательское дело и уважал писателей и книгу. Да и размах у него был большой — этот человек мыслил в государственном масштабе. И вместе с тем он ни на минуту не забывал своих интересов, умел покупать рукописи у авторов по дешевке, хотя были случаи, когда он щедро платил им. С отцом моим он заключил последний в жизни отца издательский договор, по которому отец передал ему право на издание всех своих книжек, и это за весьма небольшую цену. Но началась первая мировая война, затем революция, и весь этот договор полетел.

В своем приветствии И. Д. Сытину Рубакин писал: «Вы создали из ничего настолько грандиозное дело, какое еще

чуть ли не вчера казалось совершенно невероятным на Руси по своей постановке, по своим корням, да и по размаху... Счастлив бесконечно тот, кто, выйдя из наиболее обездоленной среды, для нее-то больше всего и плодотворно отработал на своем веку, и русское крестьянство не может не сказать о русском крестьянине, костромском самоучке И. Д. Сытине: «Это он, крестьянин, больше других и лучше других и снабдил нас не только хорошими, но и подходящими книгами». И пусть-ка кто-нибудь теперь попробует выскребет из всех этажей народной толщи то хорошее, что внесли туда сытинские издания».

Книжки Рубакина читались с увлечением крестьянами и рабочими прежде всего, но и интеллигентами, гимназистами и студентами. Они брались нарасхват. Недаром писал о них К. И. Чуковский Рубакину в 1911 году:

«Еще мальчишкой (помню), как я собирал копейку за копейкой — складывал, чтобы купить Рубакина «Рассказы о делах в царстве животных», «Чудо на море», а позднее в «Новом слове», в «Северном вестнике» — я строчки Вашей не пропускал. Приходил в библиотеку, брал старые журналы — и сейчас даже шрифт помню, каким были напечатаны Ваши «Взыскующие града». Какой Вы счастливый человек: Вы поняли, что нужны людям, и Вы делаете именно то, что нужно, несомненное дело. Каждая Ваша книга несомненное дело. Каждая Ваша книга насущно нужна — это не суфле, не шоколадный крем, это хлеб. И сколько Вы уже сделали, сколько написали, сколько научили! И никуда не свернули в сторону: Вы беллетрист, но ни разу не написали повести «просто так, ни для чего». Вы ученый, но и здесь не ушли в отвлеченности. Я был удивлен, когда увидел Ваш портрет: мне до того казалось, что Вы старый старик. И как понадобятся всем Ваши книги, когда в России заведут всеобщее обучение!»

Известный в свое время детский писатель А. А. Усов, работавший с Рубакиным в Музее подвижных пособий, в письме от 3 июня 1928 года, называя Рубакина своим «духовным учителем», пишет ему: «Наверное, Вы не представляете, как обязан я Вам и Вашему бодрому миросозерцанию. Для меня Вы, как и для многих, живой университет, и в этом громадная, еще не оцененная заслуга Ваша в деле народного образования».

В одном своем письме писатель А. С. Новиков-Прибой писал Рубакину: «На Ваших научно-популярных книгах я, как самоучка, воспитывался. Они заменяли для меня школу. А потом, продолжая умственно развиваться, я руководствовался Вашими указателями — что читать и как читать. Они были для меня профессорскою головой».

Писатель А. Я. Аросев, бывший в 1925–1926 годах секретарем посольства СССР в Париже, писал (письмо от 31 июля 1930 г.):

«Мое поколение знает Вас по литературе едва ли не с самого детства. Ваши популяризаторские работы представляли и рекомендовали нам людей и природу. И несомненно — Ваши работы являлись введением в жизнь для многих поколений. И до сих пор, в особенности среди людей, идущих к знанию непосредственно из среды народной, можно встретить Ваши книги».

Почти все поколения молодых активных борцов революции учились по книжкам Рубакина, искали его советов, переписывались с ним. Неудивительно, что после победы Октября новосозданные органы Советской власти стали переиздавать книги Рубакина массовыми тиражами: так велика была потребность масс в приобретении знаний. «Народ не ждет, когда ему дадут грамотность, — писал Рубакин в книге «Этюды о русской читающей публике», вышедшей в 1895 году. — Он сам берет ее».

Рубакин всегда говорил, что не только он сам учит своих читателей, но и учится у них. Изучая их речь, их язык, их круг понятий, Рубакин выработал свой, необыкновенно простой и ясный язык, с многочисленными повторениями и вопросами. Некоторым он казался однообразным, бедным. Однако на деле огромная сила популяризации в произведениях Рубакина заключалась в том, что самые сложные вопросы науки в его изложении оказывались доступными пониманию даже совсем малограмотного человека.

Рубакин говорил: «Чтобы человек тебя понял, надо изъясняться немногословно, а возможно меньшим числом слов и обязательно понятными. Вот, например, слово «тело». Для физика и вообще для образованного человека — это может быть всякий твердый предмет. Но для малограмотного крестьянина или рабочего «тело» — это только человеческое тело. И из этого надо исходить, а не мудрить. Непонятны могут быть не только иностранные слова, но и русские».

Писание популярных книжек Рубакина шло всегда одновременно с писанием его исследовательских и научных работ о читательстве. На всех этапах его жизни мы находим и те и другие. Даже в последние годы своей жизни, уходя все больше и больше в разработку вопросов библиопсихологии, Рубакин и писал научно-популярные книжки, и редактировал их.

На создание народной научно-популярной литературы Рубакин смотрел совершенно по-новому, хотя, быть может, в начале его деятельности он не совсем ясно отдавал себе отчет в ее направлении. Он рассматривал всю свою деятельность не как деятельность «малых дел», которая проповедовалась тогда либеральной русской интеллигенцией и противопоставлялась революционной деятельности. Как он сам пишет, «с 1882 года он работает всеми доступными ему способами в целях создания сознательных кадров революции». Он считает, что «всякий революционный деятель

непременно должен научиться убеждать, а это возможно сделать, лишь опираясь не на словесность, а на реальность». Вместе с тем он бичует и высмеивает интеллигентов, которые легко меняют свои взгляды и от революционных слов в молодости переходят к либеральной болтовне, получив хорошие места. Характерны в этом отношении такие его рассказы, как «Размагниченный интеллигент», который вызвал такую симпатию у А. Горького, «Ах, Эльбрус», «Взыскующие града», «Искорки» и т. д.

Деревню он знал очень мало. Даже в своих путешествиях с целью собирания материала о жизни народа он очень мало заглядывал в деревню. Но его, например, привлекло к себе положение шахтеров в Донбассе, и он посвятил ему особый яркий рассказ «Среди шахтеров», который даже в 1960 году был переиздан отдельной книжкой на Украине. Рассказ «Книгоноша» тоже, по существу, не является рассказом о крестьянской жизни. Но через его героя, «книгоношу», «офеню», как их тогда называли, вскрывается тяга крестьян к знанию и прежде всего к пониманию причин своего угнетенного положения.

Надо заметить, что Рубакин начал писать в годы тяжелейшей реакции и ему приходилось всячески замаскировывать направление своих произведений, писать их «эзоповским» языком, который, впрочем, людям того поколения был вполне понятен. В своей легальной деятельности Рубакин рассматривал «культурническую» работу как такую, которая дает практическую возможность революционно настроенным элементам русской интеллигенции завоевывать и занимать позиции «около народа», т. е. трудящейся массы, и иметь близкое общение с нею, чтобы ее революционизировать, вооружать необходимейшими для этого знаниями, ни в школе, ни в библиотеке не допускаемыми правительством, усиливая критическое и отрицательное отношение к социально-политическому строю,

возбуждая к нему определенно враждебное отношение, а главное, создавая и организуя в трудящихся классах и прежде всего в фабрично-заводском пролетариате свою собственную народную интеллигенцию, не только вышедшую из народа, но в народной же среде и остающуюся и работающую там, не переходя на сторону «чистой публики», т. е. буржуазии». Кратко свою точку зрения Рубакин формулировал так: «Культурная работа — средство. Революция — цель».

Уже одно перечисление работ Рубакина показывает их направленность и иллюстрирует вышеизложенные принципы: «Под гнетом времени» (борьба с церковью, 1888), «Опыт программы исследования литературы для народа» (1889), «Об интеллигенции из народа», доклад в Комитете грамотности «К характеристике читателя и писателя из народа» (1893), «Этюды о русской читающей публике», «Чистая публика и интеллигенция из народа», «Среди борцов» (1907) и т. д.

Эти исследования внесли совершенно новые понятия в литературу для народа. Они показали, чего хочет от литературы сам народ, показали его литературные интересы, основанные на классовых интересах. Это было полное уничтожение всех тех взглядов на литературу для народа, о которых мы говорили выше. На сцену вышел сам народ, который был неизвестной величиной для интеллигенции и для которого та пыталась создать какую-то особую, «народную», а на деле псевдонародную литературу. И это была не литература поучающая, морализирующая в стиле народных рассказов Л. Толстого, а литература, дающая знания, разоблачающая буржуазный и царский строй, возбуждающая интерес к книге и чтению и в конечном итоге революционизирующая. Недаром и теперь читатели книг Рубакина вспоминают с такой благодарностью о стимулирующем действии его книг. Приходится поражаться тому,

как много смог сделать своим упорным и целенаправленным трудом один человек.

Научно-популярные книжки Рубакина нельзя назвать революционными. Да они и не могли быть таковыми в условиях царского времени, поскольку они печатались легально. Но все эти книжки были, как правильно он их определил сам, «революционизирующими». На этих книжках учились миллионы рабочих и крестьян в царской России. Книги не только давали им знания, но звали на борьбу с царским режимом, с религией, со всеми видами угнетения, и делали это в такой форме, что даже царская цензура не всегда могла к ним придраться.

Недаром с такой яростью реакционеры и черносотенцы обрушивались на эти книги. В 1913 году в Петербурге была издана книжка «Школьная подготовка второй русской революции». Издателем ее был черносотенный погромный «Союз Михаила Архангела». В этой книжонке авторы статей с необыкновенной злобой пишут о книгах Н. А. Рубакина, которые «под самыми невинными и научными названиями сеют в народе семена революции». Так, в статье о книжке «Среди тайн и чудес», направленной против религии, авторы выискивают и приводят самые острые места и заканчивают статью словами: «Рубакин — чистейший безбожник и анархист. Это, конечно, его дело. Но каким образом его книга «Среди тайн и чудес», составленная для детей школьного возраста, разрешена к печати и распространению?»

О другой книге Рубакина — «Из тьмы времен к лучшему будущему» в сборнике говорится: «Эта книга имеет яркую революционную окраску. Совершенно не стесняясь, она старается разрушить все понятия о религии и государственности и все время возбуждает ненависть к правящим и состоятельным классам... Эта книга растлевает умы и души юношей...» И автор этого печатного доноса заключа-

ет: «Книга написана умно, умело и должна оказывать прямо ужасающее влияние на молодые неопытные умы. Бороться против развращения подобными «пособиями» русского юношества — прямой долг нашей государственной власти. Невозбранное распространение и обращение среди учащихся книг г-на Рубакина — прямое и тяжелое преступление министерства народного просвещения».

Как же Рубакин достигал такого революционизирующего действия в своих книгах?

Очень просто. Он противопоставлял существующему то, что должно было бы быть, делая это не громкими революционными фразами, а путем сопоставления фактов. Так, в книжках против религии и церковности он, ничего не говоря о религии, разбирал принципы точного знания и их применение к объяснению непонятных явлений (книжка «Среди тайн и чудес», с таким успехом переизданная тремя громадными тиражами с 1961 по 1965 год издательством «Политическая литература» в Москве, «Чудо на море», «Начало всех начал», «Мученик науки Исаак Джем» и т. д.). Не критикуя открыто деспотизм, насилие и произвол, чего цензура не пропустила бы, Рубакин приводил факты и описания борьбы за свободу («Вечная слава», особенно возмутившая цензуру, которая не могла ее запретить; «История Гренвилля Шарпа»; «Русская правящая бюрократия в цифрах»; «Военная бюрократия в цифрах»; «Россия в цифрах», 1912; «Много ли в России чиновников» — «Вестник Европы», 1910; «Среди мусульман»; «Кто не желает дать народу ни земли, ни воли», 1907; «Государственный Совет в цифрах, или Архив государственной мудрости»).

Многие цифровые и фактические данные, приводимые в этих книжках, были неоднократно использованы В. И. Лениным в его работах.

В своей рецензии на книгу «Среди книг» В. И. Ленин подшучивает над отвращением моего отца к полемике и в

то же время показывает, что эта полемика у него попадается неоднократно.

Рубакин был замечательным публицистом-полемистом, и его статьи и брошюры с цифровыми данными о богатствах российских чиновников и сановников являются в то же время резкими обличительными статьями, написанными со всем жаром полемиста. Они насыщены фактическими данными, взятыми из официальных документов, и полны ненависти к эксплуататорам, к царскому режиму и его представителям, к церкви, к помещикам, капиталистам. Они разоблачают реакционную сущность защитников царского режима. Неудивительно, что они имели такой успех в ту эпоху, когда были написаны. Они били фактами, а не рассуждениями, и факты были поданы так, что действовали сильнее любой революционной фразы.

Так, вполне логически от писания научно-популярных книжек, проникнутых революционным духом, Рубакин перешел к писанию статей и книг публицистических, имевших такую же направленность, хотя и облеченных в несколько иную форму.

* * *

Необыкновенный успех научно-популярных работ Рубакина сам автор объясняет следующими их особенностями: 1. Их жизненностью, вытекающей из того, что они написаны по непосредственным наблюдениям рабочей и крестьянской жизни и изучения языка их возможных читателей. 2. Их «психологичностью». 3. Их легкой понимаемостью. 4. Эмоциональностью. 5. Революционизирующей силой, обусловленной этой эмоциональностью. 6. Несколько публицистическим характером изложения, то есть приспособлением к злобе дня, придающим книжкам их действенность. 7. Конкретизацией изложения и синтетичностью. 8. Революционным отношением автора ко всяким

общераспространенным педагогическим и иным шаблонам. 9. Резко отрицательным отношением к церковному, буржуазному и деспотическому строю. 10. Языку намеков, понятному только тем, кто от этого строя страдает. Между прочим, для современного читателя многие из этих намеков были бы непонятны, но в дореволюционное время, когда вообще обо всех политических, социальных и религиозных вопросах можно было писать только «эзоповским» языком, читатели быстро и хорошо схватывали эти намеки.

Теоретические положения о научно-популярной литературе Рубакин изложил в статье «Как писать научные книжки для массового читателя», опубликованной в 1927 году в журнале «Профсоюз и книга» (№ 1 и 2). Содержание этой статьи и теперь, по существу, не устарело.

Необходимость издания у нас научно-популярной литературы для народа не отпала и сейчас.

Первый же мощный взрыв народного самосознания в революции 1905 года показал, что миллионы людей стремились к самообразованию, жаждали хороших книг, знаний.

В. И. Ленин в своей статье «Социал-демократия и временное революционное правительство», говоря о «до конца доходящей демократической революции», пояснил: «Чтобы стать великой... она должна поднять к активной жизни, к героическим усилиям, к «основательному историческому творчеству» гигантские массы, поднять из страшной темноты, из невиданной забитости, из невероятной одичалости и беспросветной тупости. Она уже поднимает, она поднимет их...»

Ленин следил за работами моего, отца в области библиографии, потому что он видел нового, революционного читателя, рост новых запросов и потребностей масс. Он видел, как эта незаконченная революция 1905 года всколыхнула массы, подняла их на борьбу и зажгла огнем жажды знания.

Как говорит в своей статье Г. П. Фонотов: «Рубакин вошел в историю русской библиографии именно потому, что сумел почувствовать появление на историко-культурной арене миллионов читателей нового типа и отразил стремление народных масс к чтению». «Внимательно следя за изменением количества читателей и за характером чтения народа, Рубакин писал в 1911 году, что «книжное дело развилось и интерес народа к книге перед революцией 1905 г. и в период ее увеличился. Книга сделала новые и крайне важные завоевания в народной среде». «В городах и на фабриках и даже в деревнях появился новый читатель и очень определенно заявил свое властное желание теперь же, неотложно приобщиться к тому самому просвещению, которым живет и которым сильно современное культурное человечество». И, обращаясь к издателям, Рубакин говорил: «Или помогай читателям, или умирай — такова дилемма!»

Полиция внимательно следила за издательской и редакторской деятельностью Рубакина. В деле департамента полиции «О положении книжной торговли в Москве» разбираются книги, их издатели, авторы, характер книжных магазинов «Труд», «Книжное дело», Карбасникова, Сытина. Об издательстве Сытина говорится в одном документе: «...Не меньше внимания обращает на себя в деятельности названного товарищества также и издание им научных и научно-популярных книг вообще и, в частности, книг, «доступных читателю, получившему образование ниже среднего...». Общее заведование этим делом поручено состоящему под негласным надзором полиции коллежскому секретарю Николаю Александровичу Рубакину и выделено в особый так называемый «отдел Н. А. Рубакина». Издаваемые этим отделом книги по большей части являются по своему содержанию совершенно тенденциозными. В большинстве из них проводится та или другая мысль или из числа тех, кои не

могут быть одобрены правительством, или же из числа тех, коими набрасывается тень на ту или другую область деятельности правительства. Некоторые из книг, издаваемых отделом: Гейсер «История французской революции», Дементьев «Фабрика», Рубакин «Вечная слава» — весьма нередко встречаются у распропагандированных рабочих». «Тенденциозность этого отдела деятельности Т-ва Сытина как нельзя более оправдывается политической неблагонадежностью заведующего этим отделом Рубакина». «Для характеристики писательской и редакторской деятельности Рубакина нелишним будет добавить, что вышеупомянутая историческая хроника «Вечная слава», написанная Рубакиным и выпущенная им в продажу в начале текущего года, посвящена им памяти Марии Феодосеевны Ветровой, обвинявшейся в государственном преступлении и окончившей свою жизнь самоубийством в С.-Петербургской тюрьме в начале 1897 года».

Нужна была большая смелость со стороны писателя, чтобы открыто посвятить свою книгу памяти этой героической революционерки.

В делах департамента полиции за 1893 год — мы приводим только самые характерные, можно было бы написать целую историю деятельности Рубакина по полицейским донесениям — фигурирует донесение некоего дворянина Михаила Егунова от 11 июля 1893 года, поданное в Московское губернское жандармское управление.

«В Петербурге, во время празднования кружком рабочих 1 мая 1891 г., происходившего в квартире, произносились рабочими речи, в которых они жаловались на недостаток в интеллигенции, что эти четыре речи, изданные потом в гектографированном виде, говорили рабочие без чужой помощи, что эти речи не были изданы рабочей организацией, а какими-то студентами; попали же речи к издателям таким образом: кто-то из рабочих этой организации дал их для

прочтения литератору Рубакину, который обещал как-нибудь ухитриться и указать на них в легальной литературе, что эти речи так у него и остались и от него они, по их предположению, ходят по рукам, должны были попасть в руки тех людей, которые их издали в гектографированном виде». Резолюция жандармского управления: «Оставить под надзором».

В архивах имеется еще выписка, сделанная охранкой из перлюстрированного письма Рубакина от 8 сентября 1893 года. Рубакин писал одному из своих корреспондентов: «Пользуйтесь случаем добыть сочинения Маркса, книга очень интересная для провинции. Через неделю, вероятно, будет уже поздно, книги будут проданы».

На донесении об этом письме стоит резолюция директора департамента полиции: «Не пора ли принять серьезные меры против Рубакина?»

Один из арестованных жандармами рабочих так говорил о Рубакине: «Из общего разговора с рабочими мне известно, что писатель Рубакин сочувствует рабочему движению, и они отзывались о нем как о человеке, который близко знает, как тяжело положение рабочих... Вообще из разговоров с рабочими можно было заключить, что рабочие имеют к нему свободный доступ...»

Жандармский агент доносил о Рубакине: «Издания Рубакина пользуются громадной популярностью в широких массах учащейся молодежи и у рабочих... Разъезжая по России, Рубакин часто читает лекции о воспитательном значении популярной литературы. Производит он всюду сильное впечатление. Я читал типичное письмо гимназиста из Саратова, восторженно описывающего впечатление от лекции Рубакина».

А Рубакин действительно колесил по всей России, собирая на местах материал для своих книг — факты, цифры, наблюдения.

Характерны еще два письма Рубакина, также скопированные департаментом полиции.

Одно из них, написанное в ноябре 1896 года, адресовано в Париж французскому историку Альфреду Рамбо, поместившему заметку о книге Рубакина в «Журналь де Деба». Рубакин пишет: «Из Вашей заметки в Журналь де Деба (Journal des Debats) о моей книге я вижу, что вы, как иностранец, обратили слишком мало внимания на то явление, которое нас, русских, в настоящее время интересует особенно сильно. Правительство интересуется им, чтобы его стеснить, а общество, чтобы его развить. Я говорю о нарождении в среде крестьянства и фабричных рабочих таких людей, которые критически относятся к русскому государственному строю и распространяют это свое отношение в народной массе. В настоящее время у нас, в России, идет глухая, скрытая, но упорная борьба русского общества с русским правительством. За всякими феериями официального характера эта борьба далеко не видна. Тем не менее она существует и выражается в массе фактов, которые видны даже в нашей придавленной, подцензурной печати... Я поставил себе вопрос о развитии интеллигенции из народа и путем наблюдения и изучения пытаюсь разрешить его. Мое глубокое убеждение таково: то, что было десять лет тому назад достоянием маленького кружка достаточного класса, теперь перешло и распространяется в народе быстро и неудержимо».

Таким образом, уже в 1896 году Рубакин отмечает существование новой интеллигенции из народа, указывает на новые настроения среди крестьян и фабричных рабочих, отмечает появление нового читателя.

И вот, увидев и поняв этого нового читателя, Рубакин и построил свою литературную и издательскую деятельность так, чтобы, несмотря на все препоны цензуры и издателей, ответить на его запросы. Он в это время работал в издательствах И. Д. Сытина и О. Н. Поповой.

* * *

Работая в издательствах, Рубакин редактировал книги по всем областям знания, и в то же время для выполнения своей программы он писал свои собственные книги по всем наукам, он действительно был настоящим энциклопедистом. Он писал книжки по математике, физике, астрономии, геологии, физической географии, биологии, психологии, по социальным наукам, экономическим, политическим, юридическим, по истории, истории культуры, статистике, социологии, религии и истории религии, философии, этике. Все эти книги носили четкий и определенный характер: они были написаны особым, «рубакинским», языком, который был понятен и ясен даже самому начинающему читателю. Все они были проникнуты и насыщены «тайной революционностью». Рубакин всегда особо подчеркивал этот их характер. Ясно, что в ту эпоху невозможно было открыто печатать революционные книги — цензура не только не пропустила бы их, но не пропустила и в их тексте всего того, что считала подрывающим устои самодержавия и социального строя. Но Рубакин ухитрялся даже через такую цензуру проводить революционные мысли и, как он говорил, «революционизировать» читателей. Достигал он этого следующим образом. Взяв какую-нибудь область знания, он не просто знакомил с ней, рассказывая о развитии ее в России, он писал о развитии ее в других странах, выбирая при этом самые демократические или же самые реакционные. Так, в книжках о религии он разбирал и резко критиковал религиозные отношения в католических или в мусульманских странах, показывал ее мракобесное влияние на человека, говорил о ней как о помехе развитию знания, но ни словом не упоминал о влиянии религии на общество в России. Описывая и восхваляя свободы в демократических странах или же борьбу за них в этих странах, он ни слова не писал о том, что делается в

этой области в России. Но любой читатель не мог не сравнивать то, что делалось в смысле политических свобод в демократических странах Европы или Америки, с тем, что происходило в России. Критикой религии и церкви в зарубежных странах он подрывал, ничего даже не упоминая о них, и религию в царской России. Недаром наиболее хитроумные из российских реакционеров и жандармов быстро это заметили и пытались разоблачать Рубакина. А его книги тем временем широко читались огромными массами русских трудящихся.

В середине 90-х годов Рубакин был выслан царским правительством в Рязань.

В Рязани, которая тогда была захолустным губернским городом, запомнился мне день коронации царя Николая II. В тот день всем жителям велено было поставить горящие плошки на всех тумбах около домов. И вот вечером действительно на каждой тумбе появилась глиняная плошка, наполненная деревянным маслом, в котором плавал фитиль. Темные, никогда не освещаемые улицы города, в особенности на окраине, засияли сотнями тусклых огоньков в плошках. Старушки потихоньку крали масло из плошек на лампадки. У отца тогда много смеялись над этой «иллюминацией», и я не понимал почему, так как мне она казалась удивительно красивой, и вечером я долго не хотел идти спать, глядя в окно на мигавшие в темноте огоньки.

В это же время там находился в ссылке известный профессор истории, впоследствии, после февральской революции, ставший министром иностранных дел Временного правительства, П. Н. Милюков. Отец мой чуть не с раннего детства чувствовал необычайное и, я бы сказал, неумеренное уважение ко всем людям науки, в особенности имеющим научные звания, за всю свою жизнь он не мог

отрешиться от этой слабости, которая сильно мешала ему в его оценке людей науки. Профессорское звание Милюкова имело для него большое значение в то время, и в ссылке он подружился с ним. Понадобилась революция, чтобы наконец оторвать симпатии моего отца от Милюкова, — они оборвались, когда отец прочитал в газетах заявление Милюкова о том, что революционеров надо расстреливать. Впрочем, может быть, он об этом узнал и не из газет.

Для отца эта эпоха была эпохой его энергичного творчества. Здесь, в Рязани, он составил свою книгу «Опыт исследования программы для народного чтения». Здесь же, кажется, была им написана книга очерков публицистически-беллетристического характера «Искорки», вышедшая в 1901 году.

Книга эта примечательна тем, что в ней впервые в русской литературе дан новый, только что нарождающийся тип фабричного рабочего, еще не сформировавшегося революционера, но уже полного революционных требований и осознания своих классовых интересов. Отец не был беллетристом, и из него не вышел бы крупный писатель-художник. Но на всех его книгах и работах лежит печать публициста, остро чувствующего действительность и полного веры в великое будущее русского народа, в революцию.

И эта книга была глубоко проникнута революционным духом, его не могла заглушить даже жестокая цензура того времени. После выхода этой книги за отцом установилась репутация революционного писателя, тогдашние «легальные марксисты» — П. Струве и М. Туган-Барановский — пригласили Рубакина участвовать в издаваемом ими журнале «Начало».

Отец никогда в жизни не «размагничивался», никогда не менял своих убеждений. Поэтому его и недолюбливали в

некоторых интеллигентских и особенно писательских кругах, где так же легко загорались энтузиазмом, как и впадали в беспросветное уныние. Многие писатели спивались, другие не могли писать, не возбуждая себя спиртным.

Отец никогда не брал в рот спиртного и даже на меня впоследствии смотрел с ужасом, видя, как я по привычке, приобретенной во Франции, пил вино за обедом. Быть может, в этом у отца сказалась старообрядческая закалка...

Все, что не относилось непосредственно к работе головы, он считал ненужным и несерьезным. Поэтому он совершенно не интересовался спортом, никогда в жизни им не занимался, не плавал, не бегал на коньках и глубоко презирал «спортсменов».

Впрочем, так думал не только он, а и большинство окружавших нас интеллигентов — писателей, врачей, инженеров. Это презрение к спорту отец сохранил всю свою жизнь. В особенности он не любил и презирал танцы. У нас в доме никогда не было танцев, хотя и часто собиралась молодежь. На собраниях, если можно назвать таковыми чаи и ужины со знакомыми, спорили долго и горячо, спорили до бесчувствия о разных политических вопросах, которых я тогда как ребенок не понимал и слушать которые мне было скучно. Но в результате этого слушания мне в голову и в память западали различные «умные» слова, фамилии писателей, министров, которых ругали, революционеров, о которых говорили шепотом. Впрочем, шепотом или намеками тогда говорили всегда, когда дело касалось политики. Все помнили, что и стены имели уши, и, хотя тогда не было еще такого массового представления о шпионах и провокаторах, какое создалось позже, все-таки кое-кого из знакомых остерегались.

В библиотеке и вокруг библиотеки из знакомых и друзей моего отца сложился своего рода клуб — центром его были субботние приемы, или, как тогда говорили,

«журфиксы»[3], у нас дома. Тогда в Петербурге была мода на такие периодические приемы. На этих журфиксах, помимо узкого круга близких и постоянных друзей моего отца и дяди Миши, бывали и люди, работавшие с отцом по народному образованию, по Вольному экономическому обществу, в котором он состоял, по издательствам, просто писатели, ученые.

Все эти люди были искренними и верными друзьями моего отца — революционерами они не были, но были искренними либералами. Многие из них побывали и в тюрьмах и в ссылке, неоднократно преследовались полицией за «политическую неблагонадежность».

* * *

В эпоху моего детства, в конце 90-х и начале 900-х годов, мой отец и мать жили еще вместе. Они разошлись около 1903 года.

Рядом с нашей квартирой помещалась библиотека отца, занимавшая отдельную большую квартиру, но вход в нее был с другого подъезда. Дом был на Большой Подьяческой улице, на углу Садовой. Там я и родился.

Это была тихая петербургская улочка, вымощенная булыжником, с тротуарами из гранитных плит, как всюду в Петербурге. Высокий пятиэтажный дом, покрытый розовой штукатуркой, принадлежал знаменитому петербургскому пивовару Дурдину. На доме была вывеска «Библиотека Л. Т. Рубакиной». Дверь в библиотеку никогда не запиралась с площадки. Посетители входили в большую комнату, разгороженную надвое деревянными перилами, за которыми стояла конторка и сидел библиотекарь, вернее, библиотекарша. Таковой много лет была Ольга Константиновна Скоробогатова, необычайно пре-

---

[3] От французского jour fixe — определенный день.

данная, тихая, скромная женщина. Напротив дома помещалась Спасская пожарная часть с высокой каланчой, с которой в дотелефонную эпоху дозорный высматривал пожары. Завидев дым в обозреваемом им квартале, он давал тревогу вниз, дежурный бил в блестящий медный колокол, моментально раскрывались ворота, и из них вылетал сперва верхом на лошади «скачок» — пожарный в блестящем медном шлеме, с трубою в руке. Он мчался по направлению к горевшему дому, непрестанно трубя, чтобы предупредить толпу и едущих по улице о том, что сейчас промчится пожарная команда. И несколько минут спустя за ним мчались сверкающие медью и красной краской пожарные машины, лестницы, насосы, запряженные тройками сытых красивых лошадей, мчались во весь опор, к великой радости мальчишек, бегущих со всех сторон поглядеть на это эффектное зрелище.

А на каланче поднимались на мачту черные шары — сигнал пожара, а также указание на квартал, в котором он произошел. Ясно, что при такой системе наблюдения за пожарами его было видно только тогда, когда он уже принимал серьезные размеры. Помню, отец, и бабушка, и все служащие библиотеки жили в постоянном страхе возможности пожара, и их утешало только то, что пожарная часть находилась напротив дома.

По ночам улица погружалась во тьму, в ней горели только редкие газовые фонари, причем без магниевых колпачков, так что свет от них был немногим ярче света обыкновенной свечи. А между тем библиотека была открыта для посетителей также и вечером: именно вечером в нее могли ходить студенты и работающие интеллигенты. Ходили в нее и рабочие.

С ранних детских лет в доме моего отца я жил среди книг. Недаром эти слова «среди книг» стали названием его самого капитального труда, в котором он дал описание

русских книжных богатств. Книга, любовь к книге, к ее собиранию, ее изучению — вот что было основой и, я сказал бы, единственной страстью моего отца.

Книга и отец настолько сливаются в моем воображении, что, говоря о библиотеках, я думаю об отце, а говоря об отце, думаю о библиотеках. Я вижу его, окруженного своими книгами, в рабочем кабинете с книгой в руке. Я вижу его в спальне его квартиры то в Петербурге, то в Выборге, то в Швейцарии, с грудами книг под кроватью, над кроватью, рядом с кроватью, на ночном столике, повсюду, куда только можно положить книгу. Отец любил называть себя «книжным червяком», хотя это было и неправильно — книжный червяк разъедает, портит книги, а отец в них рылся и свято их хранил и оберегал от порчи.

Рубакин имел ряд привычек в отношении книг. Он брал книгу в руки особым движением, перелистывал ее, разумеется, никогда не слюнявя для этого палец, беря страницу мякотью среднего пальца за крайний верхний край страницы: так книга не пачкалась и не мялась, и ее было легко перелистывать.

Рубакина крайне возмущало небрежное, неряшливое обращение читателей с книгами. Он видел в этом неуважение к книге.

Отец весь день работал дома или рылся в книгах в библиотеке. У него был большой кабинет, сплошь заставленный шкафами с книгами. В этот кабинет нам, детям, не полагалось входить, когда отец там работал. Иногда, когда приоткрывалась дверь в него, я видел отца, сидящего за столом, обложенного книгами и писавшего. Уже тогда у него был ужасный почерк, который с годами стал хуже. У него была судорога большого пальца, так называемая писательская судорога. Только я разбирал позже его почерк, даже он сам не мог читать им написанное. В письмах к моему отцу Владимир Галактионович Короленко жаловался,

что не может разбирать его «иероглифы» и тратит на это дело много времени.

Отец очень любил диктовать свои работы. Так как я еще в детстве выучился печатать на машинке и печатал быстрее, чем любая из его машинисток, он в Швейцарии очень часто диктовал мне и даже не хотел из-за этого отпускать меня учиться в Париж.

Диктовал он с остановками, задумываясь, заглядывая в свои записи или в книги. Обыкновенно было так, что он кончит фразу, скажет: «Точка». Затем покопается в своих записях и снова начинает. «Точка». И так повторяется слово «точка» несколько раз, пока наконец мысль не сформулируется у него в голове. В Швейцарии отец выучился печатать на машинке, но печатал не быстро, двумя пальцами, тем более что при писании еще обдумывал каждую фразу. Но и на машинке он писал плохо, рассеянно, с массой опечаток, пропусков.

Иногда отца или мать спрашивали какие-то студенты или молодые люди в полурабочем костюме. Их принимали таинственно, в кабинете отца, никогда не говорили детям, кто это. Но не раз, зайдя в кабинет отца после таких посещений, я находил там между бумагами поражавшие меня своим видом газеты и журналы, напечатанные на необыкновенно тонкой и шелковистой бумаге и носящие необычные названия: «Искра», «Революционная Россия», «Освобождение». Я пытался их читать, но ничего не понимал. К тому же газеты и журналы эти у нас не залеживались. Вероятно, отец или мать, прочитав их, немедленно передавали дальше.

Реже всего к нам попадала «Искра», чаще всего «Освобождение». Отец мой лично знал П. Б. Струве, редактора этого буржуазно-либерального органа, но с ним не дружил и вообще этот журнал считал малоинтересным. Его

гораздо больше интересовали «Революционная Россия» и «Искра». Но «Искра» тогда была мало распространена среди радикальной интеллигенции. У этой интеллигенции еще сохранились традиции и влияние народников. Меня не удивило позже, что в период первой русской революции огромное большинство интеллигенции сочувствовало эсерам, в то время как либеральная буржуазия, земцы стали кадетами.

Мне было около десяти лет, когда мы с матерью и младшим братом оторвались от отца. Это случилось в 1901 году. Отца выслали из Петербурга после студенческих волнений 1901 года, когда петербургские литераторы выступили в защиту студентов, подписав протест против избиения студенческой демонстрации у Казанского собора.

Мать же мою выслали просто из столицы, и мы поселились на станции Шувалово по Финляндской железной дороге, в двадцати минутах езды от Петербурга.

Тогда же, в 1901 году, отец приехал в Крым.

Крым сыграл большую роль в жизни Рубакина. В Крыму он жил на даче у своего знакомого, профессора-метеоролога В. П. Коломийцева и там познакомился с его женой Людмилой Александровной, которая впоследствии стала второй женой моего отца и прожила с ним всю жизнь, пережив его в Швейцарии только на несколько месяцев. Людмила Александровна была из немецкого рода Бесселей, ее прадед был крупным математиком и астрономом, двоюродные братья ее содержали известный в России музыкальный магазин. Она была замечательной пианисткой, готовилась выступать в концертах, знала блестяще французский и немецкий языки, но вся ее жизнь сложилась так, что ей не пришлось никогда работать. Всю свою беззаветную преданность и любовь она отдала моему отцу, окружив его необычайно заботливым уходом.

Отец, как все русские интеллигенты того времени, ничего не умел делать сам, своими руками. Если бы он остался один, он умер бы с голоду, так как не сумел бы себе даже сварить яйца. Ему всегда нужен был рядом преданный человек для того, чтобы окружать его уходом, заботиться о его пище, одежде, вообще о хозяйстве.

Такой женой, какую ему было надо, стала Людмила Александровна.

Если отец укорял мою мать, что она слишком много занимается детьми и хозяйством и слишком мало общественными делами, то он сам же не давал ей возможности этими делами заниматься, взваливая на нее все заботы по дому.

Он увлекся Людмилой Александровной, так как для него она была вначале воплощением других интересов — музыки, литературы, искусства. Но вскоре, женившись на ней, он превратил и ее в такую же «домашнюю хозяйку» и даже еще в гораздо большей степени, чем мою мать. Ему даже в голову не приходило, чтобы он сам, хоть сколько-нибудь помогая ей по хозяйству, дал бы и ей возможность заниматься общественными делами или хотя бы ее специальностью — музыкой.

Людмила Александровна занималась музыкой дома. По вечерам она играла отцу его любимых композиторов-классиков. Как она, отец мой признавал только классическую музыку и совершенно не понимал новых композиторов. Не любили они оба и оперной музыки, считая ее легкой, неглубокой. Музыка играла большую роль в жизни отца. Он любил музыку, но как-то не саму по себе, а в связи с ее содержанием. Мне кажется, что в музыке он мало ценил гармонию, страсть, все те эмоции, которые непосредственно возбуждаются музыкой.

Вечером, устав от работы, он усаживался в кресло, слушал сонаты Бетховена или грустные полонезы и прелюдии Шопена и думал. Потом вскакивал и незаметно

уходил в свой кабинет, где набрасывал своим ужасным почерком пришедшие ему во время музыки мысли. Как и кино, музыка возбуждала в нем мысли, ничего общего с нею не имеющие, она являлась каким-то особым раздражителем клеток его головного мозга.

Внешне он очень любил кино, особенно восторгался им как достижением человеческого гения. В кино он ходил регулярно. Много раз ходил с ним и я. И я заметил, что, по существу, он все время терял нить того, что происходило на экране. Он как будто отрывался от виденного, уходил в свои мысли и, приходя минутами в себя, спрашивал меня: «А что они там говорят?» Или: «Что сделал такой-то?» Вернувшись домой после сеанса кино, он бросался к бумаге и записывал мысли, пришедшие ему в голову во время сеанса. То, что показывали на экране, только частично и прерывисто доходило до его сознания, но все это возбуждало его мысли, его литературное творчество, мысли, часто не имевшие никакого отношения к тому, что происходило на экране.

Семейная жизнь моего отца с его второй женой, Людмилой Александровной, сложилась совершенно иначе, чем с моей матерью. Людмила Александровна, хотя и во многом разделяла революционные идеи отца, на деле была «толстовкой», исповедовала «непротивление злу насилием».

В первые годы замужества она много помогала отцу в его литературной работе, играла ему на рояле, но потом пошли дети — у нее родились два сына, оба в Швейцарии, и оба стали швейцарскими гражданами. Старший, Юрий, талантливый инженер-строитель, остался в Швейцарии. Но он не потерял интереса к родине своего отца и неоднократно приезжал в СССР после его смерти. Младший, Борис, талантливый пианист и вдобавок замечательный художник-фотограф, автор исключительных художественных снимков природы — людей он не любил снимать. Он

преподавал сперва в консерватории в Лозанне, затем давал концерты в Европе, одно время был постоянным аккомпаниатором знаменитого польского скрипача Губермана. Позже он уехал в Канаду и там остался профессором консерватории и пианистом-концертантом, много зарабатывал и часто приезжал в Европу, но у него не было никакого желания поехать в землю своих предков.

Оба моих брата от второго брака отца фактически оторвались от родины, мало интересовались работой отца и его теориями, ушли совсем в другие области жизни, и это сильно огорчало отца.

Людмила Александровна так описывает свою первую встречу с моим отцом: «Николай Александрович проводил меня в свою комнату в маленьком домике. Рабочая келья. Простой деревянный стол, покрытый темной клеенкой, по стенам простые некрашеные полки с книгами. Вся его фигура удивительно гармонировала с этой «рабочей кельей». Широкоплечий, приземистый, как крепкий здоровый боровик, в косоворотке темно-гранатового цвета — от него веяло чем-то глубоко русским, здоровым и энергичным». Дача Коломийцева, причудливое сооружение, построенное по его собственным чертежам, находилась в «Профессорском уголке», недалеко от Алушты. Коломийцев устроил здесь пансион, сдавал комнаты приезжим интеллигентам.

Рубакин, по словам Людмилы Александровны, «совершенно очаровал все общество. Пансион зажил новой жизнью. Сплетни, разговоры о том, что у кого болит, отошли на последний план. Говорили только о Рубакине, обсуждали поднятые им вопросы, читали книги его сочинения («Искорки», «Дедушка Время» и т. д.). Со своим необыкновенным даром популяризации Николай Александрович объяснял неподготовленной, большей частью женской аудитории самые сложные научные и философские вопросы, с жаром громил несправедливости существующего строя... Вероятно,

не одна молодая жизнь потекла с того лета по новому руслу». «Образ жизни Николая Александровича резко отличался от времяпрепровождения дачной публики. Сейчас же после утреннего завтрака он запирался в своей комнате и не переставал все утро работать...»

В один прекрасный день на дачу прискакал конный жандарм и привез ему бумагу от департамента полиции о том, что за подпись под протестом интеллигенции против жестокого усмирения казаками студенческой демонстрации на площади Казанского собора в Петербурге Рубакину на год запрещен въезд в Петербург и в ряд других городов и губерний. Рубакин остался в Алуште с разрешения губернатора Таврической губернии «ввиду плохого состояния здоровья», хотя в то время он был на редкость здоров и работоспособен.

В это время в Крыму тоже в ссылке был и Горький. Там они и познакомились, и знакомство это сохранилось на всю жизнь. Горький чрезвычайно ценил работу Рубакина, как это видно и по его письмам, и даже по некоторым статьям. Так, в своей заметке по поводу статьи Н. Рубакина «Размагниченный интеллигент» (СПб, сборник «На славном посту» в честь Н. К. Михайловского) Горький, которому эта статья моего отца очень понравилась, ее цитирует и сопровождает замечаниями о ее правильности. Рубакин в ней громил тех интеллигентов, которые после периода молодости перестают во все верить, их не увлекают никакие идеалы, они перестают быть революционерами.

Хотя практически всю свою жизнь Рубакин был связан с городскими рабочими и с крупнейшими представителями русской социал-демократии — Г. В. Плехановым, В. И. Лениным, Н. К. Крупской, А. В. Луначарским, А. М. Коллонтай и другими, старые народнические привязанности тех времен, когда он был еще студентом и был связан с народовольцами, отразились и на его политических связях. В 1889 году каким-

то образом Рубакин участвовал в организации побега из Петербурга Софьи Гинсбург. Побег, впрочем, не удался, и она была арестована. В 1901 году он, по его словам, вступил в зарождавшуюся партию социалистов-революционеров, живя в Алуште.

Через Брешковскую Рубакин познакомился с рядом видных в то время эсеров, он давал им довольно крупные суммы на революционную борьбу из своих литературных заработков, которые тогда достигли своего максимума.

В апреле 1902 года студент Балмашов, член боевой организации партии социалистов-революционеров, выстрелом из револьвера убил министра внутренних дел Сипягина. В организации этого покушения принимала участие Брешковская, о подготовке его знал Рубакин и даже дал на это средства.

Кроме оказания материальной помощи эсерам, Рубакин написал для них ряд революционных брошюр и книжек, которые печатались и широко распространялись: «Правда о бедствиях простого народа», «Долой полицию», «Несправедливое устройство русского государства», «Помогайте вольной русской печати», «Царская милость», «Хватит ли на всех земли».

Но в то же время Рубакин писал и для социал-демократов. Написанная им под псевдонимом «Сергей Некрасов» брошюра «Ничего с нами не поделаешь», в которой рассказывалось о стачке на фабрике и рабочие призывались к политической борьбе за свои права и интересы, позже была переиздана и эсерами. Ее широко распространяли социал-демократы, как об этом вспоминает и Елена Дмитриевна Стасова. Эсеры «дополнили» книжку своими домыслами, которые автору ее не понравились, но ему не хотелось с ними спорить, и он их оставил.

Еще большее распространение получила брошюра отца «Хватит ли на всех земли, если ее правильно разверстать».

Всего Рубакин написал 26 нелегальных брошюр революционного содержания.

Вряд ли Рубакин был тогда да и после убежденным эсером, как это уже видно и по тому, кому и как он давал для печатания свои книжки. Немало их он передал Л. Б. Красину, активно работавшему в РСДРП, который время от времени приезжал в Крым, увозил с собой рукописи и печатал их в тайной социал-демократической типографии на Кавказе.

Одновременно Рубакин был связан и с либеральными кругами русской интеллигенции. В Петербурге в 1900 году Рубакин организовал какой-то неопределенного характера «Комитет для борьбы с царизмом».

Профессиональным революционером и революционным деятелем Рубакин, по существу, никогда не был и не мог бы стать. В нем на грани двух столетий перемешались традиции народников с новым подходом к оценке и методам революционной борьбы. Больше всего его влекла к себе литературная работа, главным образом для просвещения народа. В этой области он был настоящим и глубоким революционером, чутко следящим за всем новым в науке и излагающим все научные понятия с точки зрения революционера, тесно связывая их с общественным строем и с интересами трудящихся. В этом была коренная разница между научной популяризацией в книжках моего отца и в книжках других популяризаторов вроде В. Лункевича.

Рубакин всегда глубоко верил в народ, в его творческие способности. Еще в конце 80-х годов, в эпоху самой темной реакции, начиная писать свои научно-популярные книжки и изучая потребности читателя из народа, он писал: «Нет и не было в истории таких времен, когда бы гибло массовое понимание, отзывчивость и альтруистические стремления народа, когда народная масса не выдвигала бы из своей среды не только идейных мыслителей, но и идейных работников, желающих положить душу свою за други своя...»

В другом месте он писал: «Деревенские лучшие люди мыслили всегда, а теперь они мыслят все более и более критически. Критическая мысль начинает сопровождаться упорным действием. И в деревне, как на фабрике, в трудную минуту экономические и всякие другие неурядицы выдвигают именно таких людей, а грамотность и книга дают им такое оружие, какого они никогда не имели».

Рубакина всегда считали народником, а его участие в партии социалистов-революционеров как будто еще больше подтверждает его народнические тенденции. На деле, как мы уже указывали, вся его деятельность была связана прежде всего с рабочим классом, писал он почти исключительно о рабочем классе, выведя первые типы революционных рабочих. Даже его библиографическая работа проводилась при тесном участии виднейших социал-демократов, а не народников — Плеханова, Луначарского и самого Владимира Ильича Ленина.

Было каким-то недоразумением, что он многие годы был связан с социалистами-революционерами, с которыми, по существу, у него было очень мало общего: просто он не мог еще понять их мелкобуржуазной сущности, проводимый же ими политический террор считал главным выражением революционной борьбы. А между тем вся жизнь Рубакина свидетельствует о его близости к рабочему классу, к его интересам. В своих рассказах, таких, как «Искорки», «Взыскующие града», он совершенно отчетливо рисует новые типы рабочих, зарождение революционного сознания в русских рабочих.

Рубакин особенно верил в рабочий класс и в его роль в истории человечества.

В автобиографических заметках Рубакин пишет: «В своей революционной, общественной, научно-литературной и просветительной деятельности я считал и считаю главным фактором основного преобразования существующего строя

сознательный пролетариат, рабочий класс, выдвигающий свою собственную интеллигенцию».

Он мечтал о новой интеллигенции, которая выйдет из этого класса. Очень характерны в этом отношении его письма к писателю А. А. Демидову, выходцу из крестьян, находившемуся в тесной переписке с Рубакиным. В своем письме к Демидову от 24 апреля 1924 года Рубакин писал: «Трудящийся класс выдвигает из своих недр своих собственных писателей, проникнутых его идеалами и умеющих писать смело, бодро, проникновенно, красиво и жизненно правдиво...»

«Даже в 1886 г., когда я начал писать свои книжки намеренно только для крестьян и рабочих, никто из нас, писателей, еще и не надеялся, что сам трудящийся класс так быстро, так красиво и мощно выдвинет из своих недр свою собственную интеллигенцию и станет создавать свою собственную литературу... А ныне это уже совершившийся факт».

В конце 90-х годов Рубакина особенно привлекали читатели из народа — самоучки, которыми всегда была так богата русская земля.

* * *

В июне 1902 года Рубакин получил разрешение уехать из Крыма и поехать к брату Михаилу в Новгород. Там же жила тогда и его мать Лидия Терентьевна. В Новгороде Рубакин продолжал свою работу и, по его словам, даже ухитрился устроить нелегальную библиотеку. Тогда же в Новгороде произошел и окончательный разрыв моего отца с моей матерью. Она приезжала в Новгород, чтобы договориться о форме развода.

Весной 1903 года Николай Александрович Рубакин и Людмила Александровна поехали вместе за границу. Сперва они прожили месяц в местечке Морнэ около Женевы, находившемся на территории Франции.

В Женеве Рубакин познакомился с видными деятелями партии эсеров. Кроме того, он возобновил старое знакомство с известным толстовцем Павлом Ивановичем Бирюковым, жившим в Онэ близ Женевы.

Из Женевы отец поехал в другой конец Женевского озера и поселился в городке Кларане. Здесь он познакомился впервые лично с Георгием Валентиновичем Плехановым.

В Кларане Рубакин работал над предисловием к своему главному труду «Среди книг».

Осенью 1903 года Рубакин переехал на время в Германию, в Штутгарт, где написал целый ряд научно-популярных книжек, а также книжек нелегальных. Но вскоре он заболел и, проболев около двух месяцев, вернулся в Петербург.

Болел мой отец очень часто. В молодости у него был нефрит, от которого он лечился всю жизнь, даже когда нефрит давно прошел. Больше всего его угнетали бронхиты и приступы астмы, которые прекратились только уже в преклонном возрасте. Отец был крайне мнительным, и, как все мнительные люди, он верил одним врачам, а другим не верил, верил тем, кто ему нравился своими диагнозами. Но любопытно, что все эти болезни не помешали ему дожить почти до 85 лет.

* * *

1904 год имел большое значение в жизни Рубакина. В январе этого года в Петербурге состоялся всероссийский съезд деятелей по профессиональному и техническому образованию, созванный императорским техническим обществом. Под флагом этого общества устраивали свои съезды и другие общества. В то время такого рода съезды имели и политический характер, служили для высказывания политических мнений и пожеланий. В этом съезде

участвовало много деятелей просвещения, писателей, педагогов со всей России. Рубакин сделал на нем блестящий доклад о «самоучках из народа».

Огромный зал, где происходил съезд, был переполнен. Рубакин прочел свой доклад с большим подъемом.

«Пора констатировать этот крайне важный факт нашей общественной жизни: у трудящихся классов быстро нарождается своя собственная боевая интеллигенция... В моей статье «Книжный поток» («Русская мысль») собраны цифры и факты, доказывающие с достаточной очевидностью, что впереди читающей толпы уже давно стоят именно фабрично-заводские рабочие, русский пролетариат и что подъем книгоиздательского дела в России совпадает с 1896 годом — тем самым годом, когда пролетариат впервые выступил «ан масс» на историческую сцену и когда тридцатитысячная петербургская забастовка открыла собою великое русское освободительное как политическое, так и социальное движение».

Рубакин закончил доклад словами о необходимости дать наконец русскому народу, жаждущему знаний, широкую возможность образования, свободу слова и печати. В зале грянул гром рукоплесканий, к Рубакину подходили, жали ему руку, поздравляли. Но через два дня после доклада к нему на квартиру нагрянула полиция, произвела обыск, пыталась допросить его, хотя он лежал больной в постели. Людмилу Александровну вызвали через несколько дней в полицию, и ей было объявлено, что Рубакин может выбирать между высылкой на пять лет в северные губернии и выездом за границу без права возвращения, то есть навсегда. Рубакина лечил тогда известный в писательских кругах придворный медик Лев Бертенсон, который выдал ему свидетельство о том, что по состоянию здоровья он не может ехать на север. Так Рубакин опять поехал за границу и опять в Швейцарию.

Но осенью 1905 года министр внутренних дел Плеве, который выслал Рубакина за границу, был убит, и вскоре друзья Рубакина, главным образом писатель А. В. Пешехонов и поэт Петр Вейнберг, выхлопотали ему право вернуться на родину.

К этому времени был окончательно оформлен развод моих родителей. Мать вскоре вышла замуж за Николая Александровича Шевалева, инженера, товарища дяди Миши. Мой младший брат Миша остался с нею, а я поселился вместе с отцом. Но так как в маленькой квартирке отца было тесно, я переселился в отдельную комнату в городе.

Насколько Рубакин стоял близко ко многим событиям своего времени, видно из его отношений с так называемым «гапоновским» движением. В конце 1904 года революционное движение в Петербурге заметно оживилось. На квартире у Рубакина каждую неделю по вечерам устраивались собрания революционно настроенных интеллигентов — писателей, студентов, учителей. Один из центров движения был на Шлиссельбургском тракте, где существовали так называемые «воскресные школы» для рабочих, в которых преподавали видные революционеры. Священнику церкви Нарвского тракта Гапону удалось привлечь к себе рабочих, создав некоторое подобие рабочей организации с неопределенными целями. Но Гапон имел на них очень большое влияние, так как в пропаганде своей сочетал религиозную мистику и «уважение» к царю с идеями о «мирной революции». В начале 1905 года с помощью инженера Рутенберга и некоторых рабочих он составил петицию царю от имени рабочих. В петиции рабочие обращались к царю весьма почтительно и даже любовно с просьбой улучшить их положение и дать некоторые свободы народу. Известно, как кончилась передача этой петиции: 9 января 1905 года демонстрация рабочих, насчитывавшая свыше 140 тысяч человек, была расстреляна войсками на площади у Зимнего дворца. Были убиты около

1500 человек и несколько тысяч ранены. Гапону удалось убежать с площади, он пробрался во двор, где его уже ждали друзья со штатской одеждой. Впоследствии выяснилась роль Гапона как провокатора, и он был убит эсерами.

О том, что Гапон был провокатором, в те дни еще не знали. Многие сочувствовали гапоновцам, и мой отец также. Он передал им через своего друга Кетрица пять тысяч рублей, взятых им в долг. Для гапоновского движения Рубакин написал ряд прокламаций, затем комментарий к петиции, составленной Гапоном. Этот комментарий он впоследствии расширил и издал в виде брошюры под названием «Неотложные нужды трудящегося народа», но полиция ее конфисковала и сожгла. На этом отношения Рубакина с гапоновцами и окончились.

В 1905–1906 годах Рубакин жил в Петербурге, на Екатерининском канале, в довольно большой квартире, сплошь заставленной книгами. Я тогда жил вместе с ним, был в последнем классе Тенишевского училища, которое окончил весной 1906 года. Но этот год для меня был очень бурным и тяжелым. В январе полиция явилась на квартиру отца и на этот раз арестовала не его, а меня: меня обвиняли в издании сборника революционных песен в пользу Петербургского Совета рабочих депутатов.

Действительно, я с несколькими товарищами издал такой сборник, причем напечатал его в той типографии, в которой печатались книги отца, у некоего Яснопольского, который согласился на это печатание из уважения к отцу. Меня скоро выпустили на свободу до суда — обвинили по 129-й статье уголовного уложения 1903 года.

Этот мой арест обеспокоил отца — он понимал, что с еще большим основанием полиция могла заявиться и к нему. А у него тогда как раз была особенно сильна связь с социалистами-революционерами, причем, в частности, с их «боевой организацией».

На смену революции 1905 года пришла жесточайшая реакция. Сломив первый мощный революционный порыв рабочего класса и крестьян, царское правительство принялось за расправу с революцией. Аресты следовали один за другим, в провинцию посылались карательные экспедиции с солдатами гвардейских полков, среди которых особенно отличался семеновский полк под командой полковника Мина. «Боевая организация» эсеров готовила покушение на Мина, вскоре увенчавшееся успехом.

Правительство учредило военно-полевые суды, вешавшие и расстреливавшие всех захваченных с оружием через несколько часов после ареста. Каждый день газеты возвещали о казнях десятков революционеров по приговорам военно-полевых судов. Десятки тысяч революционеров, крестьян-аграрников (как тогда называли участников крестьянских волнений) заполняли тюрьмы, ссылались без суда в Сибирь и в другие «места отдаленные». Было ясно, что раньше или позже доберутся и до Рубакина, тем более что он был знаком с руководителем «боевой организации» эсеров Азефом, который, разумеется, знал все о его деятельности, а у Рубакина уже тогда были сильнейшие подозрения против этого знаменитейшего из провокаторов.

Близость Рубакина к партии эсеров не осталась тайной для полиции, как, вероятно, и его нелегальные произведения за подписью Сергея Некрасова. Ему надо было б уехать опять за границу, но сделать это сразу было трудно, он мог не получить заграничного паспорта. Поэтому отец решил сперва переехать в Финляндию, в Выборг.

* * *

В конце мая 1906 года Николай Александрович и Людмила Александровна уехали из Петербурга и поселились на даче в деревне Папуля в нескольких верстах от Выборга.

В те времена Финляндия, хотя и находилась под владычеством русского самодержавия, все же пользовалась

некоторой свободой. Полицейский гнет чувствовался там гораздо меньше: не было там охранного отделения, тайная полиция и шпики бездействовали. Поэтому туда охотно переселялись интеллигенты, бывшие на плохом счету у охранки, жившие большей частью на нелегальном положении, то есть с фальшивыми паспортами. Паспорта для них доставали финны. На границе между Финляндией и Швецией надзор был сравнительно слаб, несравненно слабее, чем между Россией и другими странами (Австрия, Германия). Поэтому многие революционеры бежали за границу через Финляндию.

Уезжая из Петербурга и, видимо, уезжая надолго, Рубакин должен был позаботиться о библиотеке. Нечего было и думать о том, чтобы взять с собой эту громадную библиотеку, достигшую к тому времени 115 тысячи томов. Продавать ее ему претило — у Рубакина была одна характерная черта: он не любил покупать книги. Но и продавать книги он не терпел, у него была какая-то уверенность в том, что книга не должна быть предметом купли-продажи, а только предметом распространения и чтения. Поэтому-то он и решил передать бесплатно всю свою громадную библиотеку в Петербурге одной из самых мощных, хотя и недавно возникших просветительных организаций — Всероссийской лиге образования. Только небольшую часть наиболее нужных для своей работы книг он оставил себе, и они легли в основу созданной им уже за границей второй громадной библиотеки. Передавая библиотеку этой лиге, Рубакин сказал в своей речи:

«Мы присутствуем не только при политическом возрождении нашей родины. Перед нами стоит во всем его грозном величии вопрос социальный. Вокруг нас кипит борьба труда и трудящихся во имя перестройки всего общественного здания на новых, справедливых началах, т. е. во имя того принципа, что все блага, созданные природой

или обществом, все богатства, сделанные коллективным трудом всех, по самому существу своему представляют общественное достояние, которое лишь при современном социальном строе превращается в частную собственность и, следовательно, для восстановления справедливости рано ли, поздно ли должно перейти в общественное владение.

В умы широких масс все больше и больше входит сознание, что весь народ есть и должен быть истинным собственником, распорядителем и потребителем всего культурного, материального и духовного богатства.

И вот, исходя из этих соображений и стоя перед лицом величайшего исторического периода и делая неизбежный логический вывод из основных посылок того миросозерцания, которое я имею честь разделять со студенческой скамьи, я, скромный работник в области народного просвещения, считаю делом своей чести и совести служить победе этого миросозерцания не только одним пером, а потому передаю мою частную собственность в нераздельное общественное владение Московской части Петербургского отдела Всероссийской лиги образования, а в ее лице петербургскому населению и прежде всего петербургскому пролетариату и трудовой интеллигенции».

К несчастью, в руках Лиги образования библиотека стала быстро приходить в упадок, книги расхищались и не возвращались от подписчиков или возвращались в ужасном состоянии. Денег на их переплет не было, библиотечный комитет ничего не делал, число подписчиков снижалось. Да и сама Всероссийская лига образования была ликвидирована в 1909 году. Ее сменило Общество народных университетов, к которому перешла и библиотека. После Октябрьской революции библиотека перешла в ведение Губполитпросвета Петроградской губернии, и ввиду ее плохого состояния, отсутствия пополнений она была расформирована, а книги распределены между

фондами массовых библиотек Петрограда. Но Рубакин не скоро узнал о печальной судьбе своего детища, а то, вероятно, был бы очень угнетен этой судьбой.

В Папуле Николай Александрович усиленно принялся за работу. Вместе со своим секретарем Поляковым он разрабатывал статистику действительных статских советников, генералов и адмиралов. Рубакин написал на основании этой статистики ряд статей для журналов «Вестник Европы», «Русская мысль» и газеты «Сын отечества» (в период народнической редакции этой газеты). Там же Рубакин написал несколько нелегальных революционных книжек под псевдонимом «Сергей Некрасов». В Финляндии им была написана книжка, направленная против царизма, «Воздайте кесарево кесарю» и была подписана «Иеромонах Серафим». Книжка была очень резкая.

В конце августа у Людмилы Александровны родился ее первый сын — Юрий. Вскоре после этого отец нанял квартиру в Выборге, в большом каменном модного стиля доме, носившем название «Отсо». Это была основательная постройка, с огромными кафельными печами. Квартира была большая, просторная, отцу прислали из Петербурга книги, всю меблировку и рояль Беккера.

В Выборге тогда обосновалось или временно приезжало туда немало русских революционеров. В частности, к отцу довольно часто являлись знакомые социалисты-революционеры и о чем-то совещались с ним. Приезжали и просто знакомые отца.

Выборг тогда резко отличался от русских городов — прежде всего своей чисто европейской благоустроенностью и культурой, затем необыкновенной честностью своих жителей — финнов. Достаточно сказать, что как в Выборге, так и в окрестных финских деревнях дома никогда не запирались на ключ — воров не боялись, да их и не было. Но это же давало возможность и агентам царской

охранки заглядывать в квартиры. Поэтому квартиры русских революционеров всегда были на запоре. Финская же полиция была очень вежлива и даже предупредительна с русскими. Большинство полицейских принадлежали или же сочувственно относились к так называемым «активистам» — членам финско-шведской национально-революционной партии, боровшейся за независимость Финляндии. Нередко бывало, что эти полицейские предупреждали русских революционеров о слежке за ними со стороны царской охранки.

Жизнь в Выборге была, во-первых, очень дешева, во-вторых, дома и квартиры отличались необыкновенными удобствами, уютом, какой-то особой доброкачественностью. Дома были красиво построены, квартиры прекрасно распланированы, всюду имелись электричество и газ, а газа даже в Петербурге тогда почти не было. Там легче, чем в городах собственно России, было устраивать партийные съезды и совещания, легче было скрываться нелегальным, наконец, оттуда было возможно перебраться за границу без особого риска.

К Рубакину стали наведываться «максималисты» и «экспроприаторы». Тогда так назывались члены революционных организаций, добывавших средства для революционной работы путем нападения и захвата казенных денег из правительственных учреждений. Анархисты же при случае грабили и частные предприятия. Квартира Рубакина стала вроде «конспиративной квартиры», где в крайнем случае можно было и переночевать.

Нелегальные являлись иногда поздно вечером, а утром Людмила Александровна с удивлением видела у себя за столом двух-трех незнакомых людей, которые едва отвечали на ее приветствие. Она стеснялась с ними разговаривать — как бы не погрешить против конспиративной этики. Это были люди, утомленные подпольной деятельностью, годами жившие на нелегальном положении, вечно скрывающиеся

от полиции, не имевшие своего угла. Рубакин, не боясь последствий, оказывал всем им широкое гостеприимство.

В это время партия эсеров готовила в Севастополе военное восстание. Пропаганда среди войск велась уже давно. В этом приготовлении активно участвовала замечательная девушка — Рогозинникова (товарищ Даша). Она временно скрывалась в Выборге и бывала у Рубакина. Всегда скромно одетая в темные цвета, с платочком на голове, она производила впечатление скорее монашенки, чем революционерки. Рубакин вел с Дашей длинные разговоры в своем рабочем кабинете. У нее был прекрасный голос, и она готовилась стать оперной певицей, занимаясь в Петербургской консерватории. Ее жених, студент Петербургского университета, последовал за ней в Выборг.

Рогозинникова была направлена «боевой организацией» для убийства начальника главного тюремного управления Максимовского. Ей приготовили особый корсет, в нем был укреплен мешочек с динамитом и детонатор, конец шнура от которого прятался в складках одежды. Стоило дернуть его, и динамит должен был взорваться. В сумочке у девушки был спрятан револьвер: она предполагала застрелить начальника управления. Она прибегла бы к взрыву динамита лишь в случае промаха или же чтобы не быть арестованной и повешенной. Тогда прежде всего погибла бы она сама, а вместе с ней и все присутствующие.

Рогозинникова под каким-то предлогом заранее испросила у Максимовского аудиенцию. Долго ждала его в приемной, где находилось много посетителей. Она выстрелила в него, когда он появился в дверях кабинета. Рогозинникова была схвачена и на другой день повешена.

Как писала она в последнем письме близким, воспользоваться динамитом сразу же она не смогла, так как при взрыве погибли бы и посетители. Она рассчитывала, что допрос будет раньше обыска, берегла снаряд для «воронья».

Осенью 1908 года приехал в Выборг молодой человек, полный революционного энтузиазма. Он был кем-то привлечен к партии эсеров и предложил себя центральному комитету для какого-либо опасного поручения, для террористического акта. Комитет попросил Рубакина принять его на время к себе под видом секретаря. Иванов (его фамилия) оказался юношей чрезвычайно чистым, честным. Николай Александрович сильно к нему привязался и в душе негодовал на комитет, недостаточно его оценивший.

Недели через три после приезда Иванова ему дали поручение, которое он вскоре и выполнил: выстрелом из револьвера убил начальника тюрьмы «Кресты». Бежать Иванову не удалось, и на другой же день он окончил жизнь на виселице. Для Рубакина это было тяжелым ударом, сильно повлиявшим на его здоровье.

Убийство начальника тюрьмы «Кресты» произошло как раз тогда, когда я там сидел, об убийстве мы узнали моментально и в тюрьме устроили радостную демонстрацию — пели революционные песни, стучали в двери камер и т. д. Я и не подозревал, что убийца начальника тюрьмы жил у моего отца.

Террористические акты против представителей царского правительства все учащались, и в той же пропорции увеличивалось число казней. Вешали и расстреливали самоотверженную молодежь. Рубакин глубоко страдал от этого, удручала его и моя ссылка в Сибирь. Временами он впадал в мрачное, тяжелое состояние — бессонницу, нередко сопровождавшуюся приступами астмы.

Революция в России в это время — конец 1906 и начало 1907 года — отступала под зверскими ударами реакции. Усилилась реакционная деятельность и русских властей в Финляндии. Начались аресты среди эсеров. Казался неизбежным и арест Рубакина. Тюрьма или ссылка на север были бы губительны для здоровья Николая Александровича,

так как в декабре он простудился и схватил бронхит, как всегда в том климате сопровождавшийся астмой. Ему настоятельно советовали немедленно скрыться куда-нибудь из «Отсо», а затем уехать за границу.

Учитель Лямцев помог устроить дела Рубакина в Выборге. Он уложил книги и мебель, часть которой было решено отослать вместе с необходимыми книгами морским путем до Гамбурга, а оттуда в Швейцарию. Людмила Александровна покинула Выборг с маленьким Юрой.

Сорок лет спустя в Москве, в Центральном государственном архиве я прочел несколько донесений об отце, написанных полицейскими русскими шпиками. Должен сказать, что донесения эти были крайне не точны, просто лживы, составлены невежественными царскими охранниками. В них все время спутывали отца и меня. Донесения эти имели часто фантастический характер, но наличие их показывало, что царские власти постоянно следили за деятельностью Рубакина в Финляндии.

Отъезд из Финляндии совершился вполне благополучно — у отца даже сохранился легальный русский паспорт, с которым он смог приехать в Швейцарию.

Еще в ноябре 1907 года отец получил от меня телеграмму из Тобольска: «Пришли денег». Он понял, что деньги нужны мне для побега, и тотчас же послал их.

Вскоре после этого, в декабре, я с помощью товарищей по ссылке удачно бежал из Сибири, нелегально приехал в Петербург, но там узнал, что отец уже уехал за границу. Товарищи переправили меня сперва в Финляндию, откуда я через некоторое время с фальшивым паспортом уехал за границу, и только в Женеве мне удалось разыскать отца, недавно туда приехавшего тем же путем, что и я.

В Женеве, которая для меня была совершенно неизвестна, я случайно каким-то образом попал через данный мне в Петербурге адрес к социал-демократу писателю Ди-

вильковскому, которого видал раньше у отца. Дивильковский сообщил мне, что в этот же день я смогу встретиться с отцом на вечере, устраивавшемся политэмигрантами. Действительно, там я с ним и встретился.

Отец тогда жил в «школе Фидлера» и перетащил туда же и меня.

Школа Фидлера находилась в предместье Женевы — Жюсси, почти на самой границе с Францией, в большом здании, окруженном садом. Туда шел электрический трамвай. Основал школу Иван Иванович Фидлер. Ему раньше принадлежало так называемое Фидлеровское училище в Москве. Во время московского восстания 1905 года в училище Фидлера обосновался штаб революционных дружин, дравшихся с царскими войсками на баррикадах. Училище даже было обстреляно артиллерией, и дом был пробит снарядами в нескольких местах. Хотя владелец училища Фидлер в восстании не участвовал, он так перепугался возможности ареста, за которым грозила по тем временам и смертная казнь, что бежал за границу. В Женеве он очутился случайно. Жена его имела довольно большие средства, и он решил, не знаю по чьей инициативе, основать там школу для детей русских эмигрантов. Во главе школы встал ряд виднейших русских политэмигрантов. В работе ее принимала очень близкое участие Екатерина Павловна Пешкова, первая жена А. М. Горького, необыкновенно симпатичная, умная, сердечная и энергичная женщина, жившая в Женеве вместе со своим сыном Максимкой.

Тогда в Женеве скопилось великое множество русских политэмигрантов. Женева буквально кишела русскими, русская речь слышалась всюду, на каждом шагу — в трамваях, в кафе, ресторанах, на улицах. Русские ходили обычно группами, многие еще носили российскую одежду — косоворотки, высокие сапоги, меховые шапки. Особенно

много русских жило в предместье Женевы — на улице Каруж, которую они называли фамильярно «Каружкой».

Ни у отца, ни у меня отдельной комнаты в школе не было. Мы спали на диванах в какой-то из классных комнат. В здании было холодно — на отопление не хватало средств. Оставаться в школе было невозможно — отец жаждал снова засесть за работу, а в школе работать он не мог. Он начал розыски удобной квартиры в подходящем месте и нашел ее в Кларане, маленьком городке в тридцати километрах от столицы кантона Во — Лозанны, в Кларане он жил в 1904 году. Там только что был построен большой пятиэтажный дом со всеми удобствами, с чудесным видом на Женевское озеро, Шильонский замок, Савойские Альпы. В этом доме все квартиры были пусты, и отец снял целый этаж — стоило это дешево, в каждой из двух квартир было по пяти больших светлых комнат с центральным отоплением и всеми удобствами. В то время Швейцария была, вероятно, самой благоустроенной страной в Европе, а также самой дешевой.

Через некоторое время отец выписал и свою личную библиотеку из Выборга — около восьми тысяч томов. Здесь он мог в наилучших условиях жизни и безопасности продолжать работу.

Так начался последний эмигрантский период его жизни, продолжавшийся почти сорок лет.

Глава 4. Первая библиотека Рубакина

Николай Александрович Рубакин с самого начала своей сознательной жизни и до самой своей смерти жил среди книг, жил в библиотеках, при библиотеках, для библиотек. «Рыться в книгах» всегда было любимейшим занятием, своего рода отдыхом Рубакина, как и большинства ученых и писателей.

Живя с отцом, я понял, что любить книги можно поразному. Есть любители книг — библиофилы. Они любят редкие и роскошные издания, хорошую бумагу, хорошие рисунки, автографы на книгах. Для них книги все равно что драгоценность, а для иных даже выгодное помещение капитала. Они похожи на собирателей картин, которые хотя и могут любить искусство, но никогда не забывают, что собранные ими картины — это в то же время и капитал, с каждым годом приобретающий все большую ценность.

Не так любил книги Рубакин. Да, для него книги тоже были капиталом, но не таким, как для библиофилов. Для него книги были капиталом человеческого ума, человеческого знания, человеческих исканий истины и справедливости, призывом к борьбе за лучшее будущее. Он любил книги не за их внешность, а за их содержание. Его библиотеки были не собранием редких и роскошных дорогих книг для библиофилов, а сокровищницей человеческих знаний и достижений, из которой каждый мог черпать знания. На этом принципе строились и подбирались его библиотеки.

Книги дали ему возможность оставить по себе громадное литературное наследство, а библиотека стала для него, как он позже выразился, «отражением вселенной».

Библиотеки Рубакина были неразрывно связаны с его работой, с его жизнью. Его библиотеки не были простым и случайным скопищем книг — это были логически

построенные системы, где книги действительно отражали жизнь вселенной.

Собранные им библиотеки не только отражают характер всей его работы, но и дают представление о его интересах, о его методах работы, ее содержании.

Библиотеки — это огромная часть его жизни. Без них он не занял бы того места в истории русского просвещения, которое он занял.

Николай Александрович был первым библиотекарем и библиографом библиотеки Л. Т. Рубакиной. Еще мальчишкой он составил для нее первый каталог, который включал всего 1500 книг и 26 журналов.

Сперва дела библиотеки пошли хорошо. Это был период роста в России широкой прослойки революционной интеллигенции, молодежи, страстно ищущей знаний. Но вскоре, в начале 80-х годов, наступила реакция, число подписчиков библиотеки сильно сократилось, средств для ее содержания не хватало, и Л. Т. Рубакина вошла в долги.

В 1892 году библиотека перешла полностью в ведение Николая Александровича Рубакина.

Целый особый мирок группировался вокруг библиотеки Рубакина. И подписчики в ней были особые — брали книги не для развлечения, не для пустого времяпрепровождения, а для учения, для того, чтобы почерпнуть знания, найти ответы на мучившие тогда нашу молодежь и особенно интеллигенцию вопросы. Эта особая среда, создавшаяся вокруг библиотеки, действовала как-то очистительно. Широко пользовались библиотекой и писатели, профессора, ученые.

Многие рабочие были непосредственными подписчиками библиотеки Л. Т. Рубакиной, причем бесплатно получали книги. Обращались они за советами и прямо к Рубакину. Еще большее число рабочих, особенно с заводов Шлиссельбургского и Нарвского трактов, пользовались библиотекой косвенно.

В одном из своих писем Рубакину Крупская вспоминала: «Библиотека Рубакина была первой среди легальных платных библиотек в Петербурге, снабжавших бесплатно книгами рабочие марксистские кружки самообразования».

Книги в рабочие кружки попадали главным образом через знакомых учителей и учительниц воскресных и технических школ.

В воскресной школе для рабочих на Шлиссельбургском тракте тогда преподавали Надежда Константиновна Крупская, сестры Менжинские, а также и моя мать. В женской воскресной вечерней школе технического общества, где занимались главным образом работницы текстильных и табачных фабрик, учительствовала Елена Дмитриевна Стасова. Царское правительство недаром держало под подозрением и под надзором эти школы и преподавателей в них. Эти школы не только несли общие знания в рабочие массы, но и представляли собой настоящие центры революционной работы. Об этом после вспоминала Крупская, вспоминала об этом и Стасова.

Библиотека служила и для революционной работы. На нее давались явки, через нее распространялась революционная нелегальная литература. Я хорошо помню, как мать ходила со мной, когда мне было всего лет семь-восемь, в разные определенные места для получения нелегальной литературы, которую потом приносила домой и которая через определенных лиц передавалась из библиотеки для распространения. Я, конечно, тогда не понимал, что для моей матери я был наилучшим прикрытием, когда она шла за нелегальной литературой или когда переносила ее.

Особенно часто с этой целью мать ходила в книжный склад А. М. Калмыковой на Невском проспекте около лютеранской церкви.

При библиотеке проходили собрания революционных групп во время съезда Вольного экономического общества.

В библиотеке же устраивались в течение нескольких лет свидания и совещания работников разных партий — эсеров, социал-демократов.

Некоторые воображали, что библиотека Рубакина, в которой с подписчиков взимали плату, была доходным предприятием. Нужно сказать, что она не только ничего не приносила отцу, но стоила ему немало денег: подписная плата в библиотеку была ничтожной, с 1895 года часть подписчиков освобождалась не только от платы за чтение книг, но и от залога за возможную пропажу или порчу книг, который вносили все подписчики. В некоторых случаях его заменяли поручительством других лиц. Плата от подписчиков не позволяла даже оплачивать расходы по найму квартиры и оплате библиотекаря и прислуги, так как все получаемые с подписчиков деньги Рубакин тратил на ее содержание и на покупку книг. Так, в смете библиотеки за 1903 год значится в графе прихода 8500 рублей — это плата за чтение, залоги от читателей, доход от продажи каталогов и библиографических указателей и т. д. В главе же расходов значится 8440 рублей — на содержание помещения, жалованье библиотекарям (исключая самого Рубакина), покупку книг и периодических изданий, переплет, канцелярские расходы и т. д. Итого «чистой прибыли» 60 рублей в год. Иначе говоря, библиотека не приносила Рубакину никакого дохода и тем не менее жила и процветала, удовлетворяя потребности в чтении огромной массы населения.

Библиотека старалась во всем идти навстречу подписчикам. Учитывая большой спрос читателей на новые журналы, библиотека в 1893 году сделала такой опыт — удешевила плату за пользование новейшими журналами.

Опыт этот вполне удался, и с 1 января 1901 года была введена удешевленная плата за одни только газеты — одновременно выдавалось по пять газет в день, но на крат-

чайший срок и с обязательством вернуть их в этот срок. В 1900 году библиотека ввела доставку книг на дом четыре раза в неделю за плату 1 рубль 50 копеек в месяц.

Было проведено и много других мероприятий, облегчающих получение книг подписчиками. Все эти мероприятия стоили библиотеке денег и, разумеется, не окупались. Отец не был сторонником полной отмены залога, так как надо было охранять книжные сокровища «от порчи и расхищения» их подписчиками. «Библиотека может существовать, — писал Рубакин, — лишь при том условии, если книги, входящие в ее состав, не будут подвергаться порче и расхищению». Словом, и тут были извечные жалобы всех библиотек на отношение к книгам со стороны подписчиков.

С 1892 года, когда Рубакин взял библиотеку в свои руки, начинается быстрый ее рост. К 1900 году — к моменту своего двадцатипятилетия — библиотека насчитывала уже 57 тысяч томов (40 тысяч названий). В фонды ее стали вливаться отчасти благодаря покупкам, отчасти в результате пожертвований и даров другие библиотеки частных лиц. В нее поступили библиотеки (целиком) известных тогда педагогов А. Н. Бетхера, И. Ф. Рашевского, А. Кирпотенко, профессора Н. И. Незеленова.

Библиотека приобрела полностью издания Ф. Ф. Павленкова, К. Т. Солдатенкова, Л. Ф. Пантелеева, О. Н. Поповой, товарищества «Знание», «Библиотеки для самообразования» И. Д. Сытина, товарищества «Просвещения», товарищества «Общественная польза» и других.

С 1892 по 1907 год книжный фонд библиотеки увеличился более чем в 15 раз — с семи тысяч книг до 115 тысяч. Фонд расширялся не только за счет покупки отдельных частных коллекций и библиотек — целый ряд крупных частных библиотек был куплен по очень низким ценам, покупки книг у издательств, но и за счет бесплатных поступлений. Рубакин умел добывать книги всеми

способами — от авторов, от издательств, от знакомых, все шло в общий котел.

Книги шли к отцу как будто сами всю его жизнь. Они, как ручейки с гор, вливались в его библиотеку, быстро и непрерывно растущую. Позже, когда его спрашивали, почему ему все шлют свои книги — и учреждения, и издательства, и отдельные люди, и притом почти всегда бесплатно (у отца все равно никогда не было достаточно денег для покупки книг в массовом масштабе), он с удивлением отвечал: «А к кому же должны идти книги, как не ко мне?» Ему это казалось совершенно естественным.

В 1900 году в России было около тысячи частных библиотек, были и местные кружковые и общественные библиотеки. Рубакин завязал с ними связь для обмена книгами, для облегчения им приобретения новых книг по дешевой цене, посылал им свои авторские экземпляры, рассылал дублеты и т. п.

С 1894 по 1902 год было разослано таким образом свыше 10 тысяч книг. Создалась сеть междубиблиотечных взаимоотношений, то есть то, что приняло такое широкое распространение теперь в СССР.

Рубакин, по существу, и руководил работой этих библиотек.

Мы видим, таким образом, еще одну сторону колоссальной активности Рубакина. Кажется просто невероятным, как мог один человек писать сотни научно-популярных книг и статей, вести отделы в издательствах, переписываться с читателями и руководить десятками библиотек, не считая своей собственной. При этом все им делалось бескорыстно, большинство его начинаний, за исключением собственной писательской работы, было совершенно бесплатным, это можно было бы назвать капиталовложением ума и знаний в сокровищницу народного просвещения.

Получив библиотеку в свое распоряжение, Рубакин сразу же начал ее перестраивать. Его перестройка была характерной и новой для того времени. В противоположность другим частным библиотекам Рубакин решил сделать основной упор на научную литературу, а не на беллетристику, и прежде всего на литературу научно-популярную. Это было большим риском, но Рубакин решил продолжать дело в такой форме, даже если библиотека поначалу будет давать убыток.

В 1900 году, подводя итоги деятельности библиотеки в связи с ее 25-летием, Рубакин писал: «Отдел научный должен стоять в правильно организованной библиотеке на первом месте. На втором должен стоять отдел литературный, беллетристический. В этот отдел входят произведения лучших поэтов и мастеров прозы, успевших занять известное место в истории литературы прошлого и настоящего времени, а также произведения моралистов, публицистов и критиков. Состав этого отдела должен быть особенно обширен и богат, так как большинство читателей пользуется прежде всего беллетристикой. Выразители общественных течений, художники, критики и публицисты должны занимать в этом отделе такое же место, какое они занимали в истории общественных течений. При такой постановке отдел беллетристики является отражением истории человеческих стремлений».

Для распространения знаний Рубакину было мало библиотеки. Поддержав инициативу группы учительниц, он организовал при библиотеке в 1892 году «Подвижной музей учебных пособий». Учреждение оригинальное, оно было единственным в своем роде не только в России, но, вероятно, и в Европе. Музей содержал довольно богатые коллекции экспонатов по минералогии, ботанике, зоологии, физике. Все эти экспонаты выдавались подписчикам — а таковыми были главным образом школы — на руки так же, как выдаются книги в библиотеке.

В нем работали Якобсон, М. И. Девель, Е. Д. Стасова, А. М. Коллонтай и другие. Вот что пишет о музее в своих воспоминаниях Е. Д. Стасова: «Большую роль в нашей работе играл «Подвижной музей учебных пособий». Он был создан учительницами воскресных школ, так как мы испытывали большой недостаток в этих пособиях. Каждая из учительниц принесла то, что у нее было: кто гербарий, кто минералы, или спиртовые препараты, или волшебный фонарь и картины к нему, или иллюстрации, вырезанные из журналов и иллюстрированных изданий. Все это помещалось в небольшой комнате, которую выделил нам при своей библиотеке Н. А. Рубакин. Во главе музея стояла учительница математики Мария Ивановна Страхова (она в свое время была моей учительницей). Все предметы из музея выдавались, как книги в библиотеках.

Постепенно музей разросся и занял в том же доме на Большой Подьяческой уже несколько комнат, а затем один из наших абонентов, графиня София Владимировна Панина, построила для музея дом на углу Прилукской и Тамбовской улиц, с астрономической обсерваторией, лабораториями и большим зрительным залом. В этом-то доме в 1906 году и выступил В. И. Ленин под фамилией Карпова».

М. И. Страхова впоследствии почему-то стала утверждать, что создателем музея был не Рубакин, а именно та группа учительниц, о которой говорит Е. Д. Стасова. Дело в том, что Рубакин умел так подать кому-нибудь возникшую у него мысль, что человек потом считал, что мысль эта зародилась у него самого. Так обстояло дело и с Подвижным музеем учебных пособий. Идея создать такой музей возникла у Рубакина, он, видимо, подсказал ее учительницам, которые и выступили с такой инициативой. Почти каждая из этих учительниц внесла свой материальный вклад в музей, пожертвовав ему собранные ею коллекции. Рубакин же предоставил помещение для музея в своей библиотеке. Один из

первых и основных сотрудников музея, известный детский писатель А. А. Усов, бывший позже в тесной переписке с моим отцом, в письме к нему, в котором он его называет своим учителем и руководителем, подтверждает, что именно он, Рубакин, был создателем музея.

Любопытно, что в создании коллекций для этого музея принимали участие политические заключенные знаменитой тюрьмы-крепости Шлиссельбург Н. А. Морозов, Вера Фигнер, М. В. Новорусский и другие. С разрешения соответствующих властей музей посылал им в крепость материал и указания для работы.

В 1896 году шлиссельбуржцам было разрешено получать для своих занятий: экспонаты из Подвижного музея пособий, позже музей поручил им самим составлять для него коллекции, обрабатывать их и готовить для экспозиции. Сношения шлиссельбуржцев-заключенных с музеем шли через тюремного врача, доктора Безродного. Заключенные изготовили огромное количество препаратов для музея. Как писала позже Вера Фигнер в своих «Воспоминаниях», «музей сделал нас активными работниками по увеличению его естественноисторических богатств... Новорусский как-то подсчитал все, что мы посылали в музей через д-ра Безродного... и мы сами были изумлены, как много за 3–4 года мы сделали для этого культурного учреждения».

К сожалению, многое из сделанного ими не дошло до музея. К 1900 году музей послал сделанные заключенными препараты в Париж на Всемирную выставку, где они «заслужили похвалу, музей же по необходимости скрыл их происхождение из русской Бастилии».

Музей так же, как и библиотека, служил не только для культурной работы. Под видом демонстрации коллекций в нем нередко устраивались беседы с рабочими, совещания, диспуты. Музей, по словам Рубакина, был в «течение многих лет местом собраний педагогов, общественных

деятелей, писателей, и впоследствии некоторые из этих совещаний развились в такие учреждения, как Союз писателей, Педагогический клуб, Отдел для содействия самообразованию и т. д. К сожалению, в нынешнем Союзе советских писателей мало кто помнит о роли Н. А. Рубакина в те времена, когда создавался старый, дореволюционный Союз писателей, одним из основателей которого он был.

* * *

С самого же начала своей работы в библиотеке отец подошел к совершенно новым взглядам на роль и значение библиотек. Библиотека стала не какой-то лавочкой, в которой роль библиотекаря сводилась к выдаче книг по требованию читателей; она стала центром просвещения, а библиотекарь — руководителем чтения и выбора книг, советчиком читателя.

В 1895 году в книге «Этюды о русской читающей публике» Рубакин так писал о назначении библиотек:

«Для того чтобы библиотека могла правильно работать и чтобы она могла служить не только удовлетворению личных и всяких иных вкусов, чтобы она была не одним развлечением, а могущественным орудием просвещения, каким должна быть книга, и тем более совокупность книг — литература, совокупный труд лучших умов человечества, сокровищница его знаний, мысли, чувств, стремлений и надежд — словом, чтобы библиотека была тем, чем она и должна быть, в ней необходимо должен находиться некоторый цикл книг. В этом-то цикле или, если можно так выразиться, библиотечном ядре и лежит центр тяжести каждой библиотеки, чтобы она могла занимать свое место в общей системе народного просвещения, а не только выдавать книги напрокат, получая за это плату или не получая ничего. Есть книги, которые должны быть в каждой открытой для публики библиотеке и отсутствие

которых весьма невыгодно отражается на деятельности ее... Если можно так выразиться, библиотека должна быть книжным отражением вселенной. В основе библиотечного состава должна лежать система наук, философская схема, распределяющая все явления мировой жизни в известной последовательности и порядке, например, хотя бы схема наук О. Конта, которая вместе с тем и схема явлений мира... Но не в схеме дело. Вся суть в том, чтобы было выполнено главное условие: на основании классификации явлений природы должен определяться и библиотечный состав, т. е. состав ядра. Это ядро должно представлять собой энциклопедию, хотя энциклопедию особенную — составленную из разных сочинений разных авторов, разных издателей, разных времен и народов. Эта энциклопедия, идя от общего к частному, должна заключать в себе некоторый минимум наук, абстрактных и конкретных (описательных) «чистых» — теоретических и прикладных. Эта минимум-энциклопедия для каждой мало-мальски порядочной библиотеки обязательна...

Но один цикл наук еще не вполне определяет библиотечное ядро. Библиотека должна не только иметь книги, распределенные по циклу наук, но облегчить всякому желающему путь к той науке, которая в данное время интересна ему. В хорошей библиотеке по каждой науке должен быть выбор таких книг, которые могли бы вводить в область знаний людей всяких степеней образования, от низших и до высших».

В этих высказываниях Рубакина уже содержатся основные положения, развитые им впоследствии в его теории библиопсихологии. Интересно, что такие мысли были им высказаны еще более чем за 25 лет до создания этой теории.

Библиотека Рубакина была, вероятно, первой частной библиотекой, издававшей каталоги как уже имеющихся в ней книг, так и книг, которые нужно было приобрести.

Не только давать книги читателю, но дать ему возможность еще до чтения ознакомиться с их содержанием и направленностью, выбрать то, что ему нужно или что его интересует, — вот цель этих каталогов. Роль библиотеки, таким образом, из пассивной переходит к активной, библиотека идет навстречу читателю, раскрывает ему все свои богатства — выбирай то, что тебе интересно. Поэтому составление каталогов и рекомендаций книг Рубакин рассматривал вовсе не как какую-то механическую работу, которую можно поручить любому библиотечному технику.

Библиографические указатели и каталог, по мысли Рубакина, должны были не только служить для данной библиотеки, то есть для руководимой им. Они должны были лечь в основу составления любой библиотеки, став, так сказать, тем, что теперь называют «типовыми проектами». Как писал Рубакин: «...каталог является руководящим началом для приобретения книг в библиотеку, а не только перечислением всего того, что там имеется. Книги, внесенные в этот каталог, могут быть по материальным причинам еще не приобретены библиотекой, но они тотчас приобретаются по первому требованию подписчиков».

В библиотеке моего отца были заведены книги требований подписчиков, которым он придавал огромное значение. Записи читателей в эту книгу, как писал Рубакин, «помогают не только пополнению библиотеки, но и правильному обращению книг в среде читающей публики».

Библиотека составила свыше 20 рекомендательных каталогов, и целью их, как он писал сам, была «революционизация книжного дела». Одни из них были предназначены для рабочих и крестьянских кружков, другие для пропагандистов и агитаторов, третьи для учащейся молодежи, четвертые для библиотекарей, пятые для учителей и т. д. Уже это показывает, что они составлялись не механически, а с учетом положения тех, кому они предназначались. Но в

учет этого положения входили и возможности данных лиц вести революционно-пропагандистскую работу. Любопытно, что печатались эти каталоги обычно без подписи Н. А. Рубакина.

Если библиотека, по мысли Рубакина, «отражение вселенной», то правильно построенные каталоги, вернее система каталогов, должны отражать книжный состав библиотеки и вместе с тем привлекать и приближать книги к читателям. Рубакин разработал целую систему каталогов, считая их лучшим средством против «залежалости» книг, в том числе малочитаемых, «забытых». Каталог должен быть составлен так, чтобы читатель мог его читать с интересом и выбирать сам книги по нему.

«Центром библиотеки, — писал Рубакин, — является не книга, а живой человек и социальный коллектив». Соответственно этому Рубакин формулирует и цель каждой библиотеки: это «вооружение читателя знанием, пониманием, активным настроением в работе над самообразованием». «Библиотека, — говорил он, — это не место для пассивной выдачи книг читателю, как отпускают товар в лавке; это оружие, и оружие острое, это искры, которые зажигают человека интересом к науке, знанию, борьбе».

Для самого Рубакина библиотека служила тем материалом, из которого он черпал содержание своих научно-популярных книг. Писать он мог только в библиотеке, в окружении книжных полок с выстроенными на них книгами, журналами, газетами, брошюрами, каталогами. Он перерабатывал собранный и изученный им книжный материал на основании изучения языка читателей, их запросов, интересов.

Большинство ученых, занимающихся вопросами библиотечного дела, изучали крупные библиотеки — академические, публичные, национальные. Рубакин пошел по другому пути. Исходя из своих убеждений о том, что книга

и библиотека должны идти к читателю, а не только читатель к библиотеке, он придавал особое значение библиотекам кружков и библиотекам для самообразования. Эти библиотеки были в непосредственной живой связи с читателями, и по ним легче всего можно было судить об интересах и пожеланиях читателей. И все теории Рубакина о книжном деле относились главным образом к таким библиотекам. Эти библиотеки должны были быть энциклопедическими — иметь книги по всем отраслям наук. Именно для них Рубакин и разработал теорию «библиотечного ядра», то есть основной группы книг, которые они должны иметь.

Впервые им были развиты эти теории в 1893 году в докладе «Книжное оскудение», сделанном в Вольном экономическом обществе в Петербурге. Более подробно и глубоко эти мысли изложены в «Этюдах о русской читающей публике» (1893 г.). Отсюда они перешли в более развитой и совершенной форме в предисловие к первому изданию «Среди книг» (1906 г.), а затем еще более подробно во Введение к 1-му тому второго издания этого же труда.

Рубакин не был в принципе противником децимальной системы классификации книг в библиотеке, но для общеобразовательных библиотек он предложил свою систему, основанную на естественной классификации явлений природы и областей жизни.

Здесь была изложена и теория подбора книг для библиотечного ядра: на основе классификации психических и социальных типов читателей. По его мнению, в общеобразовательной библиотеке должны быть книги для всех главнейших типов читателей, наиболее распространенных в данной области.

Это, по существу, возлагало на библиотекаря трудную задачу: определить типы книг в его библиотеке и определить типы читателей. Это обязывало библиотекаря быть в

тесном контакте с читателями, разговаривать с ними, ставить психологический диагноз, учитывая их классовое положение, их психический тип. Библиотекарь становился чем-то вроде врача, ставящего диагноз у постели неизвестного ему больного. Как диагноз ставится для назначения правильного лечения, так и диагноз психического типа читателя ставится для рекомендаций, соответствующих данному типу книг.

Рубакин говорил о библиотеках: «Мы должны сделать библиотеку живым организмом. Мы должны сделать этот организм своего рода питомником самых полезных общественных микробов. Каждая книга должна быть таким микробом, эти микробы должны лететь во все стороны... И не туда, куда полетит ветер, а туда, куда нам самим нужно, чтобы они летели».

Целый ряд работ Рубакина был посвящен разработке этой теории, имеющей целью, как он сам говорил, «максимальное внедрение книг в читательскую массу». Здесь им была предложена и осуществлялась «социально-психологическая теория рекомендации книг», опирающаяся на теорию консонанса и диссонанса типов книг с типами их читателей и предполагающая приспособленную для этой цели технику устройства и функционирования библиотек, выдачи книг, ведения библиотечной статистики. Все эти принципы Рубакин старался внедрять начиная с 1901 года в своей петербургской библиотеке. Таким образом, эта библиотека совершенно не имела характера какого-то коммерческого предприятия — она стала крупным педагогическим центром, центром просвещения и самообразования читателей.

Замечу, что библиофилы игнорировали эту библиотеку: в ней не было редких и ценных книг. Здесь были только книги, учившие народ, звавшие его на борьбу за свои права, за лучшее будущее.

Глава 5. «Дорогой наш самоучитель»

В условиях дореволюционной России через школу книга еще не могла дойти до народа. Во-первых, школами тогда была охвачена очень слабая часть детского и взрослого населения. Во-вторых, преподавание в народных школах было так поставлено, что не могло внушить учащимся интереса к книге. Следовательно, необходимо было внешкольное образование. Но внешкольное образование — это, по существу, прежде всего есть самообразование. И вот именно самообразованию посвятил всю свою деятельность Николай Александрович Рубакин, рано почувствовавший и понявший необходимость его. В этом понимании действительных духовных нужд народа и заключается необыкновенное чутье современности у Рубакина.

В «Этюдах о русской читающей публике» он так прямо и написал: «В силу основных особенностей строя... народное образование в России заменяется самообразованием». Даже само слово «самообразование» было им популяризировано, это понятие было им значительно расширено и углублено.

Конечно, в 80-е годы, в эпоху жесточайшей реакции, не могло быть и речи о создании внешкольных учреждений в помощь самообразованию. Самообразование могло встать только как индивидуальная задача каждого, тянущегося к свету и образованию.

И вот за эту колоссальную работу — за организацию самообразования — взялся Рубакин.

Для руководства делом самообразования, которому Рубакин посвятил всю свою жизнь, он неизбежно должен был быть энциклопедистом. Он был в этом деле одинок. Пропаганда самообразования, помощь ему, классификация книг, авторов и читателей — все это имело целью способствовать самообразованию.

Рубакин строил систему самообразования, исходя не из теоретических представлений о целях самообразования, а из непосредственной практики общения с людьми самых различных категорий. Свой большой труд, вышедший в 1914 году, «Практика самообразования», в котором подводятся итоги многолетней практики, он начинает с того, что показывает, какой огромный человеческий материал служил ему для разработки теории и практики самообразования:

«Перед нами лежит большая пачка писем — более 7000 писем, полученных пишущим эти строки за последние два года из самых разнообразных уголков Российской земли... письма не только из городов, но больше всего из деревень, с фабрик, есть даже письма из казарм... Пишут люди самых разнообразных профессий, состояний и общественных положений и стоящие на различных ступенях образования: телеграфисты, конторщик, учителя и учительницы, доктор, сиделец винной лавки в одной из юго-западных губерний, еврейский мальчик из галантерейного магазина, портнихи, лесные сторожа, прислуга, крестьяне и еще крестьяне; пишет мастеровщина, чиновничество, писаря, приказчики, конторщики, офицеры, псаломщики, священники и т. д. И все более или менее на одну тему, и почти все с большей или меньшей дрожью в голосе и тоном, полным исканий и стремлений и страстного желания выйти из того положения, в котором они стоят по воле «злой судьбы» или «старушки истории», и полные мучительной жажды развернуть, углубить, расширить свою жизнь, сделать ее полнее, глубже, возвышеннее, напряженнее, а значит, и красивее...»

«Все эти тысячи писем получены нами от читателей по поводу наших статей и книг о самообразовании... и читая и перечитывая эти письма, просто диву даешься, видя, какая гигантская и напряженная работа мысли и сознания кипит в настоящее время в глубинах народной души и до

какой степени глубоко пустила уже в ней свои широко ветвящиеся корни мысль, для нас, интеллигентов, давно сделавшаяся избитой истиной: один из самых лучших и самых верных способов «сделаться человеком» заключается в том, чтобы раздвинуть свой кругозор, перестать быть узким, иначе говоря, темным, перестать быть намеренно или ненамеренно слепым, поддержать, укрепить, освежить свою житейскую практику живительной влагой, содержащейся в умной, ученой, честной книге, написанной таким писателем, который понимает в жизни побольше и получше, чем он, читатель. Огромное большинство полученных нами писем заключает в себе не что иное, как запросы о том, что читать и за какую книгу прежде всего взяться, и, читая и перечитывая письма, полученные в таком количестве, что на них один человек лишь с большим трудом может ответить, невольно чувствуешь, что душевные переживания тех, кто их писал, неизбежно становятся и вашими, а их горе, недуги, напасти, страдания — вашими собственными страданиями».

Вот эти переживания и эти страдания сотен тысяч читателей и стали переживаниями и страданиями самого Рубакина.

Из слушателей и читателей Рубакина огромное большинство были молодыми. Именно в молодости остро ощущается и недостаток знаний, и горячая жажда их приобрести.

«Работа над самообразованием не так трудна, как кажется, — говорил Рубакин. — Гейне писал: «Тот, кто верой обладает в невозможнейшие вещи, невозможнейшие вещи совершать и сам способен».

«При самом же начале нашей работы требуйте от себя, чтобы всякое знание, вами приобретаемое, непременно было: 1) точным, 2) достоверным, 3) отчетливым, 4) связным, т. е. связанным и в вашем сознании единством с

окружающей жизнью, 5) действенным, т. е. вносящим и в вашу и в окружающую жизнь нечто светлое, плодотворное, красивое и радостное... не будем никогда забывать, что самообразование есть не что иное, как орудие расширения жизни, ее углубления и возвышения во всех смыслах, жизни не только своей, но и других людей, массовой, народной, общественной».

«Правда, некоторые читатели пишут нам: я сам не знаю, что мне интересно, что неинтересно. Таким читателям нельзя не дать такого ответа: вы глубоко заблуждаетесь... Ничем не интересуются только мертвецы, у каждого же живого человека есть целый ряд интересов...

Таким читателям можно сказать: хорошенько над собой подумайте и поищите и постарайтесь отыскать в своей душе то, что интересно вам, точнее говоря, то, что интересует вас более, чем что-либо другое».

«...Мы глубоко верим, что во всяком человеке при известном, более или менее умелом, внешнем воздействии всегда можно пробудить какой-нибудь интерес к чему-либо, а пробудив его и опираясь на него, как на первую ступень, которая завтра же будет оставлена и забыта по своей ненужности, идти все дальше и дальше... И это тем более справедливо для тех людей, которые сами просят о помощи в деле самообразования... Повторяем, нет и не может быть таких людей, которые бы ничем не интересовались».

Уже в 90-е годы у Рубакина появилась и стала развиваться мысль о том, что важно не содержание книги, а то, что читатель в нее вкладывает, какие чувства, настроения, мысли она вызывает, отрицание объективного содержания книги, за которое потом его так корили и советские критики и Ромен Роллан.

В «Практике самообразования» Рубакин пишет: «В чем же... главное значение книжного влияния? Не столько в том, что читатель выносит из книги, сколько в том, что он

сам переживает во время ее чтения, в том, что он передумывает, читая ее, в том, какие чувства, настроения, стремления, мечты и т. д. зарождаются при этом в читательской душе и — стремления к каким именно действиям. Но все это происходит не столько под влиянием книги, сколько совместно с нею, одновременно. Говорят нередко — «книга наводит на мысль». Это правильнее, чем говорить — «книга внушает мысль».

Утверждение, что книга только возбудитель, а не источник мысли, возникло у Рубакина очень давно. Оно, по существу, уже зарождалось в его очерках о читающей публике еще в конце 90-х годов, но постепенно принимало все более и более четкое выражение. В «Практике самообразования» эта мысль уж сформулирована почти в окончательной форме и впоследствии в дальнейших работах по созданию теории читательства, библиопсихологии была только развернута. Она применялась автором прежде всего к делу самообразования. Вот что он пишет в этой книге: «...Читатели сплошь и рядом сводят самообразовательную работу к усвоению чужих идей, чужих мнений, чужих теорий. Между тем самая суть этой работы вовсе не в усвоении чужого, а в процессе мышления, продумывания». И дальше: «...Если на кого и можно положиться, то лишь на самого себя, и поэтому считать приходится только те чужие мнения истинными и только те доказательства доказательствами, которые пропущены через свою собственную мысль. Вот в этом-то передумывании и крепнет человек. Это-то собственное передумывание чужих дум и есть сила, главная могущественная сила, с которой ничего не может поделать никто со стороны. Поэтому на каждую читаемую книгу необходимо смотреть не как на источник мыслей, а как на возбудительницу их. Разумеется, при такой работе нередко случается, что и чужие мысли становятся своими. Важно то, чтобы стали-то они ими изнутри, а не извне, чтобы они всосались, а не присосались к душе».

Рубакин разработал своего рода основные правила для самообразовательной работы. «Первое и главное правило, — пишет он, — надо начинать самообразовательную работу не с книги, а с жизни. Жизнь учит гораздо большему, чем лучшая из лучших книг. Книга только орудие и пособие. Не жизнь нужно проверять книгами, т. е. теориями, а как раз обратно.

Второе правило: всякое явление жизни надо обсуждать непременно и постоянно не с одной какой-либо стороны, а со многих, — с возможно большего числа сторон...»

Самообразование заключается не только в воспитании и развитии своего ума, но и в воспитании и развитии чувств. Можно и должно не только глубоко и тонко мыслить, но и глубоко и тонко чувствовать.

Первой задачей для возбуждения у человека интереса к самообразованию Рубакин ставил нахождение такой книги, которая зажгла бы в нем этот интерес. Именно определяя такие книги, учитывая социальное положение, психологический тип читателя, его интерес, Рубакин и начал разрабатывать свою теорию книги, теорию типов книг, читателей и авторов, теорию «книги-приманки».

Говоря о самообразовании, Рубакин всегда подчеркивал три основные его задачи: дать человеку «знание, понимание и настроение». Рубакин целью самообразования ставил всегда выработку не только миросозерцания, но и определенного революционного действия. Самообразование должно было сделать человека революционером.

Именно в этом смысле он и говорил о «боевом, революционизирующем характере» всех своих работ, в том числе библиографических.

Любопытно, что возможности самообразования Рубакин выразил даже в цифрах.

«Всякий может уделить чтению один час в день, а в воскресенье 3 часа. Следовательно, 52 воскресенья по 3 часа

дадут 156 часов. А 313 будней по 1 часу — это 313 часов чтения. Значит, в год получается более 450 часов чтения. Это самое малое 5 тысяч страниц! А при навыке в два-три раза больше».

Такая программа не просто предусматривает число часов для человека, желающего заняться самообразованием. Это программа воспитания в себе упорства, целеустремленности, непреодолимого желания стать образованным. Дело тут не в числе часов, а в том, чтобы иметь волю расходовать свое время на чтение так, как это подсчитал Рубакин.

Это характерно и для него самого. Для писания своих книжек, для ответов на бесчисленные письма, для составления каталогов и крупнейших библиографических работ Рубакин должен был и сам распределить свое время так, чтобы у него не пропадало зря ни одного часа. Как я помню отца, он начинал работу около пяти часов утра и продолжал ее весь день с короткими перерывами для еды. Я не помню, чтобы он ходил в театр. Позже, когда появилось кино, он стал его постоянным посетителем. Но его влекло в кино то, что он считал его замечательным техническим достижением, а он питал огромный интерес ко всем техническим достижениям и зорко следил за ними.

Он следил за ними и восхищался ими, потому что верил в бесконечную силу человеческого гения и его возможность создать такую технику, при которой человечеству будет жить легко. Когда появились самолеты, он сразу взялся писать книгу о них. Когда появилось радио, отец с восторгом принял это изобретение. Я сложился с моими братьями, и мы преподнесли ему в один из его дней рождения в Лозанне самый лучший в то время приемник — «Телефункен». И каждый вечер наш отец с восторгом слушал его. Но удивительное дело — его интересовало не столько то, что передавали по радио, сколько то, что люди научились

пользоваться невидимыми электромагнитными волнами для передачи человеческого голоса и любых звуков.

Он, к сожалению, не дожил ни до распространения телевидения, ни до запуска первых спутников Земли. А какой бы для него было радостью все это узнать и увидеть!

Когда Рубакин поставил вопрос о самообразовании на реальную почву — число нужных для этого часов, — встал вполне логично вопрос и о том, что именно читать для того, чтобы в минимальное количество часов приобрести максимум знаний. Вопрос экономии чтения неизбежно приводил к вопросу о качестве чтения, то есть о составлении программ для чтения.

Опыт показал Рубакину, что эти программы могут и должны быть также и индивидуальными. Я говорю «также», потому что можно составлять и огромные программы для массового читателя, в масштабе всей страны, но в этих массовых программах нужно дать характеристику предлагаемого для чтения материала так, чтобы каждый читатель мог его выбрать по своему вкусу, интересу и желанию.

Но читателю были нужны и свои, индивидуальные программы. А для этого Рубакин должен был узнать самого читателя, определить его психический тип, интересы, возможности и т. д. Иначе говоря, для получения наилучших результатов при самообразовании нужно было изучить и книгу и читателя, а значит, и автора.

Вот такого рода исследования и привели Рубакина к построению теории чтения, основанной на изучении психических типов читателей и книг. Это легло в основу созданной им новой отрасли психологии и библиологии — библиопсихологии, которую он называл наукой о социальном и психологическом воздействии. Как бы ни относиться к ней, она является серьезной и пока что единственной попыткой внести научный подход в дело чтения, изучения читателя и книги. До сих пор психологи изучали психологию человека

вообще, не применительно к чтению, а библиологи изучали книгу независимо от читателя.

Рубакин и в своей теории самообразования показал, что все это должно быть объединено, связано одно с другим — изучение читателя и книги. Это является наиболее выгодным в деле самообразования, так как путем рекомендации книг, соответствующих психическому типу читателя, возможно значительно ускорить у него процесс усвоения знаний. Тогда и те цифры для числа часов чтения, которые мы привели, получат иное значение. Тогда самообразование действительно станет научной областью.

За свою жизнь Рубакин вел личную переписку с более чем 20 тысячами человек — с рабочими и крестьянами, учителями и учащимися. Он составил и разослал своим корреспондентам около 15 тысяч индивидуальных программ для чтения и самообразования. Недаром Плеханов писал о Рубакине, что «среди русских писателей он занимает особое место». И это место было исключительно почетным. Рубакин пробудил к жизни, знанию и деятельности миллионы людей.

Не только с ранней молодости, но, можно сказать, с ранней юности Рубакин инстинктивно пришел к мысли о важности самообразования, потому что и сам занимался самым глубоким и широким самообразованием. Те часы, которые он высчитал как необходимые для самообразования, он затратил и сам, но ввиду его необычайной работоспособности, блестящих способностей он за эти часы усвоил неизмеримо больше, чем любой из его корреспондентов. Но он этим отнюдь не гордился, наоборот, он считал, что все усвоенное им может служить примером для усвоения и другим, всем желающим.

С 14 лет и до последнего дня жизни, то есть в течение 70 лет, Рубакин занимался вопросами самообразования.

Еще мальчиком, работая в библиотеке своей матери, он знал чуть не наизусть все книги и даже их содержание, давал советы читателям при выборе ими книг. С 1882 года, когда он был еще студентом 2-го курса Петербургского университета, он организовал при библиотеке кружки читателей и руководил ими. В 1887 году к ним присоединились рабочие бумагоделательной фабрики, которая принадлежала его отцу. И среди них Рубакин организовал кружок читателей.

В 1889 году Рубакин составил первую программу вопросов к читателям. Программа эта была обсуждена в Комитете грамотности, в котором он тогда работал. На ее основе Рубакин разработал анкету для читателей, распространенную им через журналы и индивидуально. Полученные данные легли в основу первых трудов Рубакина о самообразовании и об изучении читателя. По поводу переписки Рубакина с читателями его старый друг Н. В. Чехов правильно замечает, что «если мы вспомним положения, которые Н. А. Рубакин поставил в основание всей своей работы, то поймем, что общее направление этой переписки должно было революционизировать читателей, особенно рабочих и крестьян». Между 1889 и 1907 годами в переписке участвовали 5189 читателей, а за период после переезда Рубакина за границу, с 1911 по 1915 год, к ней прибавилось еще около 5500 корреспондентов из России, в том числе около тысячи промышленных рабочих. Журнал «Вестник знания» был и посредником в этой переписке.

Если «Этюды о русской читающей публике» были первым материалом по изучению русских читателей из народа, то на основании последующей переписки Рубакиным были написаны его классические труды: «Письма к читателям о самообразовании» («Круг знаний», 1910, 3 переиздания — 1911, 1919, 1923 гг.), «Практика самообразования» (1914), «Как и с какой целью читать» (1922), «Вперед и вверх» (1922).

После нескольких лет жизни за границей Рубакин стал охватывать и западноевропейского читателя. Он разослал анкету «Читатель, познай самого себя!», на французском языке (Lecteur, connaîs toi toi-même!) и до 1940 года из разных стран получил 20 тысяч ответов.

В письмах к Рубакину читатели рассказывали ему о своих нуждах, о своей жизни. Зачастую это были малограмотные, а порой и почти неграмотные рабочие и крестьяне. Но письма их служили для Рубакина источником настоящего вдохновения, надеждой на лучшее будущее. В них он видел свой народ, пробуждающийся к новой жизни и к борьбе. Переписка Рубакина с читателями — это отражение всей духовной и материальной жизни русского народа, отражение не внешнее, не рассудочное, а по их собственным словам, по их собственным мыслям. В этом-то и заключается ее ценность для изучения истории русского общества в конце XIX и первой четверти XX века.

Часто его корреспонденты писали вычурным, цветистым языком, думая, что так будет «литературнее» и «умнее». Иногда они употребляли слова, значение которых им самим было неясно, но которые в их глазах звучали красиво.

Так, один из читателей в своем письме к Рубакину писал: «Вы — мой имманентный интернационал» — он, видимо, наслаждался созвучием этих непонятных для него слов.

Другой читатель писал: «Вы желаете, чтобы человечество выродилось от животного происхождения», — фраза нелепая, но ясно, что автор хотел ею сказать.

В порыве любви к моему отцу один из корреспондентов, почитая Рубакина и как человека, руководящего самообразованием, и как учителя, слил оба эти понятия в одно слово и в своих письмах к моему отцу обращался так: «Дорогой самоучитель».

Мы потом долго дразнили отца, обращаясь к нему с этим титулом, а потом перенесли его на всех читателей,

писавших отцу. Отца это очень обижало, он негодовал на нас. Он не допускал того, чтобы над его корреспондентами смеялись. Он относился к ним с самым большим уважением. Так же как он сразу распознавал содержание и характер книги, лишь взяв ее в руки и бегло перелистав, так он определял и характер, и настроения, и классовое положение, и даже национальность читателя, держа в руках его письмо. От писем нередко шел запах, позволявший определить профессию его автора: запах кожи, дерева, пота.

Все те, кто под руководством Рубакина приступил к самообразованию, сохранили о нем преданную память и горячие чувства любви и уважения. Для того чтобы понять, что они ценили в нем и о чем хранили память всю жизнь, интересно привести выдержки из некоторых их писем, написанных ими ко мне в ответ на мои вопросы об их переписке с отцом, следовательно, уже более чем через 20 лет после его смерти.

Вот письмо бывшего крестьянина Василия Максимовича Зиньковского, ставшего потом агрономом и жившего в городе Майкопе:

«Имя Николая Александровича Рубакина и воспоминания о нем я воспринимаю всегда с каким-то почтительным благоговением, так много он сделал для меня, и верю — для очень и очень многих, для тысяч людей, своей разумной просветительной деятельностью...

С Н. А., с его литературными выступлениями, книгами мне посчастливилось соприкоснуться давно... сразу после школы, и потом уже на всю жизнь он стал для меня учителем и добрым наставником в использовании печатного слова, книги как источника человеческих знаний.

...Оглядываясь теперь на свой пройденный интеллектуальный путь, я себя считаю прямо счастливым, что мне своевременно пришлось познакомиться с глубоким, разумным словом большого народного просветителя и ученого

Н. А. Рубакина, а потом и в личной переписке с ним посильно воспринять его взгляды и стремления в вопросе самообразования. После школы Н. А. сыграл в моей жизни исключительную, решающую роль. Он своими статьями, книгами научил меня любить и использовать книги как источник знаний, научил, как выбирать и работать с книгой и при помощи книги работать над собой...

От Рубакина, — писал дальше автор этого письма, — я впитал это уважение и любовь к книге навсегда: книга была для меня основной опорой жизни...

Поэтому имя Николая Александровича Рубакина, память о нем для меня особенно дорога, по-своему священна.

Наблюдая теперь за людьми старшего поколения наших лет, прямо чувствуется у некоторых и по выступлениям с речами, в печати, по их научным работам, виден отпечаток работы в свое время над книгами, статьями, мыслями Н. А. Рубакина, наглядно заметно оставленное большое, благотворное рубакинское влияние».

Характерны также воспоминания одной сельской учительницы — Веры Степановны Власенко (по мужу Курбатовой). Среди учителей было особенно много читателей, ведших оживленную переписку с Рубакиным. Да это и понятно. Среди них было много людей, жаждавших знаний и не смогших их получить в достаточной мере, людей, работавших в глухих углах Российской империи и лишенных всякой возможности продолжать там свое образование.

«...Тогда я жила в селе Холмец Ржевского уезда Тверской губернии, — вспоминает В. С. Курбатова, — позади была тюрьма, ссылки. Меня долго не допускали к работе. Только с 1911 года я получила место учительницы в бедном глухом селе. В Холмеце было еще два учителя, к сожалению, далекие от политики. Они избегали «предосудительных разговоров», подразумевая под этим не только критику самодержавия, но даже проблемы улучшения системы народ-

ного образования. Я чувствовала себя одинокой и очень тосковала. Как расти самой, как учить людей, когда даже библиотеки в селе не было? Я растерялась».

В это время в одном прогрессивном журнале о самообразовании ей попалась статья Н. А. Рубакина. Она написала Рубакину письмо и через довольно продолжительное время получила от него ответ из Швейцарии: письмо и пакет с книгами. «С этого момента, — писал ей. Рубакин, — не считайте себя одинокой». Так началась переписка с Рубакиным — письма и книги шли от него в ответ на ее письма. В архиве Рубакина в Ленинской библиотеке в Москве хранятся сотни таких писем к нему и копии его писем к читателям. Среди корреспондентов Рубакина был и будущий писатель А. С. Новиков-Прибой.

А. С. Новиков-Прибой писал Рубакину 27 апреля 1912 года, получив газету «Русское слово» с его статьями о самообразовании: «Очень благодарен Вам за присланную газету с Вашими статьями о самообразовании. Я прочитал их с большим удовольствием. Прочитал по этому же предмету и все, что Вами было напечатано в «Новом журнале для всех» за прошлый год... Я очень рад, что Вы взялись за такую работу. Лично я придаю этому большое значение. Думаю, что такого же мнения будет и всякий, кто стремится к свету знания. А таких людей много, даже очень много. Но вся беда их в том, что они не знают, что читать, как читать и куда обратиться за советом. И брали книги, какие попадались под руки, часто ничего не дающие ни уму, ни сердцу. Мне, например, приходилось встречать людей, годами увлекающихся чтением, и все-таки как мало развились они! И вот являетесь на помощь Вы, знаток книжных богатств, со статьями, изложенными популярным языком.

Мало того, что Вы указываете жаждущим знания на богатые сокровища человеческой мысли: Вы при этом еще доказываете им, что при старании они могут достигнуть

огромных успехов, бодрите их, зовете вперед. Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что, читая книги по Вашему указанию, можно за один год приобрести знаний больше, чем в другом случае за целых десять лет. Да, тут есть за что горячо Вас приветствовать и выразить Вам самую искреннюю благодарность: в особенности много будет обязан Вам наш брат, рабочий люд».

Впервые он пришел к отцу, будучи еще простым матросом, и принес ему свою рукопись о морском бое при Цусиме, в котором он участвовал как матрос военного корабля «Орел», потопленного японцами. Новикову просто хотелось передать письменно то, что он пережил. Отец вложил ему в сердце страсть к писательству, убедил его в том, что он станет писателем. И так и вышло.

Рубакин считал, что каждый человек может писать, может стать писателем. Вопрос в том, чтобы его натолкнуть на это, зажечь в нем искру, которой не подозревает он сам.

Каждому читателю отец советовал возможно больше писать о своей жизни, пробовать силы в литературе. Надо сказать, что немало своих читателей он «втолкнул» на литературное поприще.

Упорно советовал Рубакин заняться литературой А. А. Демидову, малограмотному крестьянину, которого он и в глаза не видел. По этому поводу у них завязалась дружеская переписка. Демидов в конце концов стал писателем. По совету моего отца взялись за перо Павел Низовой, А. С. Новиков-Прибой и ряд других писателей. Надо сказать, что уже сама переписка читателей с Рубакиным вырабатывала у них литературные наклонности, стимулировала их к писанию вообще.

«Среди книг»

Научно-популярные книжки Рубакина в настоящее время значительно устарели: очень устарел материал, поданный в них, так как прогресс во всех областях человече-

ского знания и жизни за последние полвека был огромным. Несколько устарел и язык этих книжек.

Современный советский читатель неизмеримо вырос по сравнению с дореволюционным, он знает много, он понимает любой научный язык, если ученый пишет ясно.

Но один вопрос, поставленный Рубакиным в то время, сохраняет свою актуальность и теперь: это вопрос о том, как разобраться человеку, занимающемуся самообразованием, в том огромном книжном богатстве, которое имеется в нашей стране и в которое непрерывно вливаются новые бесконечные потоки все новых книг? При таком количестве книг проблема ориентация в книгах приобретает особенное значение, даже большее, чем раньше, когда было гораздо легче рекомендовать книги для самообразования. Иначе говоря, надобность в рекомендательном каталоге теперь не менее, а может быть, и более остра, чем раньше.

Но есть и различие. Во времена Рубакина еще можно было составить общий рекомендательный общеобразовательный каталог книг по самообразованию. В настоящее время при огромном количестве книг и резкой специализации учащихся и работников, кроме такого общеобразовательного рекомендательного каталога, нужны еще и специальные, но каждой области науки, ибо они так разрослись, что уже не могут уместиться в качестве раздела в общем каталоге.

Давать людям знания означало для Рубакина писать научно-популярные книжки. А для того чтобы их писать, он считал необходимым собирать и изучать огромные книжные богатства. Так начала свою историю ставшая знаменитой библиотека Рубакина. Для самообразования, крупнейшим пропагандистом которого он являлся, нужно было составлять пособия и рекомендательные каталоги, рассчитанные и на массового и на индивидуального читателя. Вся колоссальная переписка Рубакина с читателями —

это его подробнейшие советы: как приобретать необходимые знания, какие книги надо обязательно прочитать и т. д. Давать же такие советы можно было, только досконально изучив и литературу и читателей.

Задача просвещения масс, все те формы, которые, по мнению Рубакина, подводили к осуществлению этой задачи: развитие самообразования, создание научно-популярной литературы, библиотечная работа — были неразрывно связаны с библиографической работой. Помочь читателю найти подходящую книгу, соответствующую его интересам, его психическому типу, помочь ему среди огромного книжного потока выбрать книги, позволяющие с меньшей затратой времени получить необходимые знания, — этим принципом руководствовался Рубакин, составляя библиографические списки, указатели, каталоги. Значение его в этой области чрезвычайно велико. Библиографические труды Рубакина — скольким людям помогали они в течение многих лет, скольких вели по трудному пути приобретения знаний!

Вершиной трудов Рубакина стала его знаменитая «Среди книг». Это как бы синтез всей многосторонней и многогранной деятельности Рубакина.

«Среди книг» действительно была событием в культурной жизни нашей страны. Помню, кто-то из писателей заметил, что, если бы даже Рубакин ничего не написал, кроме этого, его имя вошло бы в историю русской литературы.

Новый читатель знал, осознавал свои запросы, но он не мог знать нужных ему книг. Именно в этот период рекомендательный каталог с оценками, рецензиями и т. п. мог играть огромную роль. Рубакин это подметил и писал во Введении к первому тому «Среди книг», что «множество людей роются в «указателях лучших книг», «рекомендательных каталогах», читают рецензии и «библиографии», сотни тысяч людей идут целыми толпами в библиотеки и книжные мага-

зины и спрашивают там определенные рекомендованные книги, рекомендованные то какой-нибудь «программой чтения», то последней книжкой любимого журнала, то простонапросто каким-нибудь хорошим человеком».

Что же представляет собой эта работа?

«Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей. Справочное пособие для самообразования и для систематизации и комплектования общеобразовательных библиотек, а также книжных магазинов» — так определяется характер этой книги в подзаголовке.

Первое издание «Среди книг» вышло в 1905 году, второе — в 1911–1915 годах (три тома). Второе издание значительно отличалось от первого. Если в первом рассматривалось около 7500 книг, то во втором около 20 тысяч. Кроме того, во втором издании многое было сделано, чтобы облегчить пользование книгой, сделать ее практически доступной даже для малоподготовленного читателя.

Первый том (мы рассматриваем второе издание) состоит из двух частей. Первая — теоретическая, «научно-библиологический очерк» о книжных богатствах, их изучении и распространении. Сам Рубакин рассматривает ее как попытку изложить основы книжного дела. Вторая часть собственно библиографическая. Она, в свою очередь, тоже состоит из двух частей: I — изящные искусства (в том числе беллетристика), литература, публицистика, этика в связи с их историей, теорией, критикой, II — общественные и естественные науки, математика, логика, гносеология, философия, детский, справочный и библиографический отделы и приложения (алфавитные указатели — именной и предметный).

Во второй части не просто перечисляются книги, размещенные по определенным отделам, но каждому отделу предпосланы предварительные замечания, в них дается

характеристика литературы, собранной в данном отделе, характеристика авторов, исторические сведения, история идеи.

Библиографическая часть каждого отдела разбита на параграфы, в которых собраны книги, трактующие один вопрос, иногда весьма частный.

Как отмечено в предисловии, книги расположены по степени относительной трудности в изложении и в понимании их. Римской цифрой I перед номером отмечены книги, доступные читателям, получившим образование ниже среднего и начальное, цифра III отмечает книги специальные, требующие от читателя значительной подготовки, и, наконец, цифра II указывает книги, доступные начинающим читателям со средним образованием. Большая же часть книг, не отмеченная никакими знаками, рассчитана именно на читателя со средним образованием.

В предварительных замечаниях, как правило, оговариваются книги, которые могут быть рекомендованы для сельских и фабричных, товарищеских и общественных библиотек.

Таким образом, труд «Среди книг» представляет собой массовую программу самообразования для любого читателя. Читатель только должен научиться ею пользоваться.

«Среди книг» не могла бы быть, если бы Рубакин не писал своих научно-популярных книжек, не составлял тысячи индивидуальных и массовых рекомендательных каталогов и программ чтения, если бы не переписывался с тысячами читателей. «Среди книг» — это результат всей огромной работы, произведенной им в его долгой жизни. Это лучший памятник ему и всей его просветительной деятельности. Для составления «Среди книг» ему пришлось просмотреть, как он сам пишет, около 60 тысяч книг и отобрать из них лучшие. Но на деле надо учитывать и прочие книги, здесь им не упомянутые, а сам он считал, что на своем веку прочел и просмотрел не менее 200 тысяч книг. Вот какой колоссальный труд был им проделан!

Об огромном значении этой работы говорит и тот факт, что Владимир Ильич откликнулся на нее специальной рецензией, которая выходит далеко за пределы простого отзыва о книге. В рецензии этой Ленин излагает и взгляды на библиографию.

Ленин прежде всего указывает, что «...издание подобного типа представляет громадный интерес и... план автора, в общем и целом, вполне верен. В самом деле, дать разумный «обзор русских книжных богатств» и «справочное пособие» для самообразования и библиотек нельзя иначе, как в связи с историей идей», «Автором и его многочисленными сотрудниками (если бы Ленин знал, что этих «многочисленных» сотрудников было всего два, но у Рубакина была страсть представлять свои труды как достижение целой группы работников — так было и с его Институтом библиопсихологии. Быть может, ему думалось, что ему не поверят, если узнают, что вся основная работа во всех его начинаниях была выполнена им одним), названными в предисловии, затрачен громадный труд и начато чрезвычайно ценное предприятие, которому от души надо пожелать расти и развиваться вширь и вглубь... Ни одной солидной библиотеке без сочинения г-на Рубакина нельзя будет обойтись».

Одновременно Ленин отмечает и недостатки этого труда — «эклектизм и недостаточное обращение к специалистам», «предубеждение автора против полемики», хотя фактически он прибегает к «прикрытой полемике», что, по мнению Ленина, представляет собой худшую форму полемики.

Еще когда Рубакин готовил второй том «Среди книг», он решил попросить Ленина написать туда статью с изложением сути большевизма. В январе 1913 года он обратился к Владимиру Ильичу:

«Уважаемый Товарищ, во II том «Среди книг» мне хотелось бы внести характеристику большевизма, изложение самой сути его, и указать те книги, в которых имеется изложение этой сути. Полагая, что лучше Вас никто не сможет этого сделать, обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне в этом деле и прислать (приблизительно через неделю) краткое, не более как на одной странице почтовой бумаги такое «экспозе». Разумеется, дело идет не о том, чтобы излагать сущность социал-демократии вообще, но лишь пункты, отличающие большевизм от других с.-д. течений. Желательно также, чтобы Вы указали главнейшие пункты эволюции большевизма, начиная с момента его возникновения. Постараюсь в Вашей характеристике не делать никаких изменений. Как Вам, вероятно, известно, моя книга стоит вне партий, и всякая полемика различных направлений (за исключением истории полемики) исключена. Изложение требуется догматическое. Позвольте надеяться, что Вы, ради обстоятельного ознакомления с сущностью и литературой большевизма, исполните эту мою просьбу.

Уважающий Вас Н. А. Р.»

Ленин ответил на это письмо 25 января 1913 года:

«Уважаемый товарищ!

Исполняя Вашу просьбу, посылаю Вам «экспозе» такое короткое, какое только мог. Если бы Вы не добавили, что «*история полемики*» в Вашей книге не исключена, то изложение большевизма было бы совсем невозможно.

Кроме того, сомнения вызвала во мне Ваша фраза: «*Постараюсь* в Вашей характеристике не делать никаких изменений». Я должен поставить условием печатания *отсутствие каких бы то ни было* изменений (о чисто цензурных можно бы, конечно, списаться особо).

Не подойдет — верните, пожалуйста, листок.

С товарищеским приветом

В. Ленин».

Как известно, «экспозе» Ленина было напечатано во втором томе «Среди книг».

Мы уже указывали, с какой злобой набросились на работу Рубакина «Среди книг» реакционные критики. Но и либеральные и даже передовые круги поняли революционный характер этого библиографического труда. Недаром в докладе, сделанном в 1916 году на заседании Русского библиологического общества, говорилось, что один из наиболее крупных библиографических трудов за 1890–1915 годы «исходит из кругов библиографических работников, деятельность которых преследует не столько библиографические, сколько социально-политические цели. Такова работа Н. А. Рубакина «Среди книг».

О революционизирующем значении «Среди книг» можно судить по тем злобным выкрикам, которыми эта книга была встречена в лагере российской реакции.

Известный «нововременский» черносотенный публицист В. Розанов писал:

«Много забот правительству дают эти социал-библиографы — Горнфельд, Венгеров и Рубакин. Все они хитры, как Талейраны: пишут библиографию, не придерешься. Нельзя же запрещать библиографию: тогда французская Академия что скажет. Изумятся англичане, возмутится Берлин. Ни для Петропавловской, ни для Шлиссельбургской крепости библиография недосягаема... Достаньте вы, например, хоть 12-дюймовой пушкой Рубакина, когда он пишет просто: «Среди книг». Просто, очень невинно, и для усиления невинности посвящает книгу своей мамаше, Лидии Терентьевне Рубакиной, 20 лет работавшей среди книг и научившей любить книгу, и верить в ее светлую и непреоборимую мощь. Во «Введении» (190 стр.) Н. Р. «научает организации библиотек» (курсивы Розанова). Что поделаешь, «Среди книг» будут читать и именно по ней организовывать читальни, библиотеки, даже сортировать в

магазинах товар, книга Н. Р. будет ходка, да и уже сейчас она и пошла, как когда-то «крестный календарь» Гуцкова. (Sic! «ученый» Розанов смешал Гуцкова с Гатцуком). Во «Введении» есть специальные главы об устройстве библиотек на фабриках и об устройстве сельских библиотек, и через 20–25 лет библиотеки всей России, кроме громадных и казенных (без читателей вдали уединенные), будут подобраны во вкусе Рубакина, фатально. Неодолимо. Каталог с толкованиями подчиняет себе неодолимо библиотекаря, становясь ему другом и светящейся свечой. Кто же заметит, что в сущности «свеча Рубакина» сжигает все библиотеки, что она не «среди книг», а «против книг», за брошюрки, за листки... А без Рубакина не обойдешься! Вот все эти Киреевские, Аксаковы, Рачинские парили в воздухе, махали крыльями; к ним подполз незаметно червячок, всего только Рубакин, послушный своей мамаше, и испортил им всем блюдо...» «Социал-демократы съедят всех трудолюбием...» «Вот вам «Среди книг» получите... Вы меня генералом Курловым (тогдашним начальником охраны) не испугаете». И никто не может одолеть, удержать, противиться...»

«Среди книг» была адресована не только библиотекам и библиографам. Она была адресована и непосредственно читателям и, быть может, даже больше всего им. В этом-то и заключается одна из оригинальностей этого труда. Письма читателей Рубакину ясно показывают, что они непосредственно пользовались этим трудом в своей самообразовательной работе.

Книгу «Среди книг» покупали читатели как пособие для самообразования.

Новиков-Прибой, получив от автора экземпляр «Среди книг», писал: «Для меня эта книга будет вместо профессора. С ее помощью я до всего доскоблюсь» (письмо от 27 апреля 1912 г.). А в другом письме (от 1 мая 1912 г.) он еще писал: «Не нарадуюсь я, перелистывая Вашу книжку. Сохраню ее на

всю жизнь. Она будет для меня лучшим советником по части чтения. Мало того, с помощью ее я сумею сделать указания по выбору книг и своим товарищам — матросам, солдатам, рабочим и крестьянам, — которые больше, чем кто-либо, нуждаются в этом».

Большой интерес к составлению «Среди книг» проявлял Георгий Валентинович Плеханов, живший тогда в Женеве.

Предварительные замечания, предпосланные каждому разделу в «Среди книг», Рубакин посылал на просмотр Плеханову, который очень внимательно их читал и подробно анализировал. Его письма к Рубакину по этому поводу представляют большой интерес и для характеристики самого Плеханова.

Плеханов очень часто пользовался библиотекой Рубакина, постоянно получал от него заказанные им книги по почте, аккуратно их возвращал, советовался с Рубакиным об отборе материалов для своих работ. Он и сам нередко приезжал к Рубакину в Кларан и в Лозанну и подолгу с ним беседовал. Бывал у него в Женеве и Рубакин.

Рубакин часто, но не всегда учитывал замечания Плеханова. Так, например, Плеханов советовал ему выкинуть произведения «легального марксиста» профессора М. Туган-Барановского из рекомендательного списка. А Рубакин, который был в свое время лично знаком с Туганом, этого так и не сделал, за что Плеханов его корил.

Когда «Среди книг» вышла и Рубакин послал ее Плеханову, тот писал Рубакину о ней: «Вы знаете, конечно, что печать встретила Вашу книгу единодушными похвалами. Да иначе и быть не могло, потому что она окажет незаменимые услуги всякому занимающемуся нашей литературой. Я с нетерпением жду второго тома».

Кроме «Среди книг», Рубакин составил и напечатал более 20 других библиографических указателей типа рекомендательных каталогов, общих и специальных, преследующих

ту же цель — революционизацию книжного дела. Среди этих каталогов некоторые предназначаются для рабочих и крестьянских кружков, другие для пропагандистов и агитаторов, третьи для учащейся молодежи, четвертые для библиотекарей, пятые для учителей и т. д. Большинство этих рекомендательных указателей появилось без имени их автора, и все разошлись в большом количестве экземпляров.

Но «Среди книг» останется незабываемым памятником всей творческой жизни и деятельности Н. А. Рубакина. Не только самая идея создания такого труда, но и он сам еще долго будет оставаться необходимым пособием для работы любого библиографа, любого книговеда, любого историка нашей литературы. В этом непреходящее значение «Среди книг».

Ленину принадлежит мысль о создании «советского Рубакина», о создании сочинения, сходного по плану с трудом «Среди книг», но составленного в марксистском духе.

В 1964 году старый большевик Г. Литвин-Молотов вспоминал, как Надежда Константиновна Крупская уговаривала его заняться «советским Рубакиным», как незадолго до смерти интересовалась она выпуском проспекта «Книги о лучших книгах», который готовила Библиотека имени В. И. Ленина. Вопрос об издании такого труда был поставлен еще Лениным, и Надежда Константиновна говорила о нем как «о выполнении завещания Ленина». «Сейчас трудно сказать, — пишет Литвин-Молотов, — когда у Владимира Ильича возникла идея об издании «советского Рубакина» — совершенно новом издании... Может быть, в эмиграции, тогда, когда Ленин писал рецензию на «Среди книг», у него могла появиться мысль о том, как было бы хорошо подготовить и издать вполне современного научно-марксистского Рубакина». «...Но ясно, что беседы Ленина с Крупской о необходимости издания «советского

Рубакина» (выражение Владимира Ильича) относятся уже к послеоктябрьскому периоду».

Автор этой статьи пишет, что и теперь, 25 лет спустя после смерти Надежды Константиновны, требуется издание типа рубакинского «Среди книг». Причем речь идет не о простой перепечатке старого издания, а о создании совершенно нового, но того же типа, на базе современных научных марксистско-ленинских знаний.

Глава 6. Первые годы эмиграции

Несмотря на личное хорошее отношение швейцарцев к русским политэмигрантам, швейцарские власти относились к последним враждебно, с подозрением — швейцарская буржуазия, правящая страной, больше всего боялась, как бы они не занесли революционный дух и в Швейцарию. Ведь, по существу, Швейцария была не демократией, как ее пытаются представить сами швейцарцы, а настоящей олигархией, сдобренной наличием старых политических свобод и республиканского образа правления. Местные богатеи — банкиры, владельцы предприятий и т. д. — были и правителями страны. Именно они являлись фактически на основании «всеобщих и тайных выборов» депутатами кантональных и федерального советов и всех других органов власти. «Священное право собственности» было неприкосновенно в Швейцарии. Стать швейцарским гражданином можно было, только обладая недвижимой собственностью в Швейцарии.

У моего отца в Швейцарии никогда не было недвижимой собственности. Все его имущество заключалось в его библиотеке и его труде. Да он вовсе и не стремился к получению швейцарского гражданства. Он всегда был русским и остался русским, советским гражданином. И он всегда был на подозрении швейцарских властей.

А между тем русские контрреволюционеры легко получали визы на проживание в Швейцарии, и их никто не тревожил. Больше того, когда в 1923 году в Лозанне русский белоэмигрант Конради убил нашего полпреда Вацлава Воровского, швейцарский суд оправдал этого бандита! Да и позже, во время второй мировой войны, когда советские военнопленные бежали из фашистского плена и оказывались в Швейцарии, швейцарские власти немедленно заключали их в концлагерь.

Как в первой, так и во второй мировой войне Швейцария была настоящим сейфом для капиталистов обеих враждующих сторон. За время этих войн, да и после швейцарские банки были перегружены громадными вкладами иностранных капиталистов. Дошло до того, что во время второй мировой войны швейцарские банки принимали вклады от иностранцев, только начиная с очень крупных сумм. При этом они не только не платили процентов вкладчикам, как это обычно делается, но сами взимали с них процент... за честь быть вкладчиком.

Швейцарская армия была мобилизована и «охраняла» границы Швейцарии. Всем было ясно, что, если бы на Швейцарию набросилась Германия, в несколько дней со швейцарской армией было бы покончено. От иностранного вторжения — и прежде всего фашистского — Швейцарию спасала не ее армия, ее спасало то, что Швейцария была нужна всей европейской и американской буржуазии как место безопасного хранения ее капиталов и ценностей. На деле швейцарская армия охраняла не Швейцарию, а швейцарские банки и в них колоссальные суммы и ценности иностранной буржуазии.

Но, разумеется, неучастие в войне, выгодное положение по отношению к воюющим сторонам, которым она, кстати, с полным беспристрастием поставляла оружие — и тем и другим, — делали жизнь в ней для широких кругов населения спокойной, безмятежной и на сравнительно высоком материальном уровне.

* * *

С того момента, как первые ящики библиотеки прибыли в Кларан и книги были расставлены на простых деревянных полках, начался книжный поток из России. Все старые связи отца с русскими издательствами остались в силе, в это время он уже работал над рукописью «Среди

книг», и издательства посылали ему свои издания ящиками. Присылали книги бесплатно, но с условием помещения их в каталоге. Правда, не всегда и не все книги отец помещал в свой каталог, но большинство.

Присылали ему книги издательство Е. Д. Трауцкой, «Посредник», «Просвещение», П. П. Сойкин, Девриен, А. Ф. Маркс, Брокгауз и Ефрон и ряд других. Книжная гора росла и росла на глазах неподвижных и изумленных таким ростом Савойских Альп. Многие авторы, с которыми Рубакин был знаком, — Л. Толстой, М. Горький, В. Г. Короленко, А. А. Демидов, А. С. Новиков-Прибой и сотни других — слали ему свои книги, а позже стали ему давать свои книги с автографами и иностранные авторы.

Вместе с ростом числа книг росло и число людей, ими пользующихся из среды русских политэмигрантов, массами селившихся в Кларане, Веве и окрестностях.

В Кларане русская среда, с которой Рубакин все время имел дело, была совершенно другая, чем в Петербурге. Здесь уже не было писателей, старых знакомых, общественных деятелей либерального толка. Здесь не только преобладали, но и были почти исключительно политэмигранты, одни старые, давно уже живущие за границей, такие, как Г. В. Плеханов, Е. Е. Лазарев, другие только что бежавшие из России, обычно из ссылки или из тюрьмы. Первое время отца окружали главным образом эсеры, поскольку он был с ними связан еще в России. Они бывали у отца на квартире, он о чем-то с ними шептался, закрывшись в своем кабинете, но мне все-таки приходилось их тоже видеть, так как многие оставались у нас ночевать или обедать. Это была особая среда — люди молчаливые, явно конспиративного вида.

В каждом человеке Рубакина интересовали лишь умственная сторона жизни, умственные интересы и устрем-

ления. Этим, видимо, объясняется и его неумение обращаться с детьми, даже какая-то нелюбовь к ним. Помню, меня и брата по утрам, когда мы приходили к отцу здороваться, он целовал и говорил нам — причем совершенно искренне — хорошие теплые слова. Но больше нами совершенно не занимался. Наше воспитание целиком лежало на матери. Отец стал мною интересоваться только тогда, когда я в возрасте 10–11 лет начал писать стихи. Лишь такое первое проявление интеллекта и творческого духа у ребенка могло его заинтересовать.

Вся теория библиопсихологии, то есть влияния книги на читателя и читателя на книги и автора, была построена на определении психического типа человека. Как только отношения Рубакина с людьми выходили за пределы чисто интеллектуальных отношений, он терялся, не знал, что говорить, как себя держать, и поэтому людям, недостаточно хорошо знавшим его, он казался неестественным, неискренним. Хотя на самом деле он был очень добрым и сердечным человеком.

Рубакин прекрасно ставил «библиопсихологический диагноз» своим читателям, но он очень плохо разбирался в людях, в их житейской психологии: то слишком доверял им и слишком раскрывался перед ними, то, наоборот, перебарщивал в своем недоверии. Он был очень силен во всем, что касалось интеллекта своих читателей, но совершенно беспомощен перед другими сторонами их жизни.

В том же доме, что Рубакин, на первом этаже жил известный меньшевик, теоретик аграрного вопроса Петр Петрович Маслов. У него с отцом были постоянные столкновения главным образом из-за книг. Маслов брал книги у отца и возвращал их испачканными, грязными, чего отец мой никому не прощал. К тому же отец почему-то всегда не любил меньшевиков. Любопытно, что он даже по внешности их определял, и при этом обычно правильно.

Маслов был очень дружен с Мартовым, который у него постоянно бывал в свои приезды в Кларан. Но Мартова отец тоже не любил и редко с ним виделся.

Из наших соседей-эмигрантов отец особенно дружил с двумя — Егором Егоровичем Лазаревым и Верой Николаевной Фигнер.

Лазарев — небольшого роста худощавый старик с чисто мужицкой бородкой и вообще до того русский на вид, что ни в одной стране его нельзя было бы признать за нерусского, был очень своеобразной личностью. Поскольку он был не только соседом, но и близким знакомым отца, о нем стоит сказать несколько слов.

Лазарев в 70-х годах был членом организации «Земля и воля», был он крестьянского происхождения и остался до конца своей жизни типичным крестьянином. Он привлекался по знаменитому процессу 193-х, был в ссылке в Сибири. В 80-х годах он каким-то образом побывал у Толстого и вел с ним ожесточенные споры по поводу роли насилия в освобождении человечества от пут прошлого. Об этом вспоминал потом в своих записках Сергей Львович Толстой.

После этого Лазарев опять очутился в тюрьме, где Л. Толстой его навещал в 1884 году. И именно тогда Л. Толстой познакомился с российскими тюрьмами и их населением, с уголовными и политическими арестантами. В романе «Воскресение» Л. Толстой даже вывел Лазарева под другим именем.

Лазарев побывал после своего бегства из сибирской ссылки в Америке, потом долго жил в Англии, где, кажется, принимал участие в «Фонде Вольной русской прессы». В начале 900-х годов уже в весьма пожилом возрасте он приехал в Швейцарию, поселился в деревне Божи над Клараном, купил или арендовал там крестьянскую ферму и жил, продавая швейцарцам, а главным образом иностранцам и в гостиницы молоко. Лазарев говорил и по-английски и по-французски, и на обоих этих языках от-

вратительно, с отчаянным русским произношением. Он очень любил музыку и постоянно приходил к нам по вечерам послушать игру на рояле моей мачехи, Людмилы Александровны. Он был весьма глуховат, но это не мешало ему слушать музыку. Впоследствии, после первой мировой войны, он продал ферму в Божи и переселился в Прагу, куда увез и свой интереснейший архив. Меня он очень интересовал как участник «хождения в народ» в 70-х годах — он об этом рассказывал очень красочно.

В Швейцарии он примкнул к эсерам. К сожалению, эсеры его увлекли в бездну реакции, и после Октябрьской революции он стал, как и Брешко-Брешковская, ярым реакционером и противником Советской власти.

Весьма часто Рубакин виделся с Верой Фигнер, которая поселилась рядом в доме через дорогу. К ней он относился с особенным уважением не только потому, что это была знаменитая революционерка, просидевшая 25 лет в Шлиссельбургской тюрьме-крепости, но и потому, что это был действительно замечательный человек.

Небольшого роста, не очень полная, с седеющими, но не совсем седыми волосами, с чертами лица, красивыми даже в старости, с глубоким грудным голосом, она сразу же производила на всех впечатление какого-то особого обаяния и нравственной силы. Это была женщина властная по своему характеру, непоколебимая в своих взглядах, в своей революционности.

Она часто бывала у нас на вечерах, так как страстно любила музыку и особенно ценила мягкую, задушевную игру моей мачехи.

Во время первой мировой войны у Рубакина работали крупный польский революционер Феликс Кон и его дочь Елена.

Недалеко от Веве, в Сен-Леже, жил Анатолий Васильевич Луначарский, с которым Рубакин весьма сблизился и который постоянно у него бывал, брал книги в библиотеке,

а когда уезжал, то переписывался с ним. Луначарский был тогда корреспондентом разных русских прогрессивных газет, нуждался, как и все эмигранты, и часто обращался к отцу с просьбами помочь ему в получении работы в том или другом журнале или газете. Луначарский при его громадной и энциклопедической эрудиции мог бы быть хорошим советником отца по некоторым вопросам, отец, правда, относился к нему несколько скептически, а иногда и прямо говорил, что «Луначарский — человек несерьезный». Он очень сердился на Луначарского за его небрежное обращение с книгами, но глубоко уважал за универсальные знания, слушал его разговоры по философии, эстетике, искусству.

Наконец, рядом с отцом жили в снимаемых ими у местных жителей комнатах А. А. Трояновский, Н. В. Крыленко, Инесса Арманд и другие большевики. Все они приходили к отцу за книгами.

Громадная библиотека Н. А. Рубакина, самая большая русская библиотека за пределами России, естественно, привлекала к себе внимание всех русских политэмигрантов, не только читателей, но и писателей, политических деятелей, ученых. И Плеханов и Ленин, когда он жил в Швейцарии, широко пользовались книгами из библиотеки Рубакина.

В предисловии к первому тому своей «Истории русской общественной мысли» Плеханов писал: «Ничто не мешает мне, я полагаю, назвать здесь по имени Н. А. Рубакина, с любезностью, поистине беспредельной, предоставившего в мое полное распоряжение свою богатейшую библиотеку».

В своем письме в Институт Маркса — Энгельса — Ленина от 6 мая 1933 года Рубакин писал, что в Кларане с 1914 года его библиотекой «пользовались Ленин, Крыленко, Луначарский, Мануильский, Трояновский, Кристи и десятки других партийцев».

Ленин давно знал работу Рубакина, но личное знакомство Рубакина с Лениным состоялось только в Швейцарии, в эмиграции, куда они прибыли почти одновременно. Ленин с самого же начала своего пребывания в Швейцарии широко пользовался библиотекой отца и побывал у него несколько раз.

Ленин не мог не одобрять работу Рубакина по просвещению народа. Владимир Ильич глубоко ценил библиографические работы Рубакина.

В 1891 году, когда имя и работы Рубакина в литературе становились все более и более известными, к нему пришла знакомиться издательница крупного по тем временам «толстого» журнала передового направления Марья Кирилловна Давыдова, жена писателя Мамина-Сибиряка, впоследствии жена писателя А. И. Куприна. Она пришла пригласить Рубакина заведовать редакцией журнала. Он на это согласился, но, как сам потом признавался, делал это очень плохо.

Вместе с Давыдовой к нему пришла молоденькая курсистка — Надежда Константиновна Крупская, будущая жена Ленина. Она пришла поучиться у Рубакина библиотечному делу. Почти на полвека завязалась у Рубакина личное знакомство с Н. К. Крупской. С Владимиром Ильичем он познакомился через 25 лет.

Но еще до знакомства с Крупской Рубакин, будучи студентом Петербургского университета, входил в студенческий научный кружок, которым руководил старший брат Ленина, Александр Ильич Ульянов. Александр Ульянов вел не только научную, но и революционную работу.

С 1891 года Рубакин был в непрерывном контакте с Н. К. Крупской. Этот контакт происходил через воскресные школы для рабочих, в которых преподавала Крупская, а также моя мать, Н. И. Рубакина. И сама Крупская, и ее ученики-рабочие широко пользовались книгами из библиотеки

Рубакина, прибегали к его советам в области выбора книг. И в то же время все вышеупомянутые лица вели среди рабочих тайную революционную работу. В этих же школах преподавала Елена Дмитриевна Стасова, работавшая тоже с Рубакиным в основанном им при библиотеке Передвижном музее учебных пособий. Таким образом, между Рубакиным и Лениным тогда существовала невидимая связь, но еще не было личного контакта.

Позже Крупская больше сблизилась с Рубакиным, в особенности когда вернулась из ссылки вместе с Лениным.

В 1900 году среди рабочих на петербургских заводах и фабриках нелегально распространялась изданная за границей повесть «Ничего с нами не поделаешь», подписанная «Сергей Некрасов». Автором этой повести был мой отец, Н. А. Рубакин. Повесть эта распространялась не только «Союзом борьбы», но и другими революционными организациями, в том числе и эсерами, которые, правда, самовольно сделали в ней некоторые изменения. В повести описывалась борьба рабочих с хозяевами во время одной из первых массовых забастовок на большой текстильной фабрике. По-видимому, прототипом этой борьбы послужила знаменитая стачка на фабриках С. Морозова в 80-х годах.

О том, как эту повесть распространяли в России, пишет в своих «Воспоминаниях» Е. Д. Стасова, принимавшая деятельное участие в ее распространении. Любопытно, что она и не подозревала, что автором повести был Н. А. Рубакин, с которым она тогда вместе работала в Передвижном музее. Только в начале 60-х годов я об этом рассказал Елене Дмитриевне в Москве, и она была очень удивлена, так как ей и в голову не приходило, кто был на деле автором этой повести.

Как-то, когда Ленин пришел в библиотеку моего отца в его отсутствие, мне пришлось принимать его[4]. Ленин с

---

[4] Об этом я рассказываю в книге «Над рекою времени».

наслаждением погрузился в просмотр книг, брал одну за другой, быстро проглядывал по своей методике, ставил на место и брал другую — словом, действовал так, как действовал Рубакин. Ленин любил рыться в книгах, и видно было, что быть в библиотеке для него было наслаждением.

В 1944 году к Рубакину в Кларан приехал один советский офицер, Д. И. Маркелов, бывший военнопленным в Германии, бежавший оттуда и интернированный в Швейцарии. Отец долго с ним разговаривал, а потом, водя его по своей библиотеке, подвел к своему рабочему кабинету, показал на стоявшее там кресло и сказал: «Вот в этом кресле сидел Владимир Ильич, когда был у меня» (пишу по записи об этом случае, сделанной моим отцом).

Так как Ленин не жил в Кларане, а жил в других швейцарских городах, то книги от отца он обычно получал по почте, а заказывала их для него Надежда Константиновна также письмами.

Рубакин еще в 1933 году, передал в ИМЭЛ письма, полученные им от Ленина и Крупской.

В одном из писем, относящихся к эмиграции (15 января 1917 г.), Надежда Константиновна писала:

«У меня к Вам большая просьба. Сейчас у меня начата одна работа по педагогике, для которой мне необходим разный русский материал... Буду очень благодарна, если Вы разрешите пользоваться Вашей библиотекой. Хотелось бы приехать для этой цели в Кларан на 2–3 недели, но пока это трудно устроить: у Вас теперь работает наш близкий товарищ Усиевич. Он не откажется пересылать книги. Насчет аккуратного возвращения книг и бережного с ними обращения — можете быть вполне спокойны (с этой стороны Вы меня знаете по прежним временам).

Нередко вспоминаю с добрым чувством старые времена, когда частенько забегала в Вашу библиотеку и Вы давали всегда массу сведений, столь необходимых при занятиях с рабочими.

Муж просит передать Вам его благодарность за разрешение воспользоваться книгами из Вашей библиотеки, необходимыми ему для реферата. Вернет их аккуратно.

С тов[арищеским] приветом
Н. Ульянова (Крупская)».

Еще раньше (18 апреля 1911 г.) она писала Рубакину:

«Пользуюсь случаем, чтобы послать Вам мой сердечный привет по поводу Вашего юбилея. Ваша питерская деятельность жива в моей памяти. Помню мои частые визиты к Вам и те ценные указания, которые в свое время получала от Вас.

Крепко жму руку.

Уважающая Вас
Н. Крупская (Ленина)».

После смерти Владимира Ильича Рубакин продолжал переписываться с Надеждой Константиновной много лет, вплоть до ее смерти. Речь шла в значительной мере о переиздании книг Рубакина — его народных научно-популярных книжек — и о передаче его библиотеки Советскому Союзу.

В письме в ИМЭЛ от 4 июля 1928 года Рубакин писал Надежде Константиновне: «В 1916 году (тут, несомненно, ошибка, так как то, о чем он писал, произошло в 1914 году, в начале первой мировой войны) в Монтре по моей инициативе Ленин читал очень интересную лекцию и, подготовляясь к ней, работал в нашей библиотеке, которая была предоставлена в его полное распоряжение. Когда-нибудь я опишу эту лекцию».

Но лекция так и осталась им не описанной. В воспоминаниях Веры Фигнер («Запечатленный труд», т. 2) говорится об этой лекции, причем указывается, что она была прочитана на квартире Рубакина в Кларане. Это было неточно, так как она состоялась в одном из отелей Монтре.

Почти с самого же начала первой мировой войны в Монтре и прилегающих к нему городках и районах был организован «Русский клуб», в создании которого принимали деятельное участие Н. А. Рубакин и русские политэмигранты, жившие в этом районе. Дело в том, что с начала войны Швейцария оказалась отрезанной от России. А в ней находилось очень много туристов из России, отнюдь не политэмигрантов, приезжавших сюда на лето и здесь застрявших, так как в Россию пути были отрезаны. Вот они-то и вошли в этот «Русский клуб», в который вошли также и политэмигранты. По инициативе Рубакина Клубом для чтения лекции был приглашен Владимир Ильич Ленин, хотя многие русские неэмигранты, настроенные реакционно, слыхавшие о Ленине и знавшие, что он против этой войны, и не хотели его приглашать. Тем не менее лекция Ленина состоялась. Ленин говорил о причинах войны, разъяснял ее империалистический характер, но говорил очень сдержанно и осторожно. Дело в том, что швейцарские власти, боявшиеся и Германии и Антанты, зорко следили за всеми политическими выступлениями в Швейцарии из страха, что их обвинят в сочувствии к немцам или к Антанте. Иностранцев, агитировавших против войны, из Швейцарии высылали или даже сажали в тюрьму.

Неудивительно, что лекция Ленина, несмотря на ее сдержанную форму, не понравилась туристам из России. Да и Ленин был недоволен своей лекцией и публикой, на ней присутствовавшей.

В конце 1917 года Рубакин написал первые биографии Ленина и Крупской на немецком языке для немецких журналов. Они были изданы затем на том же языке отдельными брошюрами. Тогда же Рубакин написал и издал в женевском издательстве на французском языке брошюру «Что такое Русская Революция?» («Qu'est ce que la Révolution Russe?»). Он разъяснял причины революции, ее характер и ее цели и

достижения. Это был яркий ответ на ту злобную и реакционную кампанию зарубежной печати, которая обрушилась на русскую революцию и ее деятельность с самого начала.

В 1909 году Рубакин заявил о своем выходе из партии эсеров. Толчком для этого послужило разоблачение Азефа.

Уже в 1901 году у отца возникли сомнения насчет главы «боевой организации» эсеров Евно Азефа. Об этом деле стоит рассказать, так как оно характерно для тех нравов, которые царили в архиподпольной организации партии социалистов-революционеров.

Никому из эсеров и в голову не приходила мысль о предательстве Азефа — он считался верхом партийной совести и революционности. Подозрения у отца появились, когда как-то Азеф зашел к нему в его отсутствие. Вернувшись, Рубакин увидел, что лежавшие на его столе письма были переворошены и лежали в другом порядке, чем раньше. В 1903 году Рубакин вместе с С. Г. Соколовым, видным деятелем эсеровской партии, организовал наблюдение за Азефом, которое не дало никаких результатов. Но до департамента полиции дошли сведения о подозрениях Рубакина относительно Азефа, и в секретном докладе[5] этого департамента сказано, что «по совершенно непонятным для него данным впервые догадался о провокаторстве Азефа писатель Николай Рубакин». Эта история с подозрениями на Азефа сильно охладила отношения Рубакина с эсерами, и то, что стремились обелить этого провокатора, вовсе не убедило Рубакина в их правоте.

Обличение Азефа началось с того, что студенту-медику Крестьянинову, который вел пропаганду на фабриках Шлиссельбургского тракта, один рабочий обещал открыть

[5] Опубликован в «Петербургских ведомостях» летом 1917 года.

важного шпиона, пробравшегося в очень влиятельные революционные круги. Крестьянинов сказал об этом моей матери, она — Николаю Александровичу. Рабочий указал квартиру, в которой в определенные дни собирались сыщики. За квартирой стали следить, увидели выходившего оттуда человека, похожего на Азефа, но достоверно узнать ничего не удалось. Однако Рубакин рассказал о своих подозрениях кое-кому из эсеров. Никто не хотел верить ему, но он продолжал расследование.

Почти одновременно с Рубакиным появились подозрения и у В. Л. Бурцева, установившего связи с бывшим чиновником департамента полиции Бакаем, сообщившим ему много важных сведений о провокаторах. В частности, Бакай назвал крупнейшего провокатора из эсеров — Раскина. В 1909 году Рубакин и Бурцев сумели установить тождественность личности Азефа и Раскина.

По сообщениям Бакая, в 1904 году к нему в Варшаву приезжал Раскин, который говорил, что должен повидаться с инженером Душевским. В это же время по рекомендации Рубакина руководство эсеровской партии направило к Душевскому, обещавшему наладить перевозку из-за границы нелегальной литературы, Азефа.

Так раскрылось дело Азефа, одно из самых необычайных дел о провокации. Но эсеры так цеплялись за свою веру в честность Азефа, что даже не захотели выслушать Рубакина в комиссии, назначенной ими для разбора этого дела.

* * *

Первая мировая война тяжело отразилась на материальном положении Николая Александровича, так как крайне затруднила, вернее, почти полностью прервала его сношения с русскими издателями, возможность посылать рукописи в Россию и получать оттуда гонорар. Швейцария оказалась вроде островка среди охваченной пламенем

войны Европы. Впервые за много лет границы стран стали непроходимы: для того чтобы их переступить, нужно было иметь паспорт, визы, разрешение на вывоз или ввоз иностранной валюты и т. д. Все эти ограничения особенно били по русским политэмигрантам, которых война захватила в Швейцарии. Они оказались в ней как в клетке, из которой не могли выбраться собственными силами. Война больно ударила по их материальному положению, так как, по существу, все их возможные заработки были связаны с Россией.

Все политэмигранты были взяты под особый надзор швейцарской полиции. Швейцария кишела шпионами и дипломатами всех стран, которые занимались слежкой друг за другом и пытались доставать военные сведения.

Живя в Швейцарии, Рубакин продолжал находиться в поле зрения царской охранки. У меня перед глазами доклады о Рубакине директору департамента полиции, представленные уже во время первой мировой войны. Надо отметить в этих докладах две забавные вещи. Во-первых, авторы докладов делают «открытия»: так, в докладе «заведующего заграничной агентурой в Париже» (а им был некий Красильников) от 12/25 сентября 1915 года пишется: «...Рубакин является народным писателем, причем в своих произведениях под нелегальной, но неуязвимой для правительства формой (вспоминается статья В. В. Розанова) проводит противоправительственные идеи. Произведения его печатаются московским книгоиздательством Сытина и в Петрограде книгоиздательством «Наука».

Дальше идет описание объема деятельности Рубакина, которое только подтверждает его собственную автобиографию: «Названный Рубакин ведет обширную корреспонденцию с кругом читателей его произведений, причем начало подобной корреспонденции возникло по инициативе самого Рубакина, который к издаваемым произведениям предлагал своим читателям ряд вопросов о взглядах их на

жизнь, о целях жизни и т. п. Первые попытки его в этом отношении увенчались полным успехом, и постепенно переписка эта увеличивалась до обширных размеров. С различного рода вопросами стали обращаться к Рубакину читатели, и в письменные сношения с ним вошли лица разных классов общества, начиная с рядовых крестьян, священников, военнослужащих (офицеров) и т. д. Война не повлияла на эту корреспонденцию, а многие из офицеров, томящихся в австро-германском плену, стали забрасывать Рубакина просьбами указать им литературу, необходимую, по его мнению, для их дальнейшего самообразования. Это именно обстоятельство и послужило толчком к распространению в лагерях пленных в Австрии и Германии революционной и тенденциозной литературы. К Рубакину немедленно присоединились видные революционеры, которые взяли все дело в свои руки, и во главе последних встал известный Оберучев, вошедший в успехах этой пропаганды в сношения с начальниками австро-германских концентрационных лагерей».

Затем сообщается имя и отчество Рубакина, сведения о его первой жене (моей матери Н. Н. Игнатьевой) и его местожительстве в Швейцарии (Божи над Клараном). «В Божи, — пишется дальше в докладе, — Рубакин основал весьма значительную библиотеку, которую посещают многие русские и иностранные анархисты. Квартира же его служит центром, куда стекаются все русские революционеры и даже анархисты, проезжающие через Швейцарию. По некоторым достоверным данным, Рубакин много занимается польским вопросом, а также и ходом военных дел русской армии, которой он желает поражения. В настоящее время при Рубакине состоит секретарем некий швейцарец Голэ (Golay), издатель весьма известного своими анархистскими идеями органа La Sentinelle и представляющий анархизм всех стран».

В этом докладе, помимо ряда подлинных фактов, нагорожено много всякой чепухи. Безграмотный автор доклада мало что понимал в эмигрантских делах. Во-первых, у Рубакина никаких анархистов не бывало, а бывали только социалисты-революционеры и социал-демократы — большевики и меньшевики. Голэ никогда у отца секретарем не был. Он заведовал Народным домом в Лозанне, был правым социалистом весьма умеренных взглядов и к анархизму не имел никакого отношения. Тем более он не «представлял анархизм всех стран».

Во-вторых, авторы полицейских отношений все время, часто до смешного, путают Николая Рубакина со мной, его сыном. Надо заметить, что я тогда жил и учился в Париже и за все время первой мировой войны ни разу не был в Швейцарии, хотя в донесении говорится, что «с объявлением войны помянутый Рубакин (то есть я — сын) выезжал в Швейцарию, где прожил три месяца у отца». В Швейцарию меня тогда не пускали.

В шифрованной телеграмме от Красильникова (вышеупомянутого начальника царской охранки при русском посольстве в Париже) говорится, что Рубакин Александр, сын от первого брака живущего в Кларане писателя Рубакина, сосланный в Тобольскую губернию на три года и бежавший оттуда, «приехал к отцу за границу в 1908 г., переехал затем в Париж, где вошел в группу эсеров. После дела Азефа разочаровался в терроре, впоследствии примкнул к починовцам, затем удалился от революционной среды и вращался в художественном мире, сойдясь с Рогдаевым, Гроссманом, Иловайским, он подпал их влиянию и стал исповедовать идеи анархизма».

Надо заметить, что во всем этом опять-таки нет ни слова правды. В Париж я приехал для поступления на медицинский факультет, в группу эсеров не входил — эсером был мой отец, в терроре «разочаровался» мой отец

Н. А. Рубакин, как он об этом сам пишет в автобиографии, о «починовцах» я вообще ничего не знал и не знаю, в художественном мире я не вращался, и все приведенные выше фамилии мне совершенно неизвестны. Вероятно, автор донесения спутал меня с кем-то другим. Все это показывает, как все-таки плохо была осведомлена охранка там, где у нее не было внутренних агентов-провокаторов.

Во время первой мировой войны поток книг из России сильно сократился, но зато Рубакиным были приобретены или получены в дар библиотеки и коллекции книг за границей. К 1920 году, по записям отца, в библиотеке было уже около 48 тысяч томов книг и притом чрезвычайно ценных.

«Среди книг» — это отражение не первой, а второй библиотеки Рубакина, собранной во время его жизни за границей. По этому труду можно восстановить всю систему составления второй библиотеки. Если первая библиотека составлялась довольно бессистемно, так как теория ее еще не была разработана Рубакиным, то вторая — это продукт сознательного творчества моего отца.

У него не было настоящего каталога второй библиотеки — не было ни времени, ни средств, ни сотрудников, чтобы его составлять. Но Рубакин знал в ней каждую книгу и место, где она стоит, какой у нее вид, кому он ее давал, кто ее читал слишком долго, кто ее запачкал.

«На ловца и зверь бежит», — любил говорить отец, получая в подарок книги или даже целые библиотеки Библиотека его привлекала и впитывала постепенно богатейшие и интереснейшие библиотеки старых русских эмигрантов за границей. К нему перешла по наследству библиотека Натальи Александровны Герцен, дочери нашего знаменитого писателя, библиотека бывшего члена Первого Интернационала Гюстава Броше и ряд других.

Еще с середины 30-х годов Всесоюзная книжная палата СССР высылала ему чуть ли не все выходящие в СССР книги. Мне кажется, ни один человек в России, а может быть, и в мире не получал бесплатно такого огромного количества книг, но все это ему казалось мало. С годами росла его ненасытная страсть к собиранию книг. Он писал умоляющие просьбы в разные учреждения в СССР — БОКС, Книжную палату, издательства о присылке ему книг. Он тратил, наверное, не меньше половины пенсии, назначенной ему Советским правительством, на покупку книг.

Каждая книга, попадающая в его библиотеку, просматривалась, оценивалась им и ставилась на строго определенную полку. Все расположение книг в его библиотеке было строго научным и соответствовало его теориям.

Рубакин и Ромен Роллан

В начале войны в Швейцарии поселился французский писатель Ромен Роллан. Он покинул Францию, так как не мог там свободно выступать против мировой империалистической войны.

Знакомство и дружба Н. А. Рубакина и Ромена Роллана заслуживает особого внимания. Она оказала огромное влияние на взгляды Р. Роллана на Россию и на русскую революцию.

Роллан жил недалеко от Рубакина, всего километрах в десяти, в городке Вильнёве. Между Клараном и Вильнёвом ходил трамвай.

Рубакин, конечно, много знал о Роллане, читал его произведения, очень любил и уважал его. Роллан же в то время почти ничего не знал о современных ему русских писателях, кроме Л. Толстого и М. Горького. Для него Рубакин был вначале еще почти неизвестной величиной. Роллан из русских писателей больше всего любил Льва Толстого и в очень многом разделял его воззрения о

«непротивлении злу насилием». Рубакин тоже очень любил Л. Толстого как писателя, но совершенно не разделял его «непротивление». Знакомство Рубакина с Ролланом состоялось в самый разгар мировой войны.

Об этом знакомстве имеется два основных источника, и оба от заинтересованных лиц. Один — это записи Рубакина о Роллане. Другой — это записи Р. Роллана о Рубакине в его «Дневнике военных лет». Между ними была и переписка, но ее сравнительно очень мало, так как они жили слишком близко друг от друга, и частые их встречи исключали смысл переписки. Но все-таки в архиве Рубакина сохранилось немало писем от Роллана и копии его писем к Роллану. При замкнутом характере Роллана, к которому нельзя было зайти попросту, мимоходом, по пути, во время прогулки, неудивительно, что, кроме личных бесед, был и обмен письмами.

Впервые Рубакин и Роллан увиделись в начале 1916 года. Познакомил их П. И. Бирюков, автор двухтомной биографии Л. Толстого, давно эмигрировавший из России и живший постоянно около Женевы, в Онэ, где у него был дом и небольшой участок земли. Бирюков был швейцарским гражданином.

В «Дневнике военных лет 1914–1919 гг.» (не переведенном на русский язык) Роллан описывает свои первые впечатления о Рубакине. Он посвящает многие страницы дневника описаниям бесед с Рубакиным. Записанное им содержание этих бесед ясно показывает, до какой степени представления Роллана о России, событиях в ней, о революции были туманны и поражающе наивны. По этим записям видно, насколько мало этот крупный французский писатель, благожелательно расположенный к русскому народу и русской литературе, знал об этом народе и о России. Рубакин после знакомства с Ролланом, которое, по-видимому, произошло в Женеве, где жил Бирюков,

пришел в гости к Роллану на виллу «Ольга» в Вильнёве. Вот что пишет Роллан об этой встрече:

«Визит Николая Рубакина, о котором меня предупредил открыткой Форель (крупный швейцарский психиатр и энтомолог, друг Рубакина и Роллана. — А. Р.). Мужчина лет 60 (ему было тогда 54 года. — А. Р.), седая борода, грива волос, сангвиник, улыбающийся, трепещущий мыслью. Он поселился лет десять тому назад в Кларане, друг Бирюкова, изгнанника, как и он сам, и, как он, собрал большое количество секретных документов о России (?). Оригинальный ученый, великий труженик, особенно поглощенный изучением психологии и биологической филологии (! — так Роллан понял название библиологическая психология! — А. Р.). Он написал огромное количество произведений: на мой вопрос, попадают ли его писания в Россию, он отвечает: «Сорок семь моих книг запрещены, сожжены в России. Но 153 в ней разошлись. Этого достаточно».

«У него семь миллионов читателей, больше, чем у Горького и у популярных романистов. Он, по-видимому, является великим энциклопедистом или, лучше сказать, сам собою является Энциклопедией современной России. Он высказал огромное восхищение Гюйо и очень много симпатии к моим произведениям, которые, по его словам, очень популярны в России».

7 мая 1916 г.

«Моя сестра и я завтракаем у д-ра Феррьера вместе с Николаем Рубакиным и Полем Отлэ.

Во время завтрака Рубакин мне рассказал о гнусностях царского правительства... В рассказах Рубакина часто мелькает слово «черносотенцы». По его данным, черная сотня состоит из нескольких сот крупных помещиков, которые в то же время являются крупными чиновниками, и сам царь и самые высокопоставленные лица входят в их Лигу. В самом деле, вопреки обычному мнению о царе Рубакин считает его полностью ответственным за преступления

правительства. Говоря о гонениях на свободу мысли, он сказал, что со времени революции 1905 года было сожжено 49 миллионов томов книг... Рубакин верит в русскую революцию. Он под этим подразумевает не кровавый терроризм (который к тому же может проявиться и которого он не одобряет), но победоносную оппозицию существующему строю. В этом смысле, по его мнению, революция уже имеется в России, в Думе».

12 апреля 1917 г.

«Мы идем в Кларан-Тавель с визитом к Николаю Рубакину. Мы его нашли в библиотеке, которая заполняет целое крыло дома, библиотека французских, немецких, но главным образом русских книг, содержащая целый ряд неопубликованных документов (? — А. Р.). У его жены музыкальный вечер, и мы там встречаемся с Анатолием Луначарским и с несколькими русскими друзьями, в частности с неким Кристи, который уже был (или должен был быть) президентом республики во время русской революции 1905 г. В промежутках между слушанием пьес на рояле и на скрипке (классики скрипки XVIII века: Витали, Тартини, Мартини и т. д. и Бетховен, так как эти революционеры в политике любят, как общее правило, консерваторов в искусстве) я беседую с Луначарским: он мне сообщает, что Ленин уехал три дня тому назад в Россию...»

Письмо Р. Роллана Вильдраку от 12 декабря 1917 года:

«Я знаю двух человек, которые в наше время находят возможность быть счастливыми или же по крайней мере сохранять спокойствие духа. Это, во-первых, ученый типа Николаи, гениальный биолог... Другой — это историк Рубакин, который весь охвачен молодой силой, проснувшейся в его гигантском народе. Хотя он и не разделяет учение нынешних властителей, он радуется потокам новой жизни, которые там вырвались на волю, и бесконечными горизонтами будущего, открытого его надеждам».

17 января 1918 г.:

«Визит Рубакина и его жены. Он говорит, что его сын возглавлял медицинскую службу русских войск во Франции и от

него неожиданно потребовали его ухода с этого поста по приказу французского правительства. Мотив: он сын писателя-большевика (что неверно, так как Рубакин никогда не был большевиком), но он совершил преступление, непростительное с точки зрения французского правительства, он справедливо судил о большевиках и говорил правду о событиях в России. Рубакин вспоминает с горечью, что он несколько раз оказывал большие услуги союзникам, в особенности разоблачив первым в «Газетт де Лозанн» подозрительные интриги Штюрмера, ищущего заключить мир с Германией. Он с отвращением говорит о русском агентстве печати, подкупленном союзниками, цель которого — опозорить своей клеветой большевистское правительство. Из тысячи и одного способа лжи он приводит один способ: просмотреть русские газеты за три месяца, выбрать в них факты, говорящие о беспорядке в разных местах, в разные даты, затем их собирают в один пучок и подают как ужасающий рассказ об одном дне анархии!»

19 февраля 1918 г.:

«...К счастью, его (Рубакина) познакомили с американской миссией, которая намеревается (так странно!) «евангелизировать» русский народ (который сам мог бы дать ей урок! — А. Р.). Рубакин увидел тут возможность возобновить и расширить свою деятельность в народе. Он смог отсоветовать американцам проповедовать их американское евангелие и получил от них задание написать для своих соотечественников широкую серию морализирующих или, как он говорит, «гуманизирующих» книжек. Он мне изложил свой план, как всегда весьма путаный и выдержанный в ужасно отвлеченном духе (я не могу понять, как такой человек, так лишенный дара рассказывать и выражать свои мысли в реалистических рассказах, мог завоевать в своей стране такую обширную народную аудиторию. Надо думать, что у русского народа мозг более абстрактный, чем у нашего. — Р. Р.). Мне кажется, что Рубакин вот уже несколько месяцев затронут христианской наукой, чем его заразила, несомненно, его секретарша мадам де Шнеур, убежденная «сциентистка». Я замечаю, что христианская наука широко распространяется в настоящее вре-

мя среди кругов свободомыслящей интеллигенции, имеющей религиозный инстинкт и воспоминания. Я привлек внимание Рубакина к бехаизму, который, с моей точки зрения, более гибок и более тонок, а также более поэтичен, чем христианская наука, и, по-моему, более близок русскому народному духу, чем американский евангелизм».

«...Рубакин мне сообщил о конфиденциальном докладе, представленном им послу Бо[6] (который у него этого просил) о политическом положении в России и об ошибках, сделанных там союзниками. Это замечательное по своей откровенности и ясности изложение. Но я вполне понимаю, что французские правители, которые не желают знать правды, когда она для них неприятна, таят к нему вражду».

«П. Ж. Жув, который провел день с нами (22 ноября), мне сказал, что восемь дней тому назад полиция произвела обыск у невинного Рубакина и у бедной мадам де Шнеур. Швейцария, потерявшая голову от общей стачки (такой, по существу, безвредной! — Р. Р.), вбила себе в голову искать и находить большевистский заговор, имеющий обширные разветвления! И вполне естественно, первые удары обрушились на самых безобидных интеллигентов! Славный и прекрасный старик Рубакин! С его тихой манией библиологических наук, химии речи и т. д. и т. д.».

Друг и почитатель Р. Роллана, французский поэт Поль Жув написал его биографию. В этой биографии он говорит: «Упоминаем еще о двух людях, с которыми Р. Роллан был связан глубокой симпатией мысли и постоянным уважением: профессор А. Форель, психиатр, энтомолог и социолог, и русский писатель Николай Рубакин».

Под знаменитой «Декларацией независимости духа» Р. Роллана, выпущенной им в 1919 году, подписались П. И. Бирюков, Максим Горький, Николай Рубакин.

Рубакин был одним из немногих писателей и публицистов на Западе, подписавших резкий протест против

[6] Бо — французский посол в Швейцарии.

Версальского мира в самый разгар военного шовинизма и реакции.

С Р. Ролланом у Рубакина были общие симпатии и в то же время большие разногласия. Роллан в 1921 году писал о том, что он не входит и не будет входить ни в какую политическую партию, ни в партию коммунистическую, что он считает себя «надпартийным». Рубакин тоже после дела Азефа и его разоблачения объявил о своей «надпартийности», о неучастии в политических партиях, но при этом в отличие от Р. Роллана он признавал борьбу, насилие в революции.

Любопытно совпадение — без всякого взаимного влияния — в отношении Р. Роллана и Рубакина к интеллигентам. Рубакин в своих рассказах «Размагниченный интеллигент», «Взыскующие града» и других показал неустойчивость русских интеллигентов в политическом отношении, их слабость, их отрыв от рабочих и крестьянских масс. Эти рассказы Рубакина относятся к концу 90-х годов прошлого века.

А вот что писал о французских интеллигентах (да и о западноевропейских вообще) Р. Роллан в статье «Панорама» в 1917 году (1 мая): «Я знал с юных лет (и открыто заявлял об этом устами моего Жан-Кристофа), что интеллигенты в подавляющем большинстве неверны своему долгу, что они не на высоте своего призвания, что их мнимая независимость используется ими на службе у законодателей общественного мнения, распределяющих почести и доходы. Война показала неустойчивость интеллигентов, их слабохарактерность, их баранью покорность».

И Р. Роллан обращался к России: «Русские братья! Ваша революция пришла разбудить нашу старую Европу, усыпленную горделивыми воспоминаниями о своих прежних революциях. Идите вперед! Мы последуем за вами».

М. Горький писал о «Размагниченном интеллигенте» Н. А. Рубакина: «Замечательно меткая характеристика духовной смерти интеллигента — размагничивание».

В 20-х годах к Роллану приехала из Москвы находившаяся с ним раньше в переписке Мария Павловна Кудашева, секретарь известного литературоведа П. С. Когана. Она работала у Роллана сперва машинисткой и секретаршей, а потом сделалась и его литературной помощницей, и в конце концов он на ней женился. Рубакин был приглашен Ролланом быть свидетелем на его свадьбе в мэрии — для брака в Швейцарии полагается, чтобы имелось не меньше двух свидетелей со стороны брачующихся. Дружеские отношения Рубакина с Ролланом и его женой еще усилились и продолжались вплоть до отъезда Роллана из Швейцарии в 1938 году.

Советские литературоведы, пишущие о Роллане, к сожалению, совершенно не освещают вопрос об этом знакомстве и о том крупном влиянии, которое Рубакин оказал на Роллана для понимания этим последним русской революции. А ведь только Рубакин и Луначарский разъясняли Роллану сущность русской революции и положение русского народа до нее. Недаром Роллан так усердно и так подробно записывал в своем дневнике все свои беседы с Рубакиным.

* * *

С самого же начала империалистической войны Рубакин встал на резко враждебную ей позицию. Не входя ни в какую политическую партию того времени, он энергично высказывался против войны, которую считал вызванной интересами империалистических держав, в особенности Англии и России. Он стал даже членом совета возникшей в Швейцарии организации «Центральная организация за длительный мир». Он по отношению к войне занимал

пораженческую позицию, но несколько затуманенную общением с Р. Ролланом, который боролся против войны вообще, против всякого насилия независимо от того, была ли война справедливой или нет. Словом, он стал, как тогда говорили, «пораженцем».

Об отношении Рубакина к первой мировой войне можно судить по тому письменному ответу, который он дал де Йонгу, генеральному секретарю «Центральной организации за длительный мир», участником которой он был. Де Йонг задал ему вопрос об отношении к программе президента Вильсона и о возможности достижения мира после первой мировой войны. Рубакин ответил, что «он не видит другого выхода из войны, кроме борьбы за мир самих народов и за мир, созданный самими народами». И Рубакин прибавил: «Но из воюющих сторон только Россия говорит от имени народа». Многочисленные письма и статьи Рубакина в эту эпоху ярко показывают, с какой ненавистью он относился к войне, затеянной капиталистическими странами.

При всем своем уважении к Плеханову Рубакин абсолютно не разделял его отношения к империалистической войне: Плеханов выступал как оборонец, как сторонник войны до победного конца. Зная о враждебном отношении Рубакина к войне и желая его разубедить, Плеханов пытался познакомить его с видным чехословацким буржуазным деятелем и юристом, профессором Массариком, будущим первым президентом Чехословацкой республики. Это было, по-видимому, в 1915 году. Но встреча не состоялась, хотя Рубакин не имел ничего против нее.

Еще в 1895 году в сборнике рассказов «Искорки» Рубакин высказывает через своих героев свое отношение к патриотизму. Так, в рассказе «Взыскующие града» он говорит: «...Истинный патриотизм, истинная любовь к отечеству возможна лишь при условии сознательного и критического отношения к нему, к различным сторонам жизни род-

ной страны... Там же, где все это стремятся заменить или даже подменить какой-то гипнотизацией и муштрой, где все стороны жизни, даже самые безобидные, наши доморощенные патентованные просветители норовят показывать непременно с одной стороны, оберегая от знакомств с другими ее сторонами, там истинного патриотизма в народе, кроме разве взрыва народного чувства в минуты общенационального бедствия, — и нет и быть не может...»

В другом рассказе Рубакина мастеровой (рабочий) в поезде дает свое определение отечеству: «Отечество есть доброе для своих граждан общество, на точном основании справедливых законов управляемое».

Несмотря на лишения и на войну, Рубакин продолжал свою работу по составлению книжек и по подготовке нового издания «Среди книг». Так же, как и раньше, время от времени у него собирались близкие знакомые из числа эмигрантов и устраивались музыкальные вечера, на которых организовывались настоящие концерты. Людмила Александровна играла на рояле преимущественно классиков — Бетховена, Баха, Шопена, Листа, Шумана, а партию скрипки исполняла мадам Швоб, француженка, соседка Рубакиных по дому в Кларане.

У отца появились новые сотрудники, которых я не знал, так как за все время войны я не мог к нему приехать — у меня не было швейцарской визы, а по фантазии моего отца раньше я жил в Швейцарии по фальшивому паспорту какого-то польского купца Гуцмана из немцев, хотя и мой возраст и мое положение плохо увязывались с этим паспортом.

Весть о революции в России до глубины души потрясла Рубакина. Дочь работавшего тогда с Рубакиным Феликса Кона, Елена Феликсовна рассказывает, что в начале весны 1917 года, вечером она находилась в библиотеке, когда в момент захода солнца она и все присутствующие с нею

услышали из кабинета Николая Александровича его полузадушенный голос: «Все ко мне!» «Мы, — рассказывает она, — кинулись, не зная, что подумать. Лежа в кресле, прерывающимся от волнения голосом он сообщил нам, что из Лозанны ему позвонили по телефону о революции в России, об отречении Николая Романова, о том, что народ вышел на улицы, создано Временное правительство».

С необыкновенным вниманием, восторгом и порою огорчением Рубакин следил за развитием революции в России. Он написал о ней целый ряд статей в швейцарских и французских журналах и газетах, выпустил отдельными брошюрками. Участились и его беседы с Роменом Ролланом, который хотя и приветствовал революцию, но плохо понимал ее социальную сущность и видел в ней только «освобождение духа».

В своем письме А. М. Горькому по поводу празднования первой годовщины Октябрьской революции 1 ноября 1918 года Рубакин писал: «Я приветствую нашу милую, дорогую, близкую и далекую социалистическую республиканскую Россию, осуществляющую мечту моей жизни. Привет русскому трудящемуся классу. Сердцем я всегда у вас, с вами, хотя работаю за тысячу верст от вас — не по моей вине, но всегда и прежде всего для России... Услышьте же мой далекий крик: да здравствует первая на земном шаре, до сих пор еще невиданная великая федерация социалистических республик!»

* * *

Как отмечает в своем очерке о библиотеках Рубакина Е. Н. Арефьева: «После Октябрьской революции библиотека Н. А. Рубакина стала своеобразным культурным представительством Советской России в Европе». Между Швейцарией и СССР вплоть до второй мировой войны не было дипломатических отношений. Представлять СССР в

Швейцарии было некому. Неофициально многими вопросами, интересующими Советский Союз в Швейцарии, занимался живший в Берне доктор С. Ю. Багоцкий, бывший политкаторжанин, близко связанный с Лениным, когда тот жил в Поронине, в австрийской Польше. Но Багоцкий был представителем Советского Красного Креста, и ему самому приходилось отстаивать свое положение, так как и швейцарские власти и Международный Красный Крест, в котором засели махровые реакционеры, относились к Багоцкому подозрительно, враждебно, хотя все-таки часто были вынуждены с ним считаться. Как известно, именно в Международном Комитете Красного Креста работал некий Лодыжников, один из организаторов убийства В. В. Воровского.

В 1919 году Рубакин по приглашению Чехословацкого библиографического общества поехал в Чехословакию и там сделал доклад на съезде. Но швейцарские власти не хотели ему давать обратной визы на въезд в Швейцарию. Рубакин просидел три месяца в Берлине в ожидании разрешения вернуться в Швейцарию, которое ему наконец исхлопотали его швейцарские друзья.

С тех пор он почти не выезжал из Швейцарии, если не считать его поездки в Париж, где он пробыл у меня довольно короткое время.

После Великой Октябрьской революции почти вся русская политэмиграция вернулась в Россию. Все меньше и меньше русских оставалось в Швейцарии, но зато у отца появились новые знакомые и новые друзья в среде швейцарцев. Нужно было прожить свыше двух десятков лет в Швейцарии, чтобы завести друзей среди швейцарцев — настолько швейцарская среда, по существу, была непроницаема для иностранцев.

Эти новые знакомства произошли не сразу. Они начались со знакомств со швейцарцами, жившими рядом с

моим отцом. В том же доме, что и он, проживала одна француженка — скрипачка мадам Швоб, муж которой был швейцарцем — не то коммерсантом, не то мелким служащим. Между нею и Людмилой Александровной завязалось на почве музыки знакомство, вскоре перешедшее в настоящую дружбу. Мадам Швоб была типичная француженка, «дитя Парижа», беззаботная, веселая, остроумная, но она была тяжело больна туберкулезом, и ее дни были сочтены. Это не мешало ей весело смеяться, любить жизнь, музыку, развлечения. Правда, она была в той стадии болезни, когда у туберкулезных больных развивается эйфория — они не сознают тяжести своего состояния, довольны жизнью, радуются ей. Вместе с Людмилой Александровной она устраивала дуэты — рояль и скрипка. Концерты получались замечательные, и на них приходили все наши знакомые.

Постепенно Рубакин завел и многочисленные знакомства среди швейцарских ученых, учителей, профессоров. В особенности он был связан с известным профессором психологии в Женеве З. Клапаредом, директором педагогического Института имени Ж.-Ж. Руссо Бонэ, профессором Ферьером, крупнейшим швейцарским психиатром А. Форелем. Форель, уже вышедший на пенсию, жил в маленьком городке Эгль в долине Роны, и отец ездил к нему время от времени.

В 1918 году, когда Рубакин стал широко разрабатывать теоретические проблемы психологии читательства и создавать библиопсихологию, он тесно связался с Институтом Ж.-Ж. Руссо в Женеве и совместно с Бонэ и Клапаредом основал при этом институте «Секцию библиопсихологии», включив в нее свою библиотеку.

Вхождение библиотеки отца в Институт Руссо имело и чисто практическое значение. Это ее легализовало в глазах швейцарских властей, а это было тем более важно, что те

уже давно косились на библиотеку и в случае его смерти могли ее забрать себе.

Библиотека эта содержалась исключительно на средства моего отца — на его заработки, а потом и на его пенсию. За предоставление ее в пользование своим друзьям и знакомым он ничего не брал.

В 1922 году Рубакин из Кларана переехал в Лозанну и перевез туда библиотеку. Была найдена большая квартира в верхней части этого расположенного амфитеатром на горах города, в тихой улице — авеню де Мускин — с большими балконами, с которых, как и из окон, открывался изумительный вид на весь город, на Женевское озеро, на Савойские Альпы и далеко-далеко в сторону долины Роны. Только в Швейцарии можно было найти жилище с таким сказочным видом и простором, но отец, по существу, мало его ощущал. В Петербурге мы жили в квартире, выходившей на грязную, узкую, скучную Большую Подьяческую, некоторые комнаты выходили на типичный петербургский двор, похожий на колодец, грязный, пропахший запахами из кухонь и кошками, а позже мы жили на Екатерининском канале, где тоже перед глазами была мутная скучная гладь этого протока с облезлыми тоскливыми домами напротив. И там мой отец не замечал этого. Хотя в Швейцарии он любил гулять, но во время прогулок он был целиком поглощен своими мыслями, обдумывал свои книжные проекты, мало что замечал вокруг. Но ходил он много. Жители Лозанны, среди которых он был очень популярен, хорошо помнят его высокую фигуру в старом, вышедшем из моды пальто — «крылатке», его подпрыгивающую быструю походку, когда он ходил на свои обычные прогулки к берегу Женевского озера. Для него красота природы служила только средством пробуждения разного рода мыслей и эмоций.

Это был человек, который с восторгом писал о необходимости красоты вокруг нас, о лесах и полях, о морях и

о горах, о достижениях человеческого гения, об уме животных и т. п. Но он наслаждался всем этим мысленно, как отражением в своем собственном сознании, а не как прямым и непосредственным возбудителем в нем различных эмоций. Поэтому-то он и не замечал красот природы, был равнодушен к животным. Последнее обстоятельство чрезвычайно огорчало нас с братом, так как в нашем доме не было ни собак, ни кошек.

Человек, не только понимавший, но и с энтузиазмом проповедовавший тесную связь теории и практики, книжного и реального, красоты природы и величия вселенной, полноценной и содержательной жизни, он сам жил все время в мире тех мыслей и образов, которые рождались в его мозгу, втискиваясь туда как-то незаметно для него самого из окружавшего его сознание мира. В этом была сила и слабость его целеустремленной жизни, в которой поставленная им цель поглощала в нем все, охватывала его целиком. Во имя этой цели он остался вдали от Родины, полагая, что так сможет больше для нее сделать.

Нельзя сказать, что он не любил жизненных благ, хотя жизнь и не баловала его настолько, чтобы он мог всегда ими пользоваться.

В рабочем кабинете сперва в Кларане, потом в Лозанне Рубакин провел почти сорок лет своей жизни в Швейцарии. И всюду окружающая его обстановка была почти одинаковой. Простые деревянные полки с книгами тесно прилегали к стенам его квартиры. Они заполняли столовую, коридор, кухню, комнату, где он спал, они обступили его кровать сверху и снизу. Даже под кроватью лежали пачки книг, еще не разобранных, которые он обычно просматривал по вечерам в постели перед сном.

Книги и газеты, в том числе и самые старые, нельзя было ни уничтожать, ни рвать, ни уносить из дому. В нашем доме, где получались десятки газет, не находилось листа

бумаги для обертки: все газеты должны были составлять «полные комплекты».

Характер у моего отца был крайне противоречивый. С одной стороны, купеческая среда, в которой он жил в детстве, оставила в нем черты «мелочности и копеечности», которые он сам признавал. С другой стороны, будучи скупым в мелочах, он совершенно не умел вести свои коммерческие дела, то есть отношения с издателями. С одной стороны, у него воспитывали недоверие к людям, в частности, к служащим его отца, их, как все хозяева той эпохи, подозревали в воровстве и в разных других пороках. А с другой стороны, отец отличался чрезмерным доверием к совершенно незнакомым людям, и главным образом к своим читателям, с которыми он переписывался или даже имел дела лично.

Меньше всего, пожалуй, он доверял членам своей семьи, хотя и утверждал всегда противоположное. Так, своей второй жене, Людмиле Александровне, он всегда говорил, давая деньги, чтобы она не тратила на хозяйство лишнего, и подозревал, что она тратит все-таки слишком много. Не доверял он и мне, когда давал деньги на мою студенческую жизнь, — все думал, что я их истрачу на что-нибудь, с его точки зрения, ненужное. А ненужными расходами он считал все расходы, кроме как на книги. Давая с великим трудом гроши на покупку нового костюма, когда я был студентом, он всегда говорил: «Смотри, чтобы тебя не обсчитали, купи подешевле». Он воображал, что и в Швейцарии и во Франции в магазинах будут обсчитывать, как это делали российские купцы.

На получаемые от отца деньги я вообще мог покупать из одежды самую что ни на есть дрянь, она быстро изнашивалась, и мне опять приходилось просить у него денег, а опять росло его недоверие к моим расходам. Для себя он никогда ничего не покупал, не покупал ничего и для

подарков моей матери, или потом мачехе, или детям. Он считал это ненужным, ему это просто не приходило в голову. Иногда, на рождение или на другой семейный праздник, он дарил мне книгу, считая, что этим меня осчастливливает. На это всегда были дублеты тех книг, которые уже имелись в его библиотеке. Подарить книгу, которой у него не имелось в библиотеке, казалось ему чудовищным. Подарив книгу, он долго расхваливал ее, рассказывал про автора, выказывая всю свою громадную эрудицию, а потом вдруг спохватывался:

– А ну-ка покажи мне ее.

И, схватив только что подаренную книгу, тащил ее в свою библиотеку и тщательно сверял с имеющимся у него другим экземпляром этой книги. Горе, если оказывалось, что дублет издан в другом году или другим издателем, или же на нем значилось другое издание. Книга немедленно отбиралась, и отец смущенно бормотал:

– Как же это так я ошибся? У меня нет этого издания. Ну в другой раз я тебе подарю что-либо иное.

Спорить с ним было бесполезно. Для отца расстаться с книгой, лишиться ее было немыслимо.

С 1923 года связи отца с Советской Россией возобновились. Ряд издательств стал ему присылать свои издания — Госиздат РСФСР, «Земля и фабрика», Госиздат Украины, «Гомельский рабочий», и в то же время печатали его книжки. Позже, в 1929–1930 годах, Рубакин вошел в тесный контакт с Гослитиздатом, издательством «Академия» и издательством Коммунистической академии при ЦК ВКП(б), которые присылали ему все свои издания.

В 1920–1925 годах Рубакин завязал связи с Американской христианской ассоциацией молодых людей, которая издала целый ряд его научных книг для России и заплатила ему авторский гонорар, правда, очень небольшой.

В библиотеку попадали книги не только советские, но в антисоветские — ни одна книжка, присланная ему или

полученная им, не выбрасывалась. И именно это сохранило для истории ценнейшие и богатейшие коллекции книг. Ко дню смерти Рубакина — в 1946 году — число книг в его библиотеке достигло 80 тысяч по оценке Арефьевой, на деле оно превысило 100 тысяч.

Библиотека была широко открыта для читателей. К нему обращались со всех концов Швейцарии и из других стран ученые, педагоги, студенты, писатели. Число этих постоянных читателей библиотеки все время увеличивалось. Подсчета их ни Рубакин, ни его секретарша Бетман точно не вели. На основании архивных документов можно судить, что в 1925 году их было около 500, в 1931-м — 1564 и в 1939-м свыше 1600. С 1922 года стала восстанавливаться связь с читателями в России, как это видно по сохранившимся в архиве Рубакина письмам, а в 1925 году переписка велась уже с читателями 82 стран Африки, Азии, Европы и Америки. Огромное большинство этих читателей были русскими, раскиданными по всему миру, многие из них, как, например, русские эмигранты в Америке, переселились туда за много лет до революции — крестьяне и рабочие с Украины, из Белоруссии, Литвы и т. д. Выходившие в США и Канаде газеты и журналы на русском языке постоянно печатали статьи Рубакина, а некоторые редакции даже переиздавали его научно-популярные книжки.

В 1924 году к Рубакину обратилась Комиссия интеллектуального сотрудничества при Лиге наций с просьбой составить список советских библиографических учреждений и периодических изданий для Международного индекса (Индекс библиографикус). Непосредственно в СССР эта комиссия не обращалась, так как тогда СССР не входил в Лигу наций, в которую он вошел только в 1934 году. Заметим мимоходом, что при приеме СССР в Лигу наций одним из трех государств, голосовавших против принятия СССР, была Швейцария. Я сам проработал в Лиге наций

с 1928 по 1932 год в Женеве, причем бернское правительство давало мне визу только на 10 дней — в результате мой советский паспорт все время находился в путешествии между Женевой и Берном. После подлого убийства В. В. Воровского белоэмигрантом-швейцарцем Конради в 1923 году Советское правительство вообще отказалось иметь какие-либо дела со Швейцарией. Положение Рубакина в Лозанне было очень трудным. В глазах швейцарских властей и русских белоэмигрантов он был «большевиком». За его перепиской швейцарская полиция, несомненно, следила, как следила и за Роменом Ролланом и другими политэмигрантами или просто иностранцами прогрессивных взглядов.

С 1925 по 1929 год отец составлял для вышеуказанной комиссии списки наиболее ценных, с его точки зрения, советских книг, и эта комиссия печатала их ежегодно в особом перечне «Замечательных произведений, опубликованных в разных странах», издававшемся Лигой наций. Легко понять огромное политическое значение появления работ советских авторов в такого рода издании. С 1929 года такие списки для этого издания составлялись Государственной Центральной книжной палатой в Москве и пересылались Рубакину.

Рубакин — я говорю Рубакин, ибо хотя он действовал формально по поручению своего института, на деле работал только он, — в 1930–1931 годах редактировал списки периодических изданий СССР для «Международной книги» в Москве. С 1928 по 1931 год он же составлял русский отдел каталога детской литературы, издаваемого Международным педагогическим бюро в Женеве. И, несмотря на огромную работу для всех этих учреждений и на работу над своими книгами, Рубакин успевал печатать в разных периодических изданиях Европы и Америки библиографические статьи, рецензии, обзоры и т. д. — только за эти три года им была опубликована 1000 таких рецензий.

Были завязаны связи и с местными лозаннскими культурными работниками, в большинстве швейцарскими социалистами весьма умеренного толка. Рубакин организовал библиотеку Народного дома в Лозанне, составил музыкальный каталог для Музыкального института Рибопьера в Лозанне, в котором сперва учился, а затем преподавал его младший сын и мой брат Борис, ставший впоследствии известным пианистом. В Народном доме часто выступала на рояле Людмила Александровна и жена другого моего брата, Юры, игравшая на скрипке. Таким образом, вся вторая семья Рубакина тесно вошла в швейцарскую жизнь и впоследствии составила «швейцарскую ветвь» семьи Рубакина. Но мой отец сам всегда оставался глубоко русским и работал для России. О своем институте в письме В. Д. Бонч-Бруевичу от 17 октября 1931 года он писал между прочим: «Наш Институт теперь уже представляет собой чуть ли не самый важный центр советской литературы за пределами СССР, а главное, центр самый систематический». Он только не объяснял, что этот центр — это он сам и его библиотека...

Еще задолго до второй мировой войны, которая отрезала его от России, мой отец стал беспокоиться о судьбе своей библиотеки. Чувствуя себя больным и старым, он в первую очередь думал о том, как спасти библиотеку в случае его смерти. Об этом отец неоднократно говорил со мною. Он предлагал завещать библиотеку мне, но я отказывался, так как обстоятельства жизни часто бросали меня с места на место.

Больше всего привлекала Рубакина мысль передать библиотеку Советскому Союзу. В этом он видел спасение накопленных им книжных богатств, которые поступят на службу народу. Еще в начале 30-х годов он вел об этом переговоры с Н. К. Крупской. Но, по существу, речь шла не о немедленной передаче библиотеки Советскому Союзу, а о передаче после смерти Рубакина.

Собрание книг Рубакина стало уже настолько известным в Европе и в Америке, что целый ряд крупных библиотек пытался его приобрести, предлагая отцу очень крупные суммы. Так, он получил предложение продать свои книги от директора Нью-Йоркской публичной библиотеки Лейденберга, от директора швейцарской Национальной библиотеки в Берне Марселя Годэ, от библиотеки Базельского университета, от Палестинской национальной библиотеки в Иерусалиме и т. д. На все эти предложения отец ответил отказом, так как берег библиотеку для СССР.

После первой мировой войны, когда материальное положение Рубакина в Швейцарии было очень тяжелым, он обратился к А. М. Горькому с просьбой содействовать изданию его книг в Советском Союзе, чтобы у него была возможность оплачивать содержание библиотеки, в которой в то время было уже свыше 42 тысяч томов. В письме к Горькому от 19 января 1922 года он писал: «Я пишу Вам еще раз, но лишь потому, что все-таки хочется сделать с моей стороны все возможное, чтобы сохранить библиотеку именно для России и именно ей отдать всю мою работоспособность».

В письме Горькому от 10 февраля 1922 года Рубакин опять пишет: «Я вовсе не желаю продавать моей библиотеки, а просил только о материальной поддержке: я просил Вас поддержать меня работой, чтобы библиотеку не продали за долги, так как она должна быть сохранена для России».

Горький горячо поддержал просьбу Рубакина о пенсии. Он писал: «Поддерживаю ходатайство Рубакина, много пользы принес этот человек рабочему классу». Персональная пенсия союзного значения была ему назначена Советским правительством в 1930 году.

Период жизни Рубакина между двумя войнами был периодом огромной творческой работы по разработке его библиопсихологических теорий. За это время он не только

создал свой Институт библиопсихологии, но завязал многочисленные связи с учеными и писателями Западной Европы, переписывался с читателями, подбирал свою библиотеку.

Но этот же период был для него и трудным периодом. Против него в советской библиоведческой литературе поднялась несправедливая критика.

Его книжки, расходившиеся миллионными тиражами в первые годы Советской власти и позже, перестали печатать. Его исследования по психологии читательства с 30-х годов не издавались. Его все больше и больше отрезали от его родины, старались сделать все, чтобы его забыли. И действительно его стали забывать. Молодежь уже ничего не знала о нем или знала очень мало.

Рубакин искренне недоумевал, почему к нему стали вдруг так относиться. Официально никто его не трогал. Его даже постоянно звали в СССР, как об этом свидетельствуют приглашения к нему от ВОКСа и от его друзей.

Рубакин жил мыслью о России, работал для нее, оставаясь до глубины души русским. По-французски он говорил с ужасающим акцентом, хотя отлично знал этот язык. Он даже и одевался, как одевались в России в конце 90-х годов прошлого века, — ходил в так называемой «крылатке». Он жил и работал прежде всего для русского народа. В нем интернационализм и русский патриотизм слились в единое целое.

Мысль о возвращении в Россию не покидала его с самого начала революции. Он мечтал хотя бы на время приехать в СССР, посмотреть, какой стала страна после революции, как претворяются в жизнь великие социалистические идеалы, которым он служил всю свою жизнь.

Одна из его читательниц, бывшая с ним в оживленной переписке, С. Мотовилова, в своих воспоминаниях, напечатанных в «Новом мире», рассказывает, что в начале 20-х годов Н. К. Крупская поручила ей пригласить на одно

заседание библиотекарей и работников книжного дела. Речь шла об издании книг массовыми тиражами для народного читателя.

Н. К. Крупская сказала Мотовиловой: «Во главе издания будет стоять Николай Александрович Рубакин». И мемуаристка пишет, что Крупская «очень высоко ставила Рубакина как знатока книги, блестящего популяризатора и опытного работника в библиотечном деле». В разговоре с Мотовиловой она называла его своим «учителем» в библиотечной работе и очень ценила его «Среди книг». «Когда мне сказали, — пишет Мотовилова, — что видели эту книгу у букиниста, Надежда Константиновна просила купить ее для нее».

Значительно позже, уже в середине 30-х годов, Рубакин опять вернулся к мысли о поездке в СССР, на этот раз временной. В этом его убеждал Александр Яковлевич Аросев, писатель, посол СССР в Чехословакии, много содействовавший получению отцом персональной пенсии. У Аросева была оживленная переписка с Рубакиным по этому поводу. На этот раз речь шла о приезде в СССР по приглашению ВОКСа (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей), председателем которого был тогда Аросев. Отец хотел приехать со своей помощницей и секретарем Марьей Артуровной Бетман. Он писал об этом Аросеву в конце 1934 года. Вот что ему ответил Аросев в длинном письме, в котором речь шла о разных вопросах.

Извиняясь за запоздалый ответ, Аросев писал (от 19 февраля 1935 г.), что в запоздании ответа «виноват аппарат ВОКСа, который должен был, по моим указаниям, предпринять шаги в связи с подготовкой Вашею приезда и в особенности вопросом о том, возможно ли, чтобы приехала сюда также и Ваша помощница Бетман... Пожалуйста, сообщите, когда Вы думаете быть у нас и послало ли Парижское посольство Вашу анкету, которую Вы, вероятно,

уже заполнили и передали вместе с официальной просьбой о гражданстве и о приезде в СССР».

Аросев сам лично ездил в Швейцарию к моему отцу и в этом письме писал: «Вспоминаю часто мое пребывание у Вас и очень бы желал видеть Ваше пребывание у меня».

Тем временем оформление советского гражданства моего отца и документов на приезд в СССР шло своим чередом. В письме от 8 апреля 1935 года Аросев ему писал: «Вы, вероятно, получили уведомление о том, что Ваши документы уже у меня. Ваше первое письмо, где Вы подтверждаете Ваше намерение приехать сюда, меня страшно обрадовало. Затем я получил второе, где Вы пишете о том, что, вероятно, не сможете осуществить поездку. В это же время я получил письмо от Александра Николаевича (Рубакина-сына. — А. Р.), который пишет также о том, что Вам сейчас эта поездка была бы вредна. Конечно, против природы ничего не поделаешь и приходится с этим мириться. Мне все-таки казалось бы, что если Вы хотя бы ненадолго приехали в Вашу родную страну, встретились с людьми, которые воспитаны на Вашей научно-пропагандистской работе и которые Вас уважают, то это оказало бы на Вас — мне так кажется — самое хорошее влияние, даже на Ваше здоровье».

Отца моего беспокоила материальная сторона его поездки в СССР, так как средств у него было мало, а из своей пенсии он чуть не большую часть тратил на содержание библиотеки. Но Аросев это знал, как это видно из следующего его письма к Рубакину от 9 июля 1935 года: «Вы совершенно правы, что было бы целесообразнее отложить Ваш приезд до моего возвращения, которое состоится в сентябре месяце. Что же касается вопроса об изыскании необходимых средств на поездку в Союз, то прошу считать его улаженным в том смысле, что ВОКС с удовольствием принимает на себя заботу об обеспечении Вас проездными

документами в оба конца. Таким образом, Вы можете подать соответствующее заявление в наше Парижское полпредство независимо от материального момента... Одновременно мы согласуем точную дату Вашего приезда...»

Но многие друзья перестали ему писать. Другие отделывались туманными фразами в ответ на его вопросы, почему его не печатают. Рубакин никак не мог понять происходящее. Не было возможности печататься, а для него это было самое главное.

В письме к Г. И. Поршневу он писал: «Работать я могу, не уставая, по 14 часов в сутки. А вот оставаться столько времени без работы и вообще без деятельности, ей-же-ей, не в силах».

И эта мысль повторяется у него неоднократно.

Об этом он говорит и в письме к Н. К. Крупской. Это письмо было им написано в 1936 году. Оно очень длинное, и вся средняя часть его не может быть прочитана, так как сохранившаяся в архиве отца копия покрыта вторым текстом, по-видимому, это сделано по ошибке при копировании. Мы приведем только отдельные места из него, относящиеся к вопросу о научно-популярной литературе для народа.

Рубакин писал: «Многоуважаемая тов. Надежда Константиновна, сейчас прочитал я в № 1 «Вестника, Академии наук СССР» за этот год Вашу статью «Нужны кадры популяризаторов». Прежде всего не могу не приветствовать ее самым горячим и искренним образом. И не могу не подтвердить и еще и еще раз подтвердить, опираясь и на исследования и на переписку нашего Института за 1917–1936 гг., что, выражаясь Вашими словами, «в помощь учебе необходима подходящая научно-популярная литература, а она почти совершенно отсутствует». «Вы поднимаете теперь этот же самый, столь насущный и архинаболевший вопрос, который, увы! почти без всяких результатов, по имеющимся у меня документам, поднимали в течение по-

следних 18 лет и покойный А. В. Луначарский (с которым я имел случай о том же беседовать и лично, когда незадолго до своей кончины он был здесь у меня), и А. С. Бубнов, и, наконец, А. М. Горький, да и некоторые другие авторы в СССР. Надо полагать, небезызвестно Вам и то, что решительно каждый раз лишь только этот вопрос ставился там на очередь, я тотчас же подавал и свой скромный голос, голос фанатика и практика популяризации, на защиту его неотложного значения... и в то же время показывая, что то, что у вас считается литературой популярной, вовсе не популярная, что она не только не проникает в читательское нутро, а просто-напросто летает над головами...

Я настаивал и на том, что и создать-то научно-популярную литературу для предельных низов дело даже вовсе не трудное при тех средствах и возможностях, какие благодаря величайшей из революций уже имеются в руках рабочего-крестьянского трудового государства, которому и я, как Вы знаете, по мере всех моих личных сил служил и служу весь мой век».

Затем Рубакин формулирует свои предложения и свой план по изданию научно-популярной литературы и описывает типы читателей, для которых она предназначается, и в заключение добавляет: «Этому типу читателя требуется популярная литература прежде всего убеждения, а не налезания, о котором один рабочий выразился мне так (В. И. Савихин-Иванов с Монетного двора): «Если на тебя попрет быком даже самая настоящая истина, так ты и от нее отскочишь».

Рубакин не вступал ни в какую полемику со своими критиками, хотя они и очень его раздражали. Он жаловался на непонимание ими библиопсихологии, на искажение ее. Значительно раньше в одном из писем Поршневу он писал: «...Вы ошибаетесь, полагая, что «Основы и задачи библиопсихологии» будут иметь ограниченного потребителя.

Эта книга предназначается для всякого педагога, читателя, издателя, книгопродавца, автора и т. д. В основе этой книги лежит биологическое учение о мнеме и об условном рефлексе, а мнема индивидуальная рассматривается в связи с мнемой социального коллектива — мнемой социальной и как обусловленная этой последней. Боднарский, как философ книжных полок, очень чужд вниканию в психологию книжного влияния, циркуляции и литературного творчества, и потому моя точка зрения ему непонятна. О моей библиопсихологии у вас пишут многие, приписывают мне свои собственные идеи, а затем победоносно опровергают их» (письмо Г. И. Поршневу от 9 июля 1925 г.).

За весь этот период он неоднократно и тяжело болел и все-таки работал не покладая рук. У него выявился диабет, правда, в легкой форме, а диабетом была больна и его мать. Незадолго перед второй мировой войной он перенес довольно тяжелую операцию. И наконец, уже перед самой войной у него произошел перелом ноги, который надолго приковал его к постели, так как в его возрасте кости не срастались.

В письме к Н. В. Чехову от 16 марта 1934 года Рубакин писал:

«...В июле этого года мне исполнится 72 года. Бодр и крепок и только рабочим одушевлением и живу и все больше вдохновляюсь, много пишу, но издают меня только рабочие...»

«...Вы спрашиваете меня, как я живу. Здесь, в Швейцарии, я нахожусь вот уже 25 лет и работаю, ни на минуту и никогда не чувствуя своей отрезанности от родной страны, — жил, живу и всегда буду жить и питаться прежде всего духом ее социалистического строительства. Вы знаете, что еще задолго до падения царизма я был энтузиастом и фанатиком рабоче-крестьянского трудового строя. На такой платформе остаюсь я и по сей

день. По существу, никаких перемен в моих социально-политических взглядах не произошло. Если я и передвинулся, то только влево».

Рубакин всегда смотрел в будущее — до конца своих дней. В своей статье о Ф. Ф. Павленкове он писал: «Не люблю я вспоминать прошлого: гораздо интереснее да и плодотворнее размышлять о будущем».

Глава 7. Теория библиопсихологии

Николай Александрович Рубакин считал, что создание новой психологической теории, которой он дал название «библиологической психологии», или «библиопсихологии», — главное научное достижение его жизни. А между тем из всего им сделанного в жизни именно библиопсихология возбудила больше всего возражений и критики со стороны наших ученых и именно из-за нее начали резко критиковать работы Рубакина в 30-е годы.

В чем дело? Почему же эта новая теория вызвала такие дискуссии, в которых была затронута и личность самого Рубакина?

Создание этой теории — результат почти полувекового изучения читателя и книги, изучения, основанного на анализе действия сотен тысяч книг на сотни тысяч читателей, результат практических наблюдений и теоретических выводов Рубакина. Эта теория родилась из практики, притом практики огромного масштаба и по числу наблюдений, и по времени наблюдений.

Создание этой теории началось еще тогда, когда Рубакин был совсем молодым человеком, когда вышли его первые научно-популярные книжки. Больше того, он и начал писать эти книжки, учитывая сперва еще интуитивно запросы читателей и их психические типы.

Официально библиологическая психология родилась на свет 22 октября 1916 года, когда в Женевском педагогическом институте Ж.-Ж. Руссо была открыта секция библиопсихологии на заседании, созванном директором этого института Пьером Бовэ, профессором Женевского университета Эдуардом Клапаредом, профессором А. Феррьером и директором Библиографического института в Брюсселе Полем Отлэ. Директором этой секции стал Николай

Александрович Рубакин. Фактически только он и работал в ней, так как все прочие вышеназванные лица были только почетным иконостасом. Несколько лет спустя эта секция отделилась от Института Ж.-Ж. Руссо и превратилась в самостоятельный Институт библиологической психологии, но, кроме названия, по сути дела ничего не изменилось.

Все работы Рубакина по изучению читательства, которые он печатал с самого начала 90-х годов прошлого века, были подготовительными к созданию на их основе библиопсихологии, хотя он сам еще не рассматривал их с этой стороны. Таковы «Этюды о русской читающей публике» (1895), ряд статей о влиянии книги, «Практика самообразования» (1914), «Письма к читателям о самообразовании» (1922) и т. д. В 1922 году вышел его двухтомный труд «Введение в библиологическую психологию», изданный в Париже на французском языке в моем переводе. Кроме того, остался неизданным громадный труд «Основы и задачи библиологической психологии».

«Введение в библиологическую психологию» — первый капитальный труд по библиопсихологии — был отмечен только специалистами. На русском же языке уже в 20-х годах Рубакин напечатал ряд статей, развивающих его мысли в этой новой области: «О сбережении сил и времени в деле самообразования» (1914), «Этюды по психологии читательства» (1914), «Библиологическая психология как теория и практика книжного дела» (Прага, 1921), «Что такое библиологическая психология» (1924), «Психология читателя и книги» (1929). И вскоре же в советских журналах и газетах появился ряд статей, в которых авторы обрушивались на библиопсихологию в целом, только отчасти разбирая действительно слабые места и не отмечая того положительного, что было внесено автором в теорию о читательстве.

Такому непониманию мыслей Рубакина способствовало, впрочем, и то, что в то время как его популярные

книжки были написаны ясным, понятным, доступным до предельности языком, все его работы по библиопсихологии написаны очень сложным, не всегда ясным и четким языком.

Лучше всего мысли и основные положения Рубакина изложены в его большом труде «Психология читателя и книги», изданном в Москве Государственным издательством в 1929 году. Правда, как говорил сам автор, после этого в библиопсихологию им было внесено много новых мыслей и фактов. Но все-таки основные положения этой теории, сформулированные ее создателем, остаются теми же. Поэтому мы здесь будем придерживаться основных формулировок автора, сделанных именно в этой книге.

Рубакин дает два определения библиопсихологии — одно, так сказать, предварительное, другое развернутое, полное. В самом же начале он ее определяет так: «библиологической психологией... мы называем *психологию книжного дела* в процессе его эволюции и диссолюции, то есть развития и упадка, в связи с условиями окружающей социальной среды — места и времени». «Библиопсихология есть наука о социальном психологическом воздействии».

Уже это определение указывает на значение, придаваемое автором социальной среде в предмете библиопсихологии. Правда, тут же надо оговориться, что при определении социальной среды классовой принадлежности Рубакин отводит далеко не первое место.

Рубакин дальше определяет и область применения библиопсихологии: «Приурочивать библиопсихологию к библиологии и видеть в ней один из отделов этой последней тоже неправильно: библиопсихология охватывает библиологию целиком, рассматривая книгу как явление психологическое. Для библиопсихолога техника набора и печатания книг есть психология набора и наборщика, пе-

чатника и типографщика, издателя и издательства, покупателя и продавца, книжного спроса и предложения, циркуляции книг и в пространстве и во времени. Все без исключения отрасли книжного дела библиопсихолог изучает как и библиолог, но не иначе как с психологической стороны... Таким образом, и наука о книжном деле является для библиопсихолога психологией книжного дела и всех его отраслей в их взаимном явлении, в их функциональной зависимости».

Книжное дело представляет собой трудовой процесс, так как «предполагает и работника, и его труд, и социальную среду, и различные соотношения этого трудового процесса с производственным процессом вообще». «Мы будем понимать под термином «книжное дело» трудовой процесс производства, круговращения и потребления ценностей, печатного, рукописного, а также устного слова». Поэтому объектами библиопсихологического изучения в процессе книжного дела становятся: 1. Работники его и их психические типы. 2. Их труд и его психические особенности. 3. Продукты их труда, от качества которого зависит степень воздействия печатного, рукописного и устного слова на индивида и коллектив. 4. Социальная среда, обусловливающая и качественную и количественную сторону психологии книжного дела как трудового процесса.

Одной из задач библиопсихологии ставится «объективное изучение поведения работников книжного дела во всех отраслях этого последнего». А так как в труде каждого работника имеются два элемента — элемент труда умственного и элемент труда физического, то надо изучать оба эти элемента. Расширяя, таким образом, объект изучения, Рубакин говорит, что под книжным делом надо понимать «не только совокупность книг и совокупность произведений печатного, рукописного и устного слова, но и совокупность всех трудовых процессов, которыми эти

ценности созданы в прошлом, создаются в настоящем и будут создаваться в будущем». Книжное дело есть, таким образом, «труд и трудовой процесс. Психология книжного дела есть психология такого труда и процесса».

А под книгой Рубакин подразумевал «всякое произведение слова, будь это слово печатное, рукописное или устное». Но между этими тремя формами книги существует теснейшая связь. Отсюда вытекает необходимость различать творчество авторское и творчество читательское, творчество оратора и творчество слушающего его. Одни здесь передают, другие получают. Кто передает и кто получает, какая разница между «передающим» и «получающим»?

Рубакин еще в 1901 году в книге рассказов «Искорки» указывает, что «и индивидуальные особенности личности, и мельчайшие условия обстановки, душевное настроение, испытываемое в такой-то момент, все это влияет на то, какая книга подействует на такого-то читателя.

Но что какая-либо книга из десятков и, может быть, сотен имеющих случай проходить через его руки, на него подействует непременно, раз исторические условия, переживаемые народом, такие, а не иные, раз народное сознание работает и не может не работать над такими-то вопросами, это уже несомненно. Изучать читателя из народа — это значит изучать пути мышления народного в его наиболее культурных представителях, изучать, как народ додумывается до своего, читая чужое и размышляя над чужим».

Следовательно, Рубакин уже тогда рассматривал не какие-то только индивидуальные реакции читателя на книгу, но и реакции, обусловленные историческим моментом, социальными причинами, и это ставил в основу исследования читателя. Он как бы брал читателя в условиях его исторической обстановки и изучал его в связи с нею.

Он и дальше подчеркивает, что «такие явления, как литература, книга, писатель, читатель и все книжное дело, суть явления социальные, равно как и человеческий язык. Создавание, циркуляция, утилизация библиопсихологических ценностей — явления социальные. Нет и не может быть в области книжного дела ни одного психического явления, которое не было бы обусловлено социальным фактором. Как чтение, так и влияние книги предполагают для своего существования социальную среду, обусловливающую как их происхождение, так и их развитие и результаты... Подобно этому индивидуализация чтения и обучения предполагает существование социальной среды, в которой происходят эти явления и которые постоянно и неизбежно влияют на самую индивидуализацию, ее ход и даже суть».

До Рубакина никто, по существу, не подходил научно к вопросу об изучении книги, ее влияния на читателя, его восприятия книги. А между тем это важнейший вопрос современности, когда книга стала играть такую огромную роль в жизни народа и в жизни личности и когда использование огромных книжных богатств, имеющихся в нашей стране, возможно только при точном изучении их, при точном изучении возможностей и особенностей читателей.

Теория чтения — одна из основных частей библиопсихологии. Она основана на изучении психологии читателя, книги и психологии влияния книги на читателя.

Для изучения психологии читателя Рубакин рассматривает различные психические типы читателей. У читателя мышление может быть конкретным или абстрактным, синтетическим или аналитическим, индуктивным или дедуктивным и т. д.

Но книги тоже написаны авторами, у которых психический тип является конкретным или абстрактным, синтетическим или аналитическим и т. д., как и у любого читателя, то есть как у любого человека. Психический тип

автора отражается и в типе написанной им книги, и в изложении им предмета.

Какое же практическое значение для процесса чтения и процесса усвоения прочитанного имеет такая классификация читателей, авторов и книг по их психическому типу? Она имеет очень большое значение, и вот почему.

Для того чтобы содержание книги лучше дошло до понимания и усвоения читателя, надо, чтобы психический тип книги, то есть и ее автора, соответствовал психическому типу читателя. Это значит, что если читатель имеет психический тип конкретного склада, то он легче всего и быстрее всего усвоит и поймет книгу, написанную автором такого же психического типа. Это не значит, что он не усвоит и книгу, написанную автором другого психического типа. Но на это у него уйдет больше времени и усилий, чем если бы он читал и изучал книгу, психический тип которой соответствует его типу.

Такое соответствие между психическим типом читателя и книг дает огромную экономию для понимания и усвоения читателем содержания книги.

Но, зная книгу, ее тип, можно через нее определить и психический тип ее читателя. «Одна и та же книга действует на разных субъектов по-разному в зависимости от свойств их психического типа. Каждый отзыв каждого читателя о книге, фразе, слове уже представляет его реакцию на них. Его характеризует даже отсутствие реакций, слабость или сила их, длительность или быстрота, с какой он реагирует на библиопсихологического раздражителя, медленность наступления реакций, продолжительность их существования, их интенсивность и т. д.».

В свою очередь, читатель, зная свой тип, получает возможность при выборе книги для чтения делать поправку на самого себя. «Например, — пишет Рубакин, — если я не способен к мышлению образами, то я не судья ни сти-

хов, ни художественной стороны беллетристических, да и других произведений: я на образность речи реагирую очень слабо... Или, напротив, если я не способен мыслить отвлеченными понятиями и абстрактными рассуждениями, а мыслю образами, я не могу быть судьей, например, сочинений Д. С. Милля: они меня не захватят, потому что покажутся чересчур бледными». С другой стороны, «зная качества книги и наблюдая реакции данного читателя на эту книгу, мы по этим реакциям получаем возможность судить о свойствах того читателя, который на такой раздражитель так реагирует».

Следовательно, необходимо изучение психических типов читателей и психических типов книг и авторов их, для того чтобы рекомендовать читателям те книги, которые они вследствие своего собственного психического типа могут легче и быстрее усвоить.

Рубакиным и была создана классификация типов читателей и типов книг. Все понимают, насколько трудно было провести такого рода классификацию и насколько надо было знать те книги, которые можно было рекомендовать читателям данного типа. Рубакин проделал колоссальную работу по классификации типов книг, и на основании этой классификации он, определив, с другой стороны, тип читателя, рекомендовал ему книги, соответствующие его психическому типу.

Переписка Рубакина с читателями, его непосредственный контакт с ними в библиотеках показали ему, что правильная рекомендация книг читателям повышает спрос на книги с их стороны. Так, в 1929 году в библиотеке Народного дома в Лозанне, где Рубакин организовал библиопсихологическое изучение читателя, в результате этого изучения и соответственного подбора книг для читателя выдача научных и научно-популярных книг возросла почти в 50 раз.

Рубакин составил анкеты для читателей, чтобы выяснить их психический тип. В опросном листке анкеты содержалось 37 вопросов, кратко сформулированных. Но тут же Рубакин замечает, что «ответы на прямо поставленные вопросы не показательны». Особенно показательно то, что записывается в опросном листке рефлективно, несознательно, необдуманно. Поэтому составитель опросного листка должен быть очень тонким, вдумчивым человеком, превосходно знакомым с социальными и психологическими условиями того места и времени, к каким относится анкета.

Во всех своих предыдущих рассуждениях Рубакин принимал как раздражитель на читателя всю книгу в целом. Но книга действует как раздражитель «лишь потому, что действуют отдельные фразы ее, совокупность которых она представляет...», а в каждой фразе каждое отдельное слово тоже выступает в роли раздражителя. Значит, книга — это коллектив целой массы более мелких раздражителей. Исследование такого действия книги должно быть поэтому сведено к исследованию фраз и слов.

К тому же, прежде чем начинать эти исследования, говорил Рубакин, надо «исследовать самого исследователя». Его суждения обо всех элементах книжного дела и прежде всего о книге будут зависеть от его социального типа — классового, национального, профессионального. Затем они зависят от его психического типа — он может быть аналитик или синтетик, теоретик или практик, конкретного или абстрактного типа и т. д. То есть к нему надо подойти с теми же критериями, с какими мы будем подходить к изучению читателя и типа книги. То есть в начале каждого такого исследования должна быть сделана поправка на самого исследователя. Это, по мнению Рубакина, дает максимум объективности исследования.

Вводя все новые и новые элементы для изучения вопросов читательства и книги, Рубакин анализирует и учитыва-

ет все факторы, участвующие в книжном деле в целом. Тем самым он крайне усложняет проблему изучения, так как число этих факторов чрезвычайно велико и, кроме них самих, надо учитывать их взаимодействие, взаимовлияние. В результате мы погружаемся в такую бездну психологического анализа, что за деталями начинаем не видеть самого главного, основного. Таким образом, даже согласившись с правильностью классификации и изучения всех элементов книжного дела, приходится признать, что его изучение необычайно сложно и вряд ли может иметь массовый характер.

После рассмотрения социально-психологических основ библиопсихологии Рубакин обосновывает ее биологические корни. Он это делает, исходя из павловской теории естественных (безусловных) и условных рефлексов. Любопытно, что Рубакин подошел к биологическому обоснованию своей теории, еще не будучи достаточно знаком с учением Павлова, и тем не менее он подошел очень близко к нему, а впоследствии, когда у него завязалась переписка с И. П. Павловым по этому поводу, он увидел, что его точка зрения в этом вопросе полностью совпадает с точкой зрения Павлова. Биологическое обоснование изучения читателя и книги нам представляется как наиболее сильная сторона теории библиопсихологии, именно та, которая нуждается в более полной дальнейшей разработке.

Как известно, рефлекс — это реакция организма на то или другое внешнее или внутреннее раздражение. Абсолютные рефлексы — это врожденные естественные реакции: человек отдергивает руку или ногу, когда ему причиняют боль, закрывает глаза, когда ему в лицо ударяет яркий свет, ребенок начинает сосать грудь, когда его к ней прикладывают, и т. д.

Условные рефлексы — это реакции организма, создавшиеся в результате привычки, повторения действия одних

и тех же раздражителей. Водитель автомобиля в силу условного, выработанного у него повторения рефлекса останавливается, когда в светофоре зажигается красный свет. Мы в нашей жизни сплошь в силу воспитания, обучения и т. д. проявляем наши условные рефлексы, без создания которых наша жизнь была бы невозможной. Рубакин пишет: «Рефлексы суть элементы постоянного приспособления или уравновешения, — закономерные, машинообразные реакции организма, обусловленные организацией данной нервной системы».

«Совокупность рефлексов, — писал И. П. Павлов, — составляет основной фонд нервной деятельности как человека, так и животных». Рубакин дополняет эту мысль, говоря: «На рефлексе же основаны творческие силы организма».

Основываясь на строго научном понятии рефлекторности слова — устного, или печатного, или письменного, Рубакин правильно подходит к изучению воздействия книги на читателя. Насколько мы знаем, до него никто не подходил к изучению книги и читателя с точки зрения научной физиологической теории рефлексов, основанной на учении И. П. Павлова.

В книжном деле первую роль играют так называемые условные рефлексы, то есть рефлексы, выработанные в результате опыта жизни, путем повторения одних и тех же действий, привычек. «Чтение, слушание, понимание, мышление, обучение, образование — все это различные формы условных рефлексов и суперрефлексов». «Человеческую речь нельзя не рассматривать как чрезвычайно сложную систему высших условных рефлексов». Но, будучи само рефлексом, всякое слово вместе с тем постоянно является источником рефлексов. Всякое слово, которое мы слышим или читаем, может стать по отношению к слушателю или читателю некоторой формой воздействия, идущего извне».

«Слово, — говорит Павлов, — благодаря всей предшествующей жизни человека связано со всеми внешними и внутренними раздражениями, приходящими в большие полушария головного мозга, все их сигнализирует, все их заменяет и потому может вызвать все те действия, реакции организма, которые обусловливают те раздражения».

«Поэтому, — делает вывод Рубакин, — можно утилизировать слово как реактив[7] на человека. Двигательные реакции, им вызванные, могут быть трех главных типов: или реакции притягивания, или отталкивания, или безразличные, заторможенные.

Павлов назвал человеческую речь второй сигнальной системой в отличие от первой, которая имеется и у животных и в которой раздражение идет непосредственно от внешних ощущений. Поэтому слово для человека — раздражитель, вызывающий у него определенные реакции, связанные со значением этого слова. Но одно и то же слово может вызывать у человека различные и даже противоположные реакции».

Слово действует на человека в зависимости от социальной среды, к которой он принадлежит, в зависимости от того, с чем это слово связано в его прошлом, в зависимости от психического склада данного человека.

Мы уже говорили, что, подчеркнув значение социальной среды, Рубакин выделяет среди людей различные психические типы.

И. П. Павлов классифицировал людей по типам их высшей нервной деятельности. Это была классификация физиологическая, довольно точная, но все-таки чаще всего трудно применяемая в повседневной практике, как это признавал и сам Павлов. Но и в таком виде эту классификацию можно было бы положить в основу классификации

[7] Под словом «реактив» Рубакин подразумевает «раздражитель».

типов читателей, предложенной Рубакиным. Недаром он так был увлечен теорией Павлова, как только с нею познакомился, хотя еще до этого разработал свою теорию психических типов, основанную на психологии. Теория Павлова его восхитила, потому что под науку менее точную — психологию — она подводила серьезную физиологическую основу.

Рубакин показал тесную связь между ролью условных рефлексов и чтением, вернее, их роль в чтении. Понятие слова как «раздражителя», формулированное еще А. Потебней, Рубакин привел в соответствие со строго научным понятием условного рефлекса.

Теория Рубакина возбудила большой интерес и у И. П. Павлова, крупнейшего физиолога нашей эпохи. Еще до выхода в Москве книги «Психология читателя и книги» (1929 г.) Рубакин во время работы над нею вошел в переписку с И. П. Павловым. В письме к Павлову от 12 февраля 1926 года он писал: «Многоуважаемый и дорогой Иван Петрович... в очень немногих строках Вы дали мне и другим работникам нашей секции очень много. Спасибо и спасибо. Хотя я Вам и послал мою книгу (на французском), но, кажется, забыл предупредить, что она написана вовсе не для ученых, а главным образом для библиотекарей, и не столько для того, чтобы решать вопросы, сколько для того, чтобы поставить их и показать ту связь, которая неизменно существует между теорией литературы и литературной критикой, с одной стороны, и между естественнонаучной постановкой исследования тех же явлений. Громадное значение теории условных рефлексов для теории книги и литературы показано в моем труде «Основы и задачи», который... еще не печатается из-за некоторых идейных разногласий».

11 мая того же года, благодаря Павлова за ответ и присланные им книги, Рубакин пишет: «...книга Ваша притя-

нула к себе всех нас, работников секции, словно какой магнит. Даже только посмотрев ее страстно, не могу не видеть, какую опору она дает нашей библиопсихологии, и особенно отделу о мнеме и влиянии книги».

Насколько Павлова заинтересовали теории Рубакина о действии слова и книги, можно судить по его письму к Рубакину от 15 августа 1925 года, выдержки из которого мы приводим: «Чрезвычайно обрадован, что наши лабораторные труды оказались полезными для такого великого культурного дела, как взаимодействие книги и читателя. Ваши программные сообщения прочел тогда же, а теперь принялся за чтение книги. Конечно, важнейшим пунктом в библиопсихологической работе является классифицирование и констатирование психических явлений... А это представляется мне в высшей степени трудным и сложным делом. Основные линии нервной деятельности (высшей) более или менее ясны, но детали подавляют. Отдельные нервные типы часто содержат такие противоречивые черты, что не знаешь, что считать главным и что второстепенным и производным и как представить себе общий механизм типа. Но все должно преодолеть и наше и Ваше исследовательское усердие, или по крайней мере будем надеяться на это».

Таким образом, даже Павлов, определявший типы высшей нервной деятельности экспериментально, признавал великую трудность их определения — и действительно, вопрос об их определении и теперь служит предметом спора у физиологов. Что же сказать об определении психического типа читателя, величины, в которой играют роль не только психологические и физиологические факторы, но и социально-экономические, и наследственные, и политические, и другие? К сожалению, смерть И. П. Павлова помешала установить более тесный контакт, а были все данные для того, чтобы произошло слияние теории

И. П. Павлова с, библиопсихологией на почве классификации типов читателей и изучения процесса чтения.

Но тем не менее совершенно ясно, что разработка библиопсихологических положений в тесной связи с павловской теорией условных рефлексов могла бы дать очень многое. Несомненно, найдутся исследователи, которые изучат этот вопрос, и тогда многое в теориях Рубакина встанет на свое место и многие идеалистические уклоны будут сметены точными научными данными.

Определив значение слова как раздражителя, притом психического, Рубакин переходит к рассмотрению «библиологических основ библиопсихологии». Для этого он излагает теорию известного немецкого психолога Р. Семона — теорию так называемой мнемы. Семон был крупным биологом-дарвинистом и жил в начале XX века. Им был предложен термин «мнема» взамен термина «память», который он считал «наследием старой психологии», определявшей ее как «способность души». Прежде всего надо отметить, что в результате каждого раздражения из внешней среды у человека появляется возбуждение, являющееся «психическим коррелятом» раздражения и представляющее весьма сложное явление. Возбуждение проходит через две фразы. В первой оно появляется во время действия раздражителя и достигает своего максимума. Когда действие раздражителя кончилось, возбуждение снижается, но не сразу, а постепенно, оно как будто исчезает, однако живое вещество организма сохраняет след от испытанного им возбуждения. И по отношению к типу раздражения, уже имевшему место, организм становится более восприимчивым сравнительно с другими, еще не испытанными типами раздражений.

Изменения, которые произошли в живом организме, в его веществе, Семон назвал энграммами, то есть записями, так как все испытанное организмом вроде как записывается в его живом веществе.

Совокупность таких записей — энграмм, по Семону, и образует мнему. Энграммы в большинстве находятся в организме в скрытом состоянии, но они могут быть вызваны к жизни, извлечены, оживлены, «вынесены в сознание», и тогда их называют экфориями. Раздражители фактически никогда не бывают простыми, они всегда состоят из ряда элементов, целых комплексов элементов внешнего мира — одновременно действуют, например, лучи света, запахи, температура воздуха и т. д. Поэтому и энграммы тоже являются сложными, так как одновременно записывают ряд раздражителей, а не один только.

Рубакин всюду подчеркивает, что социальная среда представляет собой фактор огромной важности, «она стоит на первом месте, и наше поведение определяется главным образом мнемою социальной, а не наследственной. Почти все прирожденные реакции человека затронуты социальными влияниями». «Социальная среда поставляет нам энграммы социального опыта человечества, ею же накопленные и коллективно и индивидуально создаваемые...»

Исходя из таких положений, Рубакин и излагает «методы библиопсихологического исследования книжного дела». По его мнению и намерению, методы эти должны быть объективными, реальными. Так ли это получается после их изложения? Предоставим слово ему самому.

«Библиопсихология, — говорит Рубакин, — должна стать наукой объективной. Она должна стать такой для того, чтобы дать возможность всякому работнику книжного дела объективно ориентироваться во всей сложности этого дела в любое время и в любом месте... Объективная классификация книг должна помочь нам ориентироваться в бесконечном разнообразии книжных сокровищ... Объективная классификация авторов должна помочь нам ориентироваться в истории литературы... Значит, идеалом ее (библиопсихологии) должно быть точное знание».

Отсюда следует, что одна из важнейших задач библиопсихологической методологии — борьба с субъективностью суждений во всех областях книжного дела... Но «субъективна всякая проекция чужой речи, построенная всяким читателем или слушателем. Субъективны поэтому и суждения о книгах решительно всех историков и теоретиков литературы, критиков и библиографов, потому что все они принимают свои субъективные суждения за максимально правильные, а то и за «единственно верные». «Каждая мнема в большей или меньшей степени искажает реальность, кое-что прибавляет к ее проекции из своих запасов и кое-что игнорирует в реальности, потому что чего нет в мнеме, того не будет и в проекции, построяемой из ее элементов».

Понимание реальности, по Рубакину, представляет собой лишь проекцию наших мнематических энграмм на существующую действительность.

«Подобно тому, что изображение, отбрасываемое из проекционного прибора на белый экран, покрывает его фигурами и красками, каких на самом экране нет, так и построенная нами проекция покрывает собою реальность, мешая видеть ее. И мы реальности действительно не видим, принимая нашу проекцию за таковую. Для нас эта наша проекция есть реальность».

«Понятие проекции, — пишет дальше Рубакин, — играет в библиопсихологии очень важную роль. Задача этой науки сводится к изучению читательских, авторских и других проекций и к их сопоставлению с реальностью».

Но ведь тогда получается, что мы вообще не можем установить реальности. «Изменение нашей мнемы ведет за собою изменение того, что мы приписываем книге, т. е. той проекции, какую мы из элементов нашей мнемы построили для этой книги». «Сколько у книги читателей, столько у нее и содержаний». Конечно, в этом рассужде-

нии есть много правильного, и мы все знаем, что в зрелом возрасте или в старости, перечитывая уже знакомые нам с детства книги, мы иначе их воспринимаем. Но ведь содержание книги от этого не меняется. Меняется наше отношение к ней, потому что мы сами изменились. Гора, на которую мы смотрели в детстве, остается той же, когда мы ее видим в старости, но она пробуждает в нас иные эмоции и иные мысли. Почему же тогда переносить изменения в нашей мнеме на тот предмет, к которому она относится, и утверждать, что он реально не существует сам по себе? Это уже переходит в отрицание реальности и делает невозможной именно ту оценку книг, которой сам Рубакин занимался всю свою жизнь. В своей теории библиопсихологии, отрицая всякое реальное содержание книги, он противоречит собственной многолетней практике. Вот что он пишет: «По общераспространенному мнению, уже укоренившемуся в течение веков, во всяком печатном, рукописном и устном слове имеется определенное содержание, а именно такое самое, какое в них вложено раз навсегда. Оно имеется потому, что говорящий и пишущий в процессе речи «вкладывают» его во всякое свое слово, фразу, текст. Но ведь это слово, эта фраза, этот текст разными читателями воспринимается по-разному, — отсюда разные толкования их разными людьми, споры о них... Оказывается, что содержание, вложенное в устную или письменную речь ее авторами, всегда испытывает некоторую перемену в процессе слушания или чтения...» Отсюда следует, что надо изучать особо процесс вкладывания и процесс получения.

Рубакин непрерывно подчеркивает, что «раздражитель не есть передатчик, а лишь возбудитель переживания». И в подтверждение этого он ссылается на выводы двух исследователей: немецкого филолога Вильгельма Гумбольдта и русского профессора Александра Потебни. Их выводы он

формулирует в виде закона, который называет «законом Гумбольдта — Потебни».

Кратко он этот закон формулирует так: «Слово, фраза, книга суть не передатчики, а возбудители психических переживаний в каждой индивидуальной мнеме. Это значит: что ни вкладывал бы писатель в свои произведения, а оратор в свою речь, их содержание не дойдет до читателя или слушателя, хотя оно в это произведение вложено. Между ним и читателем и слушателем — пропасть. Чтобы оно дошло по адресу, читатель и слушатель должны сами создать его из элементов собственных мнем. А это может случиться только тогда, когда мнема слушателя и читателя имеет те же энграммы, как и мнема оратора и писателя. Но такое создание не есть передача, а возбуждение. Всякий читатель и слушатель всегда видит перед собой только свою собственную проекцию чужой речи».

Такие утверждения, по существу, не сближают автора с читателем, а отдаляют их друг от друга. Вероятно, Рубакин и сам чувствовал неправильность своих выводов, чувствовал одиночество писателя. В своем письме к А. М. Горькому от 4 октября 1922 года он писал: «Все люди одиноки, а из всех людей всего более одинок писатель. И чем более он одарен талантом и любовью к надземному, т. е. человечеству, тем более он одинок. И тем менее понимают читатели и его мысли, и чувства, и слова, и намерения, страдания».

Любопытно, что сам Рубакин опровергает всей своей жизнью эти пессимистические размышления. Ведь вся его работа была построена на общении с читателем, и вся его переписка с читателями показывает, насколько читателям были близки его мысли и интересы.

Если бы рассуждения Рубакина были правильны, то что же книги давали бы людям? Только проекции их собственных переживаний и мыслей? А на деле все-таки каж-

дая книга оставляет что-то у читателя, чему-то его учит. Вложенное автором содержание книги как-то переходит в голову читателя. Книга может возбуждать в нем и его собственные эмоции и мысли, это несомненно, и в этом ее ценность. Но это уже второстепенный эффект книги, а не основной. Нельзя свести все ее действие только к возбуждению переживаний и мыслей читателя. Тогда логически пришлось бы сделать вывод из теории Рубакина, что содержание книги непознаваемо, то есть она, по определению Канта, «вещь в себе». А это целиком противоречит не только нашему материалистическому миропониманию, но и миропониманию и всей деятельности самого Рубакина. Он сам писал свои книги прежде всего для того, чтобы научить читателя, передать ему содержание книги, и так, чтобы это содержание возбуждало у него эмоции и переживания.

В библиопсихологической теории Рубакина надо, как у Гегеля, отбросить идеалистическую шелуху и взять в ней здоровое зерно. А такие зерна у него есть, и изучение влияния книги на читателя, несомненно, имеет огромное значение для всего книжного дела.

Странно, что, показав совершенно ясно и четко социальное происхождение и значение библиопсихологии, Рубакин стал рассматривать книгу как проекцию психики читателя, отрицая за книгой ее содержание и его воздействие. Вся практика жизни Рубакина показывает действие именно содержания книги, конечно, учитывая индивидуальную реакцию читателя на нее. Нельзя сводить реальность к нулю, к чему-то непознаваемому, чуть ли не в стиле философии Беркли, отрицающего вообще существование реального мира. В этом слабая сторона библиопсихологической теории. Критики ее, именно подчеркнув эту слабую сторону, перечеркивают и все прочее содержание библиопсихологии, а между тем эта созданная Рубакиным теория дает ценные указания для разработки теории чтения. Все

это нуждается в дальнейшем объективном изучении, для того чтобы, оставив в стороне идеалистические рассуждения автора, взять в этой науке то, что является действительно практически ценным.

Изложение методов библиопсихологического исследования книжного дела Рубакин заканчивает тем, что он называет «основным законом библиопсихологии — «законом консонанса и диссонанса эмоции». В чем же заключается этот закон, носящий такое сложное название? Он «регулирует психологию подхода человека к человеку, например, говорящего к слушающему, пишущего к читающему и обратно». От этого подхода, считает Рубакин, зависят буквально все проекции, какие только каждый из нас создает из элементов своей мнемы как печатному, так и рукописному и устному слову. «Наши проекции чужой речи сооружаются каждым из нас из элементов нашей мнемы, а эта комбинационная работа обусловлена эмоциональным состоянием человека, его настроением, чувствами, страстями, инстинктами, господствующими в нем в данный момент». Во время подхода тут чужое слово, жест, выражение лица, даже тон голоса могут вызвать у другого субъекта эмоцию отталкивания, а это создает неблагоприятную почву для словесного посева раздражений-возбуждений в мнеме собеседника. Поэтому закон консонанса и диссонанса эмоций можно формулировать так: «Печатное, рукописное и устное слово понимаются положительно или отрицательно в зависимости от того, какие эмоции преобладают в читателе или слушателе».

Тут выдвигается на первый план проблема человеческих эмоций во взаимных отношениях людей и в оценке ими других. «Идеи, миросозерцания неизбежно меняются, если изменились эмоции, — пишет Рубакин, — перемены убеждений в разных партийцах очень нередко происходят от перемены эмоций, а не от эволюции их

идей и не от накопления знаний... Эволюция нервномозговой системы в животном царстве свидетельствует, что интеллект не столь древнего происхождения, как эмоции. Отсюда следует относительная сила эмоций наследственных.

Вопрос о роли эмоций в поведении человека приобретает особенный интерес в связи с тем, что в своей рецензии на книгу Н. А. Рубакина «Среди книг» В. И. Ленин особо останавливается на проблеме эмоций. Ленин пишет в этой рецензии: «В предисловии г. Рубакин заявляет, что он «на своем веку никогда не участвовал ни в каких полемиках, полагая, что в огромнейшем числе случаев полемика — один из лучших способов затемнения истины посредством всякого рода человеческих эмоций». Автор не догадывается, ...что без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины».

Но, как мы только что видели из изложения методики библиопсихологического исследования, Рубакин как раз подчеркивает роль эмоций в искании истины. Да и у него самого в его публицистических статьях эмоции проявляются в полной силе, что им и дает их резкую полемическую окраску.

Так эмоциями замыкается круг основных положений библиопсихологии.

Любопытно то, что у самого Рубакина эмоции, несомненно, преобладают над логическими рассуждениями.

Не входя здесь в детальное изложение всей этой «рубакинской» науки — сам Рубакин называл эту теорию наукой, — мы вкратце изложим некоторые наиболее существенные критические замечания.

Основные недостатки теории библиопсихологии были всего лучше, с нашей точки зрения, вскрыты хорошим знакомым Н. А. Рубакина по эмиграции, видным деятелем Коммунистической партии В. А. Карпинским. Он настолько хорошо критикует основные ошибки и противоречия

библиопсихологии, что лучше всего привести целиком некоторые его замечания из письма к Рубакину от 16 февраля 1923 года:

«...Больше всего мешает усвоению В[ашей] книги, а след[овательно] распространению В[аших] идей, как раз то, что кажется В[ам] наиболее удачным в методе ее изложения. Именно. Вы сначала на доброй половине книги оглушаете читателя кучей доказательств, что книга вообще — миф, фикция, что познание книги абсолютно невозможно, как невозможно познание других «я» и вообще мира, что челов[еческое] «я» обречено на абсолютное одиночество и т. п. и т. п. Если принимать все это всерьез — а ведь это Ваши теоретич[еские] положения! — то, в сущности, я не читал книги более пессимистической, чем Ваша, и самый эпиграф ее звучит горькой иронией и над книгой вообще и над автором данной книги.

Однако, прочитав вторую половину, читатель убеждается, что не так страшен черт, как его малюют. Это, конечно, утешительно. Но вот что худо: испытывая сильную потребность вернуться к теоретической части, читатель сличает теоретич[еские] начала с практич[ескими] концами и убеждается после адского труда, что они решительно не сходятся. Кажется, нет ни одного теор[етического] положения, к[оторое] не противоречило бы практич[ескому] выводу...

В сущности, если принять всерьез некоторые наиболее общие принципы из числа высказанных в книге, то автор — спиритуалист, соллипсист. Как это ни странно для известного нам Рубакина, но это так. Или иначе: это странно в такой же мере, как то, что Рубакин, написавший десятки популярных книг, которые непосредственно содействовали развитию классового сознания рабочих и крестьян, которые непосредственно развивали чувства классовой вражды и ненависти к угнетателям, которые непосредственно толкали

к восстанию, к революции, к гражданской войне, — этот самый Рубакин заявляет себя сторонником «неуничтожаемости личности человеческой рукою человеческою же», противником «возбуждения и культивирования ненависти, мести, злобы и т. п.», сторонником «прекращения всех кровопролитий», т. е. противником гражданской войны и революции!»

Карпинского больше всего интересовал вопрос о практических выводах для агитации и пропаганды среди рабочих и крестьян, для книжного дела вообще. Он находит правильной идею создания Международного института библиопсихологии. Но вместе с тем он указывает Рубакину, что создание такого института в капиталистической стране попросту немыслимо.

«1. Ваш Институт, — пишет он в том же письме, — ставит задачей создание наилучших методов агитации и пропаганды. Но буржуазным правительствам и господствующим классам и без того принадлежит монополия в деле агитации и пропаганды: в их руках находятся все научные, технические, материальные средства и персональные силы. Буржуазия практически не заинтересована в Вашем проекте.

2. Ваш Институт не только чисто научное учреждение: он ставит еще чисто практические цели (и правильно!) — руководства чтением на дому и оценки книг не только с чисто научной, но и с «моральной» (как Вы пишете) точки зрения, наряду с созданием кадров интеллигенции, проникнутой Вашими идеями (и это правильно!) — Что это значит фактически? Не более и не менее как вот что. Вы предлагаете буржуазии на ее средства создать Институт с целью воспитания кадров интеллигенции, настроенной оппозиционно к этой самой буржуазии и ее строю в его крайних проявлениях и с целью усовершенствования и развития агитации и пропаганды в том же оппозиционном духе! Причем руководство всем этим должно находиться в

руках этой самой «надклассовой» или «внеклассовой» гуманной, высокодобродетельной и пр. и пр. интеллигенции. Понятно, что буржуазия не только не заинтересована в осуществлении Ваших идей, а как раз наоборот.

...Единственная страна, к[оторая] глубочайшим образом заинтересована в осуществлении подобной идеи и особенно в практическом, самом широком развитии ее — это Советская Россия... Руководство подобным институтом... Советская Россия может вручить только людям, к[оторые] решительно и бесповоротно стали по сю сторону баррикады... Биб[лио]пс[ихологический] Институт д[олжен] б[ыть] основан в России — пока национальный. Руководителем его д[олжны] б[ыть] Вы, Вы же д[олжны] служить связью с отдельными лицами и ячейками биб[лио]психологов в Европе...

В заключение — один из многочисленных частных вопросов. Вы не раз говорите, что огромное большинство людей принадлежит к типу смешанному, или среднему. В параллель с этим я приведу В[аше] утверждение... что б[иблиологическая] пс[ихология] дает возможность писать книги, одинаково удовлетворяющие читателей разных типов... Но в таком случае получается крайне любопытный вывод. Для создания новых книг чисто (формально) психолог[ические] особенности будущих читателей их не важны; вопрос об их изучении отпадает. Остается необходимым лишь изучение фактич[еского] содержания мнемы этих читателей».

Не разделял взглядов Рубакина на книгу как проекцию читателя, не имеющую своего собственного содержания, и Ромен Роллан, высоко ценивший идеи Рубакина и весьма интересовавшийся ими. Но когда он услышал рассуждения Рубакина о книге, он запротестовал. В своем письме к Рубакину от 1 мая 1917 года он писал ему: «...Но временами хотелось бы взять книгу под защиту против этого ис-

ключительного положения. Когда Вы говорите — библиопсихология показывает, что «то, что книга пробудит в душе читателя, зависит от этой души, а не от книги», я думаю, что и книга должна быть принята в расчет: ибо признать, что книга лишь орудие, значит признать, что она не только орудие, и небезразлично, будет ли оно хорошим или дурным. Хотя Потебня был прав, сказав, «говорить это не значит передавать свою мысль другому, это только значит пробудить в нем его собственную мысль», однако, хочет он того или нет, именно первый психический центр, первое сильное возбуждение заставляет вибрировать другие. И, короче, если нужно было нам всем сначала пройти через восхищение произведениями очень слабыми, которые в этот период нашего развития нам были более полезны, чем истинно великие творения, то поразительно все-таки, что поистине великие произведения во все века служат самыми большими очагами излучения. Евангелие, соборы, Шекспир или Дон-Кихот, Бетховен или Толстой. Но вот здесь и должен вмешаться ваш «химический анализ», о котором Вы мне как-то говорили и который позволяет найти, в чем секрет, заключенный в произведении, фразе или мысли».

Почему же Рубакин создал теорию книжного дела, которая во многом противоречит его собственной практической деятельности? Почему же Рубакин, всю жизнь, как правильно указывает и Карпинский, работавший для распространения знаний, для подготовки революции, пробуждения классового сознания, на склоне лет в своей библиопсихологии отказывается от всего и разводит самые буржуазные пацифистские теории? Причины для этого, несомненно, были.

Рубакин всегда был прежде всего практик. В теоретических вопросах он пытался соединить несоединимое, не мог определить ясной, четкой позиции. Это, видимо, нашло свое отражение и при выработке теории библиопсихологии.

Надо полагать, что многолетний отрыв от родины, от нового, советского читателя также сказался на характере рассуждений Рубакина.

Вторая жена Рубакина, Людмила Александровна, была убежденная толстовка, для которой всякое насилие, война и революция были преступлениями. Она сильно повлияла и на его психику, приблизив его к религиозным размышлениям. Вдобавок во время первой мировой войны Людмила Александровна обратилась еще к одному виду религиозного шарлатанства — христианской науке.

Сказались и тесные общения с Р. Ролланом, который действовал на Рубакина своими идеалистическими кон цепциями, своим отрицанием всякой войны и насилия. Знаменитая «Декларация независимости духа», опубликованная Р. Ролланом в 1919 году, содержала чисто идеалистические концепции, а под ней подписались и Рубакин, и Бирюков, и даже М. Горький. Влияние всех этих близких и знакомых на Рубакина было в этот период несомненно. Вдобавок к нему в 1919 году приехала новая секретарша, М. А. Бетман, насквозь проникнутая духом толстовства.

Несомненно, на Рубакина прямо или через Р. Роллана оказал влияние и Ганди со своей философией непротивления и отвращения ко всякому кровопролитию, кем бы оно ни причинялось. 12 июля 1931 года Рубакин пишет одному из друзей: «Познакомились мы здесь с Ганди, лично. Здесь происходит настоящее движение: цели и методы Ганди усиленно и очень успешно разрабатываются изучаются и вводятся в жизнь тихо, медленно, но все же просачивается тут и там его влияние». Непонятно, конечно, кем и где «изучаются, разрабатываются и просачиваются цели и методы Ганди». Но несомненно, что в эту эпоху под влиянием вышеуказанного окружения Рубакин поддается всякого рода непротивленческим теориям.

В своих автобиографических заметках, написанных в 1928 году, Рубакин пишет, что «дело Азефа его побудило не только выйти навсегда из партии с.-р., но и выбросить всякий терроризм из своего революционного миросозерцания... Полагая, что вражеский фронт легче всего и основательнее всего может быть разрушен пропагандой, чем террором всякого рода, казнями и другими кровопролитиями, он с этих пор сосредоточил свое внимание на создавании научной теории пропаганды».

Как видим, к тому времени, когда Рубакин стал писать свои книги по библиопсихологии, у него уже создалось определенное «пацифистское» миросозерцание, на почве которого ему было сравнительно легко, в особенности под влиянием окружающей его среды, перейти и в философской области к тем взглядам, которые так метко охарактеризовал Карпинский.

Именно здесь и надо искать корни идеалистических теорий Рубакина, вплетенных им без всякой внутренней связи и в противоречии со всем, что им писалось и делалось раньше всю его жизнь, в теорию библиопсихологии.

Но вместе с тем Рубакин сознавал, что его теория библиопсихологии подвергнется сильной критике по существу, и, как бы защищаясь против критики этого рода, он пишет в вышеупомянутых автобиографических заметках: «Я не из тех, кто уже нашел истину, а из тех, кто ищет и до конца дней будет искать ее. Поэтому я никогда не буду чувствовать себя способным принадлежать к какой-либо партии...»

Если откинуть идеалистическую шелуху в рубакинской теории, то нельзя не признать, что еще никто в русской литературе и в психологии не заострял так вопроса об изучении читателя, книги и автора, и многие проблемы библиопсихологии еще ждут исследователей, которые поставили бы ее на соответствующее ее значению место в науке.

Мы видим во всех положениях библиопсихологии то удивительные взлеты мышления и глубочайший психологический анализ нашей речи, ее влияния на читателя, анализ книжного дела вообще, то глубокие противоречия в самом ходе рассуждений. Но все эти мысли представляют большой теоретический и практический интерес. Можно сказать, что Рубакин первый и пока что единственный человек, поставивший проблему изучения читателя и книги и их взаимоотношений и сделавший это не на основании абстрактных рассуждений, а на основании более чем полувекового опыта в этой области тысяч писем от читателей и тысяч непосредственных контактов с ними, разработки языка своих научно-популярных книжек и изучения их действия на читателя, подбора книг в библиотеках и разработки массовых, коллективных, групповых и индивидуальных каталогов и программ для чтения.

Можно спорить со многими положениями и выводами Рубакина как ошибочными, но нельзя отрицать ценности ряда его выводов, которые по-настоящему еще ждут изучения.

Несомненно, что научные труды Рубакина в области изучения психологии читателя и книги станут теперь предметом широкого исследования и применения его идей.

Секция библиологической психологии, то есть фактически один Рубакин, развила необычайно кипучую деятельность, которая на деле была деятельностью самого Рубакина и по которой можно судить о его необычайной работоспособности и инициативности. Считалось, что библиотека Рубакина является библиотекой секции. То, что она числилась за научным институтом, придавало ей больший вес. Книги в нее текли и текли. К концу 1931 года в ней было уже 65 тысяч книг, а к 1946 году — году смерти Н. А. Рубакина — уже свыше 100 тысяч. Все шире и шире развертывалась необычайная деятельность Рубакина. Мы

не можем здесь перечислить всего, что он сделал и напечатал за это время, одновременно работая над своими основными трудами. Но некоторое представление об этом можно дать путем перечисления хотя бы наиболее интересных видов деятельности и их результатов.

* * *

Отчеты о деятельности института за весь период с 1916 по 1946 год дают огромный материал деятельности Рубакина.

Вся его деятельность за это время была направлена на экспериментальную проверку «основных законов библиопсихологии» и их практического применения к различным отраслям книжного дела.

На основании всех этих обследований за указанные годы Рубакин опубликовал целый ряд научных трудов, в которых развивал свои принципы.

С 1924 по 1928 год Рубакин опять-таки под флагом своего института составлял списки лучших советских книг на русском языке для Международной комиссии интеллектуального сотрудничества в Париже (она входила в состав учреждений при Лиге наций). Эти списки составлял Рубакин при содействии Государственной Центральной книжной палаты в Москве.

Список этих работ был бы не полон, если бы не сказать об одном наиболее старом методе общения Рубакина с читателями, а именно о переписке с ними. Эта переписка приняла огромные размеры и охватила не только советских читателей, но и читателей из ряда других стран.

С 1928 года в помещении библиотеки Рубакин устраивал выставки советских издательств, присылавших ему свои книги: издания «Академии», «Работника просвещения», «Политкаторжан», «Коммунистической Академии», Гослитиздата, «Жизни и знания» и т. д.

Для добывания книг был организован обмен библиотеки Рубакина с рядом европейских библиотек и других учреждений в различных странах. Была организована посылка — платная и бесплатная — книг читателям библиотеки. Около 3 тысяч книг было разослано Рубакиным своим ученикам и читателям. Эта кипучая деятельность была весьма полезной для Советского Союза. Можно только удивляться тому, как один-два человека (если считать и М. А. Бетман) ухитрялись проводить такую работу, большая часть которой совершенно не оплачивалась и на которую уходила пенсия Н. А. Рубакина с тех пор, как он по постановлению Совнаркома СССР стал ее получать (с 1930 г.).

Наконец, за междувоенный период Рубакин завязал и интенсивно поддерживал личные связи с учеными, писателями, общественными деятелями Западной Европы и Америки.

Глава 8. Последняя встреча с советским читателем

Вторая мировая война лишила Рубакина контакта с Советской Россией, да и с другими странами. Изоляция на этот раз оказалась гораздо сильнее, чем в эпоху первой мировой войны.

В сентябре 1939 года швейцарские границы были закрыты, а с июля 1940 года Швейцария была полностью отрезана от всех других стран и прежде всего от Советского Союза. В остальном же война сказалась на Швейцарии сравнительно легко. От фашистской оккупации страну спасло то, что она была нужна воюющим капиталистическим странам — ее соседям: здесь буржуазия хранила накопленные и награбленные ею капиталы и ценности. Но миссия хранителя капиталов возлагала на Швейцарию и обязательства по отношению к своим вкладчикам: швейцарская буржуазия, правящая страной, до смерти боялась возбудить их неудовольствие в случае, если в ней «заведется» коммунистическое движение. И вот швейцарские власти приняли ряд мер для подавления всякой возможности коммунистического движения. Федеральный совет Швейцарии особым декретом запретил в стране коммунистическую партию, а федеральному департаменту (министерству) юстиции и полиции (любопытное объединение в швейцарской «демократии» исполнительной и судебной власти!) были даны полномочия бороться со всякого рода коммунистической пропагандой. Соответственно Кассационный департамент федерального суда постановлением от 20 ноября 1942 года подтвердил эти полномочия. Под понятие «коммунистическая пропаганда» подводилось все, что было желательно высоким вкладчикам, что могло бы опорочить в глазах трудящихся существующий капиталистический строй и что могло бы

казаться восхвалением Советского Союза. Даже простое упоминание о победах Советской Армии у Сталинграда, под Курском и т. д. вызывало репрессии со стороны швейцарских властей.

И все-таки сперва в результате героического сопротивления Советской Армии и всего советского народа германофашистскому нашествию, а затем вследствие замечательных побед нашей армии в Швейцарии возник и все нарастал острый интерес ко всему советскому в самых широких кругах общественности и народа.

Рубакин и его библиотека стали информационным центром во всем, что касалось Советского Союза, и к нему посыпались запросы от самых разнообразных людей, заинтересованных жизнью Советской страны. Его деятельность в эту эпоху была необычна и чрезвычайно многообразна. Рубакин пишет в своем отчете за первые годы войны, что «библиотека подверглась настоящему натиску со стороны всех тех, в ком проснулся интерес к России и ко всему русскому. Многие стали изучать русский язык, так что все учебники русского языка разошлись по рукам и библиотека не могла удовлетворить всех желающих. Много нашлось и таких, которые захотели освежить свои знания русского языка и грамматики, хрестоматии и книги для чтения и т. д. были также в ходу».

Рубакина буквально забрасывали требованиями на русскую литературу, на библиографические справки, на русские драматические и музыкальные произведения — обращались к нему и издательства, и писатели, и переводчики, артисты, всякие культурные и другие учреждения. «Не один десяток советских книг в переводе с русского появился в свет за годы войны в Швейцарии», — пишет Рубакин.

Требовали исторические и географические данные, доходило до того, что какие-то русские аристократы вдруг потребовали справки о своей генеалогии! К Рубакину обращались университеты почти всех городов Швейцарии,

студенты, пишущие работы на темы о России, издательства и журналисты.

В Швейцарии создалось несколько кружков — «Русский драматический кружок» в Берне, «Школьный клуб по изучению русской истории», «Кружок русской литературы имени Н. А. Рубакина» в Цюрихе.

Библиотека Рубакина сначала разослала около тысячи книг, но число читателей их исчислялось десятками тысяч, так как их рассылали по учреждениям, библиотекам университетов и т. д.

Обычно читатели указывали тему, какая их интересовала, так как у библиотеки не было печатного каталога.

Добровольные сотрудники библиотеки читали лекции или выступали по радио на эти темы. Так, в Берне была проведена беседа по радио на тему «Названия русских городов, их произношение и значение», профессор Лассер в Народном доме в Лозанне прочел лекции по истории России, в Лозаннском университете состоялись лекции Границллы Лерман о великих русских романах XIX века, профессор доктор Малер читал в Базеле о культурной жизни современной России.

Журналисты и писатели получали в библиотеке материалы для статей на различные темы: о генералиссимусе Суворове, о русских партизанах, об Илье Эренбурге, о Коминтерне, о Мурманске и о севере России, о медицине, о положении женщины в СССР. Был дан материал для диссертаций — среди тем были такие: «СССР и Лига наций», «Толстой и мусульманское учение», «Маринетти и Маяковский».

В библиотеку за справками и объяснениями приходило множество швейцарцев и других иностранцев. Рубакин и его ближайшие сотрудники затратили массу энергии на борьбу «с заведомой ложью, ненавистью и страхом, какие отделяли Советскую Россию от Швейцарии».

Многие читатели требовали от библиотеки марксистскую литературу. Но швейцарские власти не позволяли посылать сочинения Маркса, Ленина, крупнейших деятелей рабочего движения. Дошло до того, что Кантональная библиотека в Лозанне обозначила в своем каталоге для читателей звездочкой все те книги, которые не подлежали выдаче и не должны были выходить из библиотеки. Таковыми были все книги, которые считались «пропагандой коммунизма», хотя часто они не имели к коммунизму никакого отношения.

Поэтому библиотеке Рубакина пришлось разослать своим читателям письма с просьбой, если они захотят выписать сочинения этих авторов, получить предварительно официальное разрешение Федерального департамента и доказать ему, что книги нужны для научных исследований.

При посылке книг швейцарским учреждениям и отдельным лицам приходилось соблюдать особую осторожность, так как швейцарская цензура могла легко придраться, обвинить в пропаганде коммунизма и выслать из Швейцарии Николая Александровича, а библиотеку конфисковать.

В своем отчете о работе библиотеки за 1942–1943 годы Рубакин иронически писал: «А что называть книгой с коммунистической пропагандой? С нашей точки зрения, ежемесячный отчет общества швейцарских банков, который можно всюду купить за 10 сантимов, может взорвать вулкан общественного мнения и служить для коммунистической пропаганды...». Действительно, эти отчеты банков, в которых швейцарские правящие монополии, богатеющие на поставках немцам продуктов и военного материала, с упоением сообщали об огромных барышах, полученных ими от этих поставок, многим открыли в Швейцарии глаза на интересы капиталистов.

* * *

В отчете о деятельности Института библиопсихологии за годы войны Рубакин отмечает, что «она составляет особую эпоху в его истории». Прежде всего он отмечает любопытное и несколько неожиданное явление: «Война не только не уменьшила интереса и потребности в чтении, а, наоборот, значительно усилила их... не только в Швейцарии, но во всем мире, она возбудила ряд вопросов, о которых люди до того и не думали, относясь индифферентно к социальным и интернациональным проблемам». Как известно, во второй мировой войне гражданское население понесло значительно большие потери, чем армии, — война шла тотальная, развязанная варварским фашизмом, ставившим целью истребление гражданского населения оккупированных им стран. Нельзя было не думать о вышеуказанных проблемах, когда буквально все население оккупированных и воюющих стран было втянуто в войну, страдало от голода, холода, от издевательств и мучений, погибало миллионами в фашистских концлагерях, лагерях смерти. Заставляла думать обо всех этих проблемах и непосредственная встреча с советскими людьми.

Война открыла Рубакину новых, еще незнакомых ему читателей — советских людей. Это были военные и гражданские пленные, угнанные фашистско-германской шайкой в Германию и оттуда ухитрившиеся бежать в Швейцарию. Швейцарские власти приняли их не очень доброжелательно, вернее, враждебно и рассадили по концлагерям, держали их, правда, в гораздо лучших условиях, чем в Германии; в швейцарских лагерях не было ни пыток, ни избиений, ни казней, ни сплошных издевательств над людьми. Но советские люди тем не менее томились в этих лагерях, рвались на Родину, рвались на борьбу с гитлеровцами. К тому же, несомненно, из фашистского плена бежали наиболее энергичные, смелые, решительные люди, для которых прозябание в

швейцарских концлагерях в бездействии и спокойствии было тяжело — они рвались в бой с врагами Советского Союза, и многие из них бежали и из этих концлагерей и перебрались кто во Францию, кто в Италию, а там участвовали в партизанской войне против фашистов.

Вот с этими-то соотечественниками Рубакин и встретился во время второй мировой войны. И, несмотря на тяжелое положение советских людей, несмотря на тяжелое положение самого Рубакина, отрезанного от Родины и почти лишенного средств существования, так как его пенсия теперь пересылалась ему с большими опозданиями и нерегулярно, это была для него одна из счастливейших эпох его жизни — возобновился, и притом в совершенно новых условиях, его контакт с русским народом. Это был последний и драматический контакт в его долгой жизни.

Рубакину и его библиотеке пришлось перестроить всю свою деятельность на великое дело помощи советским людям, попавшим в Швейцарию.

Около 10 тысяч советских военнопленных и беженцев, мужчин и женщин, взрослых и даже детей, обращались к Рубакину за помощью — и не только за книгами. Ведь библиотека была единственным учреждением в Швейцарии, представлявшим неофициально Советский Союз. Попавшие в Швейцарию советские люди, вырвавшиеся путем неимоверных усилий и отчаянной смелости из фашистского ада, очутившиеся в чужой и неизвестной им стране, нуждались в поддержке.

Отношение швейцарских властей к советским людям, а также к Рубакину и его библиотеке в начале войны, когда гитлеровские орды потеснили Советскую Армию и захватили часть советской территории, было резко враждебным и грубым.

Швейцарское правительство воздвигло ряд препятствий для деятельности Рубакина и его библиотеки среди

советских людей, интернированных в швейцарских концлагерях, и тем не менее Рубакин нашел способ помогать тысячам людей.

Единственными людьми в Швейцарии, говорящими по-русски, с которыми пришлось встретиться интернированным советским людям, были или белоэмигранты, или швейцарцы, репатриированные из России. И те и другие были враждебно настроены и к Советскому Союзу, и к советским интернированным. Неудивительно, что между швейцарцами и русскими создалась атмосфера отчуждения, вражды, взаимного непонимания. Начальники лагерей для интернированных в большинстве были тоже враждебны советским людям, лишь некоторые из них относились к ним очень хорошо.

И вот в последний период своей жизни и деятельности мой отец проявил себя как подлинный советский патриот.

«Война, — замечает Рубакин, — нам выявила новый тип читателя — военного читателя, на которого наложили печать зверства войны и ее последствий — плен, каторга, невыразимые страдания, всевозможные лишения, побеги, интернирование и т. д. Почти тысяча таких беглецов из Германии, военных и гражданских советских людей, мужчин и женщин, юношей, девушек и детей, интернированных в Швейцарии, обратились к нам. И не только для книг».

Отец сразу же активно стал помогать советским людям в лагерях. Материальную поддержку он оказать им не мог, но зато было то, что он всегда считал самым главным для поднятия духа и бодрости: были книги.

К исстрадавшимся, отрезанным от Родины советским людям стали приходить русские книги из библиотеки Рубакина. Радость этих людей была огромна. Как пишет Рубакин, книги встречались там как «друзья и светочи, оказавшие им поддержку в тяжелые и долгие дни их невольного пребывания на чужбине».

Только в 1943–1944 годах свыше двух тысяч советских людей, военных и гражданских, были читателями книг из библиотеки Рубакина. Как пишет Рубакин, «это были первые советские читатели, с которыми библиотеке пришлось иметь дело», не случайные проезжие советские граждане, а подлинные представители народных масс. «Это были также, — пишет Рубакин, — и первые читатели, носившие на себе печать войны: плен, принудительные работы, голод, пытки, неоднократные побеги, тяжелые воспоминания пережитых кошмаров в немецких истребительных лагерях, мучимые полной неизвестностью будущего, с надломленным здоровьем, в окружении чужой и незнакомой им среды».

Книга стала их лучшим другом: на ее чистых страницах они сообщали друг другу свои адреса, посылали друг другу приветы, извещали о своих горестях и радостях, подчеркивали в книгах особо поразившие их места, прославляли мощь Советской Армии и делились своей тоской по Родине. «Так они, — пишет Рубакин, — создали свое особое объединение советских граждан за границей во время войны, в котором связующим звеном им служила книга».

Помогать советским интернированным, даже посылая им лишь книги, учебники и т. д., конечно, было невозможно только на средства библиотеки и самого Рубакина. Ему бескорыстно помогали разные лица и учреждения в Швейцарии.

Но помимо посылки книг — духовной пищи, интернированным надо было оказывать и материальную помощь. Целый ряд лиц откликнулись на призыв Рубакина. Были собраны одежда, обувь, белье, белье для новорожденных (которые тоже появлялись на свет). Библиотека Рубакина и сочувствовавшие ей лица переводили и писали письма для интернированных, сносились для них со швейцарскими властями и юристами.

Постепенно интернированных стали репатриировать с осени 1944 года, когда конец войны и победа Советского Союза уже четко наметились. Но в конце 1944 года в Швейцарию прибыло новое огромное количество советских беженцев из Германии. Их провели через карантинный лагерь, а потом разместили по 88 лагерям, отдельно гражданских и отдельно военных. Библиотека обслуживала книгами также и их. За шесть месяцев им было послано 4 тысячи книг. К этому времени и отношение швейцарцев к ним стало лучше, и целый ряд общественных организаций стал их обслуживать. Дело в том, что, как только начали приходить известия о победах Советской Армии, отношение швейцарских властей к советским интернированным стало быстро изменяться, улучшаться. Им давали отпуска из лагеря. Швейцарская администрация взяла на себя расходы по пересылке книг для лагеря. Это было большим подспорьем.

Рубакин с первых же встреч с советскими людьми начал изучать характер спроса на книги со стороны советских военных и гражданских лиц. Как правило, сперва все требовали легкого, развлекательного чтения — после фашистского ада было трудно сразу засесть за научные книги. Мужчины просили сочинения Конан-Дойля, Майн Рида, Фенимора Купера, Жюля Верна, а женщины требовали книг о любви.

Рубакин внимательно следит за интересами читателей и отмечает, что довольно быстро характер чтения у них меняется. Они начинают все больше и больше интересоваться классиками, как русскими, так и иностранными. Он отмечает, что на полках библиотеки не осталось таких авторов, как Л. Толстой, Достоевский, Пушкин, Лермонтов, Гёте, Шиллер, Мольер, Бальзак, В. Гюго, «Тихий Дон» Шолохова, и «Как закалялась сталь» Островского. Появляются запросы, правда, незначительные, на научно-популярные книги.

Книги переходили из лагеря в лагерь, месяцами не возвращаясь к Рубакину, иногда вообще пропадали. Бывало, что книга, отправленная в один лагерь, через год возвращалась к Рубакину из другого, в другом конце Швейцарии. Некоторые книги проходили через несколько лагерей и нередко приходили растрепанными, запачканными.

Рубакин, всегда требовавший от читателей своей библиотеки самого бережного обращения с книгами и не переносивший всякого рода отметок карандашом на их страницах, на этот раз бережно сохранял все надписи, заметки, которые вместе с книгами служили средством общения между интернированными. Он, так строго следивший за чистотой и целостью своих книг, ничего не говорил виновникам порчи или пропажи. Он только добродушно улыбался и радовался, что его книги несли счастье и бодрость тем, кто их читал. Истрепанные, зачитанные книги с пометками на полях стали гордостью отца.

Рубакин был чрезвычайно растроган, когда на одной из книг рядом со штемпелем «Библиотека Н. А. Рубакина» кто-то нацарапал карандашом слово «наш». «Наш» — это относилось к отцу, и он это считал наивысшей похвалой себе.

Этот «книжный скупец», каким его считали, посылал соотечественникам тысячи книг из своей библиотеки и не жаловался, что они не возвращаются. «Они не возвращаются, но они не пропадают», — говорил он.

Всего за время войны отец передал интернированным около 10 тысяч книг, из которых только немногие вернулись обратно.

Он сам тщательно подбирал книги для тех, кто их просил: одни для здоровых, другие для больных в больницах, особо подбирал книги для девушек и женщин, для невротиков и психических больных — жертв войны и мучений. Их подбирал член Института библиопсихологии, доктор — психиатр и психолог Мишлин.

Десятки тысяч советских людей прочитывали книги, посланные отцом. О том, как они реагировали на эти книги, можно судить по их письмам, которых Рубакин получил свыше 700 только за 1943–1944 годы.

Один из интернированных писал отцу: «Я уверен в том, что все наши письма говорят об одном и том же: дай нам, пошли нам, скажи нам. Но вы единственный человек, к которому мы можем обращаться, как к своему отцу».

«Нечего и говорить, — писал другой, — что моральное состояние большинства из нас не очень высокое; не знаешь, куда деться. Все, что делаешь, не то, что нужно бы делать, а то, что нужно сделать, мы не можем сделать, так как мы не у себя дома».

«...Далеко от Родины, в безделье мы, конечно, не можем рассматривать себя как счастливцев и как на своем месте. Тем не менее выраженная нам симпатия отвлекает наши мысли от навязчивых идей и от разговоров, во время которых пережевывают все одно и то же... Мы полностью потеряли привычку заниматься серьезными вещами, читать серьезные книги или изучать языки... Пошлите нам книжек, которые бы нас увлекли и развлекли...»

«...Несколько слов о нашей жизни, — находим мы в одном из писем, — мы чувствуем пламя, которое видит весь мир и которое вырывается из нашей Отчизны. Оно нас пронизывает, сжигает нас. Но мы не видим никакого просвета, который мог бы осветить наш путь в ближайшем будущем. А между тем каждый из нас хотел бы найти самого себя, найти себе настоящее место, свою личность и твердую почву, которая была выдернута из-под наших ног».

В Швейцарии находилось около 100 советских девушек и женщин, которые работали у частных лиц — крестьян и т. д. Одна из них писала Н. А. Рубакину:

«Если я получу русские книги, я буду самой счастливой женщиной на свете».

Другая писала:

«...Я хочу пожать руку тому, кто мне послал такие чудные книги. Этим Вы сделали больше, чем если бы Вы мне прислали тысячу франков. Я теперь так счастлива, я могу хоть несколько моментов провести на моей Родине, умчаться в царство грез счастливого прошлого. В самом деле, 18 лет я прожила в России, я была действительно счастлива, а на пороге 19 лет я познала горе и много выстрадала...»

От имени интернированных в лагере «Ле Шалюэ» к Рубакину обращается А. Ибрагимов:

«Дорогой Н. А., после двух лет плена и истязаний в Германии мы, несколько сот русских, смогли вырваться из рук этих варваров и бежать. Зверства татар и гуннов бледнеют перед зверствами немцев, которые тем не менее претендуют на звание культурных и цивилизованных людей. Многим нашим соотечественникам они даже не позволяли говорить на родном языке — языке самых великих людей на свете... Мы, русские, интернированные в Швейцарии, благодарим швейцарский народ за наше спасение из рук немцев. Наша страна никогда не забудет сделанное нам добро. Мы, интернированные лагеря, делаем все, что только возможно, для поддержания умственной и культурной жизни в лагере в ожидании конца этой проклятой войны... Дорогой Н. А., мы знаем, что только вы среди русских, живущих за границей, сделали славное культурное дело, создав большую библиотеку и этим обогатив интеллектуальные силы нашего народа. Позвольте нам обратиться к вам с просьбой: сделайте нам выбор произведений, в которых говорится о славном прошлом нашей страны. Мы уверены, что вы, как русский, глубоко любящий свою страну, и как ученый, высоко ценящий культурное наследство нашего народа, нас поймете и нам поможете. Мы обещаем вам обращаться очень аккуратно с книгами. Они вам будут возвращены по первому требованию».

Помимо посылки книг, Рубакин и его сотрудники старались всячески смягчить отношения между советскими людьми и швейцарцами, объясняя тем и другим особенности жизни, нравов, политического строя каждой страны.

Рубакину удалось привлечь к делу помощи военнопленным и гражданским людям представителей американского «Христианского общества молодых людей». С их помощью в начале 1944 года была основана советская школа в бернском кантоне. Библиотека Рубакина дала этой школе учебники, книги для чтения, руководства, географические карты и т. п. В библиотеку только этой школы Рубакин послал около 500 книг.

Были организованы школы и в других местах. Учебники и книги для этих школ опять-таки были предоставлены Рубакиным.

«Надо отметить, — писал Рубакину директор женской школы Шепетенко, — что бедность умственной жизни во время 2–3 лет, проведенных в неволе в Германии, тоска по Родине, разлука с семьей очень сильно снизили способность читательниц сосредоточиться, несмотря на их огромный интерес к чтению. Их непрерывные думы о семьях, о Родине, о войне быстро вытесняют из их памяти все читанное. Мы просим вас послать в библиотеку всякого рода популярные книжки». «Преподавательский состав школы благодарит вас за вашу драгоценную помощь и присылку книг».

Европейский фонд помощи студентам предоставил возможность десяти советским молодым людям поступить в швейцарские университеты. Рубакин снабдил их учебниками, руководствами и учебниками для изучения французского и немецкого языков.

Рассылал Рубакин советские книги советским людям, размещенным из-за болезни в швейцарских больницах и санаториях. Там чтение книг имело огромное моральное

и, можно сказать, исцеляющее значение. Больные слали письма Рубакину с горячими благодарностями.

«Вдали от любимой Родины, но имея в своем распоряжении Вашу библиотеку, я себя чувствую как у себя дома. При моей тяжелой болезни я думаю, что она помогла мне больше, чем швейцарские врачи, прекрасный альпийский климат и другие приятные удовольствия, пусть они на меня не будут в обиде. Я признаю, что они много для меня сделали».

М., поляк, интернированный в Швейцарии, пишет из Цюриха 23 ноября 1944 года:

«Господин Монс выехал из Швейцарии и благополучно добрался до Франции. Если он смог перенести свое интернирование, не поддавшись искушению покончить самоубийством, то он этому в значительной степени обязан чтению, которое вы ему предоставили. Оно отвлекло его мысли от мучений за его отечество и его семью. Эта духовная пища повлияла на его характер и, я думаю, на будущую жизнь».

Вот коллективное письмо Н. А. Рубакину от советских интернированных в лагере Гурнигель 28 мая 1945 года:

«Дорогой Николай Александрович, мы только что получили Ваше письмо от 8 мая, оно где-то затерялось. Тем не менее оно произвело на нас огромное впечатление.

Разрешите нам, Н. А., прокричать Вам так сильно, чтобы вся Швейцария услышала: «Великое русское спасибо за Ваши слова, полные трогательной доброты, за Ваши моральные утешения и за присылку нам наших дорогих книг».

Вы, Н. А., были первым, протянувшим нам, по нашем прибытии в Швейцарию, братскую руку дружбы.

Вы нам дороги, потому что, живя за границей, Вы напоминаете другим слова нашей популярной песни: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит чело-

век». Это наша Родина, наш Советский Союз, охватывающий сотни национальностей и миллионы жителей.

Мы Вас знаем, Н. А., и мы никогда не забудем Вашу песенку. Вернувшись к себе, мы будем повсюду говорить о Вас и о Вашей работе.

Но для нас было бы еще большей радостью, если бы мы смогли увидеть Вас у себя, на нашей дорогой Родине, в нашем Советском Союзе.

Все мы, члены коллектива в 2000 человек, шлем Вам наши наилучшие пожелания здоровья и труда на благо науки.

Подписано по поручению 2000 интернированных:

1. Русские офицеры... 2. Сержанты...»

Даже и во время всей этой благородной и кипучей деятельности Рубакин не забывал своих обычных устремлений: пополнение библиотеки новыми книгами и библиопсихологическое исследование новых — советских — читателей. Приток книг в библиотеку сильно замедлился перед войной и во время ее. Но все-таки с 1932 по 1945 год библиотека получила от разных советских учреждений и частных лиц за рубежом свыше 26 тысяч книг.

Все книги для советских людей, для этих новых читателей, подбирались по библиопсихологическому методу. Трудно сказать, действовали ли они от этого больше — ведь читатели сами рвались к книгам, их тут было незачем «приучать к чтению».

Рубакин провел несколько опросов среди интернированных, чтобы выяснить их интересы и пожелания. Так, на вопросник, направленный в школу для молодых девушек из СССР в Зоненберге, из 60 учащихся на анкету ответило 32. На один из вопросов анкеты: «Если бы вас послали на необитаемый остров и разрешили бы взять с собой только одну вещь, что бы вы взяли?» — половина девушек ответила: «хороший товарищ», другая половина: «аппарат радио». Интересно, что перед войной на такую же анкету

Н. А. Рубакина среди швейцарцев ответы были: со стороны мужчин — «топор», «нож», а со стороны женщин — «библия».

На вопрос анкеты для советских женщин: «Приведите 10–15 слов, наиболее вам симпатичных и которые вы любите более всего?» — среди ответов первое место заняли слова: «Родина», затем «семья», «дом», «товарищ».

Так на склоне дней своих отцу было суждено испытать радость от непосредственного сближения с читателем — новым, советским читателем. И ему отрадно было видеть, что его связь с русским народом, которому он служил всю свою жизнь, была по-прежнему сильна.

Глава 9. Последние годы жизни Н. А. Рубакина

Рубакин никогда не принимал участия в публичных спорах и вообще не умел спорить и полемизировать. Он рассказывал о себе, что только один раз, будучи студентом, выступил как оратор на студенческом собрании и то ничего не мог сказать и его стащили с трибуны за фалды.

Он до наивности не любил полемики, хотя, по существу, в своих книгах постоянно ею пользовался. Отец наивно и вполне искренне думал, что можно спорить о политике, о философии да вообще о чем угодно, не вдаваясь в полемику, бесстрастно. Живя последние сорок лет в тихой, спокойной среде, видя мировые события только издали, из благодатной тишины швейцарского захолустья, он не мог понять чувств, владевших людьми, принимавшими непосредственное участие в этих событиях. А окружающие его близкие люди с их «толстовским» настроением и мировоззрением отнюдь не могли помочь ему разобраться в событиях как следует. Они его незаметно для него увлекали на иной путь, придавали его боевому темпераменту и характеру иной оттенок, отвлекали его от того, чего он действительно желал и к чему стремился. Они тщательно стирали в его представлении понятия о классах, о классовой борьбе, подменяя их словами «человечество», «люди», «борьба за справедливость для всех», «отрицание какой бы то ни было диктатуры человека над человеком».

Он был пламенным ненавистником правящих классов. Ведь именно он, один из первых в литературе, подметил и описал новый тип революционного рабочего, крепкого и твердого, начинающего осознавать мощь своего класса, и противопоставил его «размагниченному интеллигенту» —

крылатое выражение, ставшее в свое время ходячим обозначением упадочничества.

Но под влиянием толстовского окружения отец не то что переменился, а смягчил свои взгляды, стал «примиренцем». Он был совсем не похож на того, каким он был в эпоху первой русской революции 1905 года или до нее. Тогда он вращался в совершенно другой, действительно революционной среде.

Можно сказать, что всю свою жизнь Рубакин боролся с царским и капиталистическим гнетом и их верным слугой — религией. Его первая напечатанная научная работа называлась «Обожествление животных» и разоблачала примитивные формы религии. Все его научные книжки были так написаны, что их содержание так или иначе било по религии.

А между тем к нему постоянно подбирались и втирались в доверие если не явные церковники, то адепты различных религиозных сект, причем самых нелепых, самых примитивных.

Рубакин чрезвычайно доверял людям. Интересуясь главным образом их интеллектуальной жизнью, он мало разбирался в обычной человеческой психологии. Несмотря на свою борьбу против религии, он постоянно говорил о том, что надо быть терпимым ко всем верующим, во что бы они ни верили, ко всем религиям. К некоторым туманным формам различных восточноазиатских верований он даже относился с большим интересом, считал, что в них есть «здоровое ядро», выражаясь современным языком. Близкое знакомство с Р. Ролланом, который, не будучи верующим, относился с огромным уважением и почитанием к религиозным домыслам Льва Толстого и Ганди, повлияло и на моего отца. Я его сравнительно мало видел со времени первой мировой войны, так как только наездами бывал в Кларане и в Лозанне. Но чуть не в каждый мой

приезд я видел около него сторонников каких-нибудь религиозных сект, которые первым делом стремились — и притом с успехом — обработать Людмилу Александровну. Об этом стоит рассказать, так как случаи такого рода были очень характерны и печально закончились для наследия моего отца.

Первый случай был в конце первой мировой войны. У отца постоянно появлялись откуда-то новые люди, которые устраивались у него на работу в качестве помощников по подбору материала, секретарей и т. д. Большинство их приезжало из России. Так случилось и в 1918 или 1919 году. Я тогда еще был военным врачом во французской армии. Меня отпустили в отпуск в Швейцарию, чтобы повидать отца. У него я прежде всего услышал как от него, так и от Людмилы Александровны о «замечательной женщине», которая теперь у них стала «своим человеком» и помогает отцу в работе. Сразу же меня познакомили с этой женщиной. Это была невысокая брюнетка с умными, хитрыми и проницательными глазами, встретившая меня так, как будто она была уже членом семьи. Людмила Александровна поведала мне, что эта женщина по фамилии Шнеур, или, вернее, фон Шнеур — фамилия ее мужа — необыкновенно хорошо узнает, и характеризует людей, проповедует новую религию — «христианскую науку», необычайно, мол, интересную и глубокую. О «христианской науке» я уже слышал — так называлась религиозная секта, созданная в Америке некой Мэри Эдди, которая долго лежала в каком-то параличе и все думала, как бы разбогатеть. И она нашла средство и, по ее словам, испробовала его на себе: оно заключалось в том, чтобы лечить все болезни путем чтения больным евангелия. Средство было недорогое. Мэри Эдди на этом «средстве» страшно разбогатела, так как и она и ее последователи читали евангелие отнюдь не бесплатно. Действовали они

главным образом на женщин, которых вообще легче околпачить всякого рода эмоциональными приемами. В США этой секте принадлежала большая газета «Крисчен сайенс монитор», огромное издательство, ряд домов в Бостоне — оказалось, что и на евангелии можно неплохо заработать.

В Европе «христианская наука» только начала распространяться, преимущественно в Англии, Швейцарии и Голландии. Самое значительное — это то, что, несмотря на название, в ней не было ни христианства, ни науки. Но чтение евангелия действовало как внушение, своего рода психотерапия, и поэтому у нервных, впечатлительных и поддающихся гипнозу больных давало субъективные результаты.

Шнеур мне сразу же крайне не понравилась. Она пыталась полностью подчинить себе морально и моего отца и мою мачеху. С мачехой ей это удалось, а отца она только «заговорила». Тем не менее к самой Шнеур он относился с огромным уважением. Я же с ней сразу сцепился, и она меня побаивалась.

Шнеур дружила с Роменом Ролланом, переписывалась с ним, подписывая свои письма к нему «Наташа Ростова». Так же она подписывала и свои статьи, которые где-то печатались. По-видимому, и на Роллана она произвела впечатление, потому что он о ней упоминает в своем «Дневнике военных лет». Мое вмешательство спасло отца от «обращения» в «христианскую науку», но не спасло мачеху, которая так и сохранила на всю жизнь веру в эту науку. В ее «воспоминаниях», которые я недавно разыскал в архиве отца, особая тетрадь посвящена ее размышлениям о «христианской науке», ее постепенному вовлечению в эту «веру».

Шнеур вскоре уехала из Кларана в Женеву и там стала распространять свое «учение», и не без успеха. Она заинтересовала им одного крупного русского фабриканта-миллионера, Михельсона, бывшего владельца завода в

Москве. Михельсон даже собирался жениться на Шнеур, но умер. А все свои капиталы он завещал ей.

В конце 1965 года, будучи в Женеве, я узнал, что Шнеур все еще живет в Женеве, ей уже за 80 лет, она очень богата, но по-прежнему занимается пропагандой «христианской науки».

В 1919 году к отцу приехала из России некая Мария Артуровна Бетман, тогда еще молодая женщина, из русских немцев. Она поступила к отцу на работу и секретарем, и машинисткой, и помощницей по собиранию материала, а впоследствии сделалась фактически полной хозяйкой в доме, жила в квартире отца, ухаживала за ним, готовила пищу, хозяйствовала. Надо отдать ей справедливость, она очень много для него сделала, избавив его от всех житейских забот, чего не сумели сделать ни моя мать, ни Людмила Александровна.

Мария Артуровна, или Маруся, как ее звали в семье отца, стала абсолютно необходимой в доме. Она преданно и добросовестно служила отцу, оказывая ему не только житейскую, но и рабочую помощь в библиотеке, подборе и классификации материала и т. д. Дошло до того, что даже некоторые свои последние работы он подписывал вместе с нею. Она же составила библиографию его трудов, записывала его автобиографические заметки, составляла отчеты Института библиопсихологии и т. д.

Все это было бы очень хорошо, если бы после смерти отца не обнаружились весьма печальные факты. Библиотеку свою отец завещал Советскому государству, и она была перевезена в Москву в Ленинскую библиотеку. Архив же его, содержавший его переписку с читателями, с выдающимися общественными деятелями, с писателями, такими, как Чехов, Горький, Толстой, Елпатьевский и десятки других, его записные книжки и автобиографические заметки, документы и т. д. — все это осталось сперва в

Лозанне в его квартире на руках у М. А. Бетман. Каково же было мое изумление, когда она прислала мне фотокопию завещания отца: в нем все его имущество, все его архивы и все его авторские права были завещаны «единственной» его наследнице — Марии Артуровне Бетман. Это можно было приписать только тому, что в последние месяцы его жизни Бетман оказала на него психическое воздействие, под влиянием которого он отказал все в ее пользу, минуя жену и детей.

Через некоторое время Ленинская библиотека (года через два после смерти отца) получила от Бетман его архив — около 400 картонных ящиков с материалами. Но, присылая архив, Бетман в письме оговорилась, что это только две трети архива, одна же треть осталась у нее и будет прислана позже, когда она о ней договорится. Я не обратил сперва внимания на эти слова и считал, что эта часть архива просто еще не была разобрана.

С тех пор прошло много лет. В марте 1964 года М. А. Бетман умерла. До самого дня своей смерти она регулярно получала от Советского правительства пенсию, выхлопотанную ей Рубакиным. На эту пенсию она могла жить очень неплохо. Между тем я узнал, что Бетман жила в крайней бедности, отказывая себе во всем. В 1961 году она для чего-то ездила на Кубу, где прожила около шести месяцев, потом вернулась оттуда, по словам ее видевших, худая, бледная, изможденная. А треть архива Рубакина по-прежнему оставалась у нее. Мы с братом думали его получить для передачи в Ленинскую библиотеку после ее смерти.

Временно архив хранился у одной ее приятельницы, русской по происхождению, с которой вместе она жила последние годы. Но к этой приятельнице явилась какая-то женщина, назвала себя представительницей секты, носящей странное и бессмысленное название «Духовная ассоциация для всемирного обслуживания».

Показав бумагу М. А. Бетман, которая завещала этой ассоциации все документы моего отца и все права на его рукописи и книги, эта женщина забрала весь архив и исчезла.

В декабре 1965 года я побывал в Лозанне, где жил последние 25 лет своей жизни Рубакин, и на месте выяснил страшную вещь: около тридцати лет Бетман состояла членом этой секты. Ей она отдавала почти всю свою пенсию, оставляя себе гроши, для нее делала переводы с русского. Первую часть архива Бетман, оказывается, не отдала, а продала Ленинской библиотеке за 60 тысяч франков в собиралась продать и остальное — именно это и означали ее слова в письме ко мне «если я договорюсь». Все вырученные деньги забирала у нее эта секта, вернее, ее глава, называвший себя «живым Буддой». Видимо, по наущению главы секты Бетман заломила с Ленинской библиотеки такую сумму за оставшийся у нее архив, что библиотека отказалась платить и даже не ответила на ее предложение.

Назвавший себя «живым Буддой» некий Линд был родом с Кубы, там находилась его штаб-квартира, откуда он наезжал в Европу для пропаганды и шантажа, для вымогательства у попавших в паутину его секты простачков. С ним всегда разъезжали какие-то три девицы, составляющие, повидимому, его «гарем». Они-то вели от его имени всякие финансовые операции, вступали в сношения с намеченными им жертвами. Членами секты были преимущественно женщины. Линд называл себя «доктором» каких-то наук, делал доклады о своей «теории религии», в которой была смесь разного рода буддийских верований и отсебятины. От своих последователей он требовал абсолютного подчинения и, вероятно, оказывал на них своего рода гипнотическое влияние. Иначе трудно было бы предположить, что Мария Артуровна Бетман, женщина неглупая и, казалось бы, с трезвым умом и безусловно честная и преданная моему отцу, дала себя увлечь в трясину этой секты. Правда, у нее и

раньше был «сектантский» уклон — она была убежденная вегетарианка и «непротивленка». Она пыталась вовлечь и отца в эту секту, познакомила его с Линдом, и возможно, что Линд в разговорах с ним убедил его завещать все литературное и другое имущество Марии Бетман, от которой Линду было легче его выудить.

После смерти Бетман мне удалось достать адрес одной из «приближенных» Линда, мадемуазель Эро, француженки или швейцарки из французской Швейцарии. Именно она-то и приходила к лицу, у которого после смерти Бетман временно хранился завещанный секте остаток архива Рубакина. Я написал ей письмо, прося сообщить, могу ли я получить этот архив, содержащий ценнейшие документы. Ответ пришел через несколько недель не из Франции, а из Испании, из Барселоны, где проживала теперь эта «мадемуазель». Ответ по своей гнусности превзошел все мои ожидания.

Вот несколько выдержек из него (письмо от 10 марта 1965 года): «...Действительно, уже около 30 лет, вплоть до своей смерти, Мария Бетман была международным секретарем и официальным переводчиком «Союза всемирного обслуживания». Она меня назначила своей душеприказчицей, оставив все свое имущество «Союзу всемирного обслуживания»...

В 1962 году, к счастью, нам удалось бежать с Кубы, но зато мы потеряли во время войны часть нашего имущества, а позже все наше имущество было конфисковано правительством Фиделя Кастро, за исключением нашей библиотеки и музея, которые являются всемирным достоянием и достоянием всего человечества (?). Во время нашего бегства нам пришлось пожертвовать большей частью наших архивов и, конечно, всем, что составляло наше имущество, либо приобретенное, либо подаренное нам. Согласно тексту завещания покойной Марии Бетман, в ко-

тором речь шла о том, что нам завещано ее имущество с правом вечно им распоряжаться, мы вступили во владение оставшейся его частью в Швейцарии по постановлению судьи, ведшего это дело. Мы, вполне естественно, распорядились архивами, которые являются собственностью нашего союза, а остальное, такое, как книги, личные записные книжки и письма на языках, нам неизвестных, (т. е. на русском!!! — А. Р.) мы сожгли, не зная, что с ними делать и не видя в них никакой интеллектуальной или художественной ценности и еще меньше ценности духовной (? — А. Р.)... В настоящее время, насколько нам известно, мы не располагаем ничем, что принадлежало бы покойному профессору Рубакину».

В 1965 году, вернувшись в Москву, я пытался получить точные сведение о Линде, сотрудникам которого удалось выманить у М. А. Бетман хранившуюся у нее часть архива моего отца. С этой целью я написал в наше посольство на Кубе, и через некоторое время получил от него ответ, что им не удалось найти на Кубе никаких следов этого Линда. Не смогли они и разыскать никого из бывших его почитателей.

У меня осталось подозрение, что архив Рубакина, полученный в Швейцарии одной из фанатичных последовательниц Линда (последовательницы не в смысле его вероучения, а в смысле совершения всякого рода похищений, обманов и т. п.), вовсе не был уничтожен. Поскольку архив отца, имеющий материальную ценность и могущий быть проданным, представлял для шайки Линда денежную ценность и мог служить орудием шантажа, вряд ли они стали бы его уничтожать. Своим ответом на мои поиски и письмом «ученики» Линда хотели просто отвести от себя внимание. Им не было смысла уничтожать то, что они могли надеяться продать специалистам в Европе или в Америке.

Что же содержала третья часть архива Рубакина, которую Бетман пыталась по наущению шантажиста продать Ленинской библиотеке?

Сама Бетман, когда предложила Ленинской библиотеке купить у нее эту часть архива, прислала список того, что он содержал. Из этого списка видно, какие ценные документы в нем имелись и пропали навсегда для истории русского общества. В нем находился целый ряд неизданных рукописей Рубакина: «Книга как орудие борьбы за истину и справедливость» (98 стр.), «Подкожная нравственность доктора Батибиуса» (сценарий, 293 стр.), «Материалы, схемы и таблицы для краткого курса по психологии чтения и читательства», «Краткий курс библиологической психологии», «Психические типы читателей, слушателей и зрителей», ряд набросков, схем, документов. В нем же было «Письмо дорогой моей родине» с припиской: «Опубликовать не раньше моей смерти». И все это изуверы «живого Будды», шантажиста Линда, сожгли!

Рубакин стал жертвой своей доверчивости. Он, всю жизнь боровшийся с религией как с одной из худших форм одурманивания людей, был после смерти безжалостно обкраден человеком, который будто бы был ему предан. Бетман передала все архивы отца грабительской шайке, которая пыталась из них извлечь значительную выгоду, продав их на родину Рубакина по высокой цене.

* * *

Рубакин имел великое счастье дожить до победы нашей Родины над гитлеровской Германией. Ему было уже 83 года, когда на весь мир прозвучала великая весть об этой победе. А для него это было тоже немалой и личной радостью, так как он узнал о том, что я, его сын, был освобожден из фашистского концлагеря и прибыл в Москву. Его письма ко мне дышали радостью по поводу великой

победы советского народа. Они были полны надежд и планов на будущее. Он думал о развитии Института библиопсихологии, об опубликовании своих законченных и находящихся в рукописи романов «Каиново семя», «Многоэтажная совесть», в которых выводил русскую интеллигенцию середины прошлого века.

Последнее письмо от отца я получил в феврале 1946 года. Он просил меня похлопотать за него перед Книжной палатой в Москве о присылке или, вернее, о возобновлении присылки ему книг. А ему было уже 84 года, он лежал больной. Мысль о книгах и о том, что станется с его библиотекой после его смерти, не покидала его много лет. И в конце концов он все-таки решил так, как думал уже давно, — передать всю свою библиотеку Советскому Союзу, передать как единое целое, а не для рассеяния.

Но завещать библиотеку Советскому Союзу было не так-то просто. По швейцарскому закону для этого требовалось согласие детей владельца имущества. И вот в 1942 или начале 1943 года, когда я находился в заключении в фашистском концентрационном лагере в Северной Африке, я вдруг получил от отца письмо — а его письма вообще редко до меня доходили, — в которое он вложил специальный бланк от лозаннского нотариуса. Я должен был официально подтвердить, что отказываюсь от всяких притязаний на библиотеку отца и даю ему право завещать ее кому хочет. Без этого в случае смерти отца библиотека перешла бы ко мне, а так как я не имел никакой фактической возможности вступить во владение ею, то она как «бесхозное» имущество стала бы собственностью швейцарского правительства.

Я подписал эту бумагу и отослал ее отцу.

Любопытно, что от моих братьев в Швейцарии такого документа не потребовали. Я как старший из братьев в глазах швейцарского закона считался основным наследником.

До самого своего конца Рубакин жил и работал для России, для русского — советского народа, о нем думал всю свою жизнь, ему был верен.

Все, что он имел, он отдал русскому народу — свои знания, свой талант, свои книги.

Когда окончилась война, Рубакин лежал в постели — у него был тяжелый перелом ноги, который не мог срастись. 23 ноября 1946 года он не проснулся: утром, когда вошли к нему в спальню, он лежал мертвый в постели, с тихим и спокойным выражением на лице. Так кончилась полная работы и страсти жизнь одного из величайших просветителей русского народа.

В это время я уже был в Москве и работал в Первом медицинском институте. Мой брат прислал мне краткую телеграмму: «Сегодня папа умер».

В тот же день, когда я получил телеграмму о смерти отца, в нашем институте было заседание ученого совета под председательством Николая Александровича Семашко. Николай Александрович, которому я сказал о смерти отца, поднялся и сообщил об этом ученому совету и предложил почтить его память вставанием.

В 1948 году в Москву в Государственную библиотеку имени В. И. Ленина была перевезена вся библиотека отца, которую он завещал советскому народу. В Ленинской библиотеке она занимает целых пол этажа книгохранилища и значится под литерами «Фонд Рб» — вся она стоит там целиком как памятник его мысли и творчества. По ней изучают его систему классификации книг и знаний. Все книжные богатства, накопленные отцом, вернулись советскому народу.

Урна с прахом Николая Александровича Рубакина была перевезена из Лозанны в Москву в 1948 году и погребена на Новодевичьем кладбище, у Стены старых большевиков, на кладбище, где погребены лучшие русские люди, ученые

и писатели, артисты, музыканты, художники. Скромная каменная урна, стоящая на уступе в стене древнего русского монастыря, имеет вид печати, лежащей на каменной книге, на которой выгравированы слова: «Да здравствует книга — могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость!» — девиз, которому Рубакин был верен всю свою жизнь.

Алексей Максимович Горький в письме Рубакину от 18 октября 1922 года писал: «Когда-нибудь разумные люди сумеют оценить Вашу настойчивую, огромную работу истинного демократа. Много сделано Вами для одухотворения массы народной, я знаю это и очень хорошо».

И советский народ оценил Рубакина. Рубакин не был забыт. Когда в 1962 году наступило столетие со дня его рождения, сотни статей, заметок появились в газетах нашей Родины, и в них отмечался этот столетний юбилей и заслуги Рубакина перед русским народом. Вышел ряд книг, посвященных ему, в том числе его биографии, изданные издательством «Знание» и «Книга».

Но еще все, что дал Рубакин своей Родине, не исчерпано. В Ленинской библиотеке стоят еще 400 картонных ящиков с его архивом, содержащим богатый материал по истории русского общества второй половины XIX и первой половины XX века. В нем находятся рукописи двух его романов из истории русской интеллигенции его эпохи: «Многоэтажная совесть» и «Каиново семя». Когда-нибудь материалы, собранные в этом архиве, будут разработаны и опубликованы и дадут нам яркую картину той эпохи русской жизни, в которую жил Рубакин.

Даты жизни и деятельности Н. А. Рубакина

1862 1(13) июля — Родился в Ораниенбауме Петербургской губернии.

1873 — Переезд всей семьи Рубакиных в Петербург из Ораниенбаума. Поступление в реальное училище в Петербурге.

1875, 22 октября — Открытие в Петербурге платной библиотеки Л. Т. Рубакиной, в которой стал работать Николай Александрович.

1877 — Н. А. Рубакин напечатал в журнале «Детское чтение» свою первую статью — «Обоготворение животных».

1879–1880 — Рубакин печатает стихи в юмористических журналах «Стрекоза», «Будильник» и т. д. под различными псевдонимами.

1881 — Рубакин сдал экзамен на аттестат зрелости при гимназии и поступил в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета.

1887 — Арестован полицией за принадлежность к «Студенческой корпорации». Отдан под гласный надзор полиции на один год.

Окончил университет и получил золотую медаль за работу «Развитие крови в сердце у зародыша цыпленка».

1888 — Опубликовал «Опыт программы по изучению читателей».

1889, 23 апреля — Женитьба на Надежде Ивановне Игнатьевой.

1889–1893 — Работал на бумажной фабрике своего отца в Стрельне.

1890 — Программный доклад в Петербургском комитете грамотности, выдвинувший его в первые ряды писателей эпохи. Основание при библиотеке Л. Т. Рубакиной

«Подвижного музея учебных пособий» в сотрудничестве с Е. Д. Стасовой и М. И. Страховой.

1891 — Редактировал в 1890–1891 годах журнал «Мир божий».

Знакомство с Н. К. Крупской.

1892 — Принял на себя руководство библиотекой матери.

1893 — Доклад «Книжное оскудение» в Вольном экономическом обществе в Петербурге. Впервые выдвинута теория «библиотечного ядра».

1894 — Организация литературных вечеров на квартире Н. А. Рубакина. Вместе с Хирьяковым по инициативе Н. К. Михайловского решено создать Союз писателей.

1894–1897 — Заведовал издательством О. Н. Поповой в Петербурге.

1895 — Доклад в Москве на съезде Комитета грамотности. Выслан в Рязань под гласный надзор полиции. Опубликовал «Этюды о русской читающей публике».

1897–1899 — Заведовал особым отделом в издательстве И. Д. Сытина. 1897–1900 — Заведовал одновременно издательством «Издатель».

1900 — 25-летний юбилей библиотеки Л. Т. Рубакиной. 57 тысяч томов. Поездка в Париж на Всемирную выставку 1900 года.

1901–1903 — Первая ссылка. Жил в Крыму (Ялта, Алупка, Алушта), в Новгороде.

1901 — В Крыму вступил в создававшуюся тогда партию эсеров. Писал революционные брошюры и передавал их Л. Б. Красину, который их печатал в типографии социал-демократов.

1902 — Развелся со своей первой женой Н. И. Рубакиной. Женился на Л. А. Коломийцевой, урожденной Бессель. Заведовал издательством Алексеева.

1903–1907 — Работал в издательстве Гершунина.

1904 — Доклад на съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию. По приказу министра внутренних дел Плеве выслан за границу «навсегда».

1905 — После убийства министра Плеве получил разрешение вернуться в Россию.

1906 — Переехал из Петербурга в Финляндию, в Выборг.

Выход в свет основного труда Рубакина «Среди книг» в одном томе.

1907 — Передача Петербургской библиотеки Рубакина Петербургскому отделу Всероссийской лиги образования.

В октябре отъезд из Выборга за границу, в Швейцарию.

1909 — После раскрытия дела Азефа, в разоблачении которого принимал еще в 1903–1904 годах деятельное участие, заявил о своем выходе из партии социалистов-революционеров.

1911–1915 — Выход второго издания «Среди книг» в трех томах.

1914 — Рецензия В. И. Ленина на «Среди книг».

1916 — Создание секции библиопсихологии при Институте Ж.-Ж. Руссо в Женеве.

Знакомство и дружба с французским писателем Роменом Ролланом, продолжавшаяся до самой его смерти.

1919 — В августе выступил в Чехословакии с докладом о библиотечном деле, после которого швейцарское правительство отказало ему в разрешении вернуться в Швейцарию. Только в декабре получил это разрешение и вернулся в Кларан.

1922 — Выход на французском языке труда в двух томах «Введение в библиологическую психологию» в Париже.

1928 — Секция библиопсихологии превращена в Международный институт библиологической психологии под руководством Н. Л. Рубакина.

1930 — Совет Народных Комиссаров СССР постановил дать персональную пенсию Н. А. Рубакину.

1942–1945 — Работа с советскими гражданскими и военными пленными в Швейцарии, бежавшими из германо-фашистского плена, помощь им книгами, материальными средствами, переписка.

1946, 23 ноября — Н. А. Рубакин скончался в Лозанне.

1948 — Урна с прахом Н. А. Рубакина перевезена в Москву и захоронена на Новодевичьем кладбище. В том же году библиотека Рубакина, завещанная им Советскому Союзу, перевезена в Москву и размещена в качестве особого отдела (фонд Рб) в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина.

Оглавление

Александр Николаевич Рубакин

Н. А. Рубакин

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *Е. Романова*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел. +7 (495) 258-90-28, 8-800-333-68-45
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru